
ОГОНЁК
№ 30 ИЮЛЬ 1949
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
…ОВСКОЕ УЧИЛИЩЕ
…ОВСКОЕ УЧИЛИЩЕ



Город Николаев. Памятник морякам-десантникам, героям освобождения города от немецких захватчиков.

Фото Э. Гутгарца

На первой странице обложки: Выпускники-отличники ленинградского Нахимовского училища, комсомольцы Юрий Закиматов (слева) и Александр Дорофеев.

Фото Д. Трахтенберга

На последней странице обложки: Яхты в Финском заливе.

Фото Я. Халипа

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 30 (1155) 24 ИЮЛЯ 1949

27-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ



17 июля советский народ торжественно отпраздновал День Воздушного Флота СССР. Как всегда, главным событием праздника был воздушный парад на Тушинском аэродроме. В присутствии товарища Сталина, руководителей партии и правительства перед сотнями тысяч москвичей славная советская авиация вновь показала растущую технику, отличное летное мастерство пилотов, штурманов, всего личного состава.

Парад открыла колонна самолетов-знаменосцев. Они пронеслись в строгом строю с огромными стягами на древках — знаменами 16 союзных республик. На головном ведущем корабле — знамя с портретом товарища Сталина.

За этой колонной проследовала другая, начертав в небе своим строем дорогие всему трудовому человечеству слова: «Слава Сталину!»

Фото О. Кнорринга

На страже морских рубежей нашей Родины

Адмирал А. Г. ГОЛОВКО,
начальник Главного штаба Военно-Морских Сил

24 июля советский народ празднует традиционный День Военно-Морского Флота СССР.

В связи с этим начальник Главного штаба Военно-Морских Сил адмирал А. Г. Головко в беседе с корреспондентом «Огонька» рассказал:

— В числе боевых единиц нашего Военно-Морского Флота имеется небольшой корабль «Капитан-лейтенант Дмитрий Лысов». Корабль рядовой, ничем особенным не примечательный. Между тем с именем капитан-лейтенанта Дмитрия Алексеевича Лысова связан поистине героический эпизод времен Великой Отечественной войны. Позволю себе вкратце рассказать его.

Поздней осенью 1944 года тральщик Северного флота конвоировал транспортные суда в Карском море. Неподалеку от западного побережья Таймыра его торпедировала немецкая подводная лодка. Командир тральщика капитан-лейтенант Лысов приказал экипажу покинуть тонущий корабль. Матросы спустили шлюпки и спасательные плоты, выгрузили аварийные запасы. Последним, согласно уставу, с тонущего корабля должен был сойти командир. Но капитан-лейтенант Лысов остался на палубе вместе с несколькими комендорами, стоявшими у орудий. Зная людоедские нравы фашистских пиратов, Лысов опасался, что немецкая лодка всплывет и начнет расстреливать шлюпки. И он решил ценою собственной жизни спасти жизнь товарищей. Простившись с боевыми друзьями, Лысов отдал им свой партийный билет и ордена.

Уходя на веслах, моряки в шлюпках слышали в сгущающемся тумане знакомые выстрелы своих корабельных пушек. Тонущий тральщик медленно погружался. Немецкая лодка пыталась всплыть. Но едва из воды показывалась ее рубка, как Лысов и комендоры открывали огонь, поражая ее своими меткими залпами, один из которых, как потом стало известно, и решил судьбу фашистского подводного пирата. Палуба кренилась, уходила из-под ног. Люди коченели, захлебывались в ледяной воде, но до последней минуты жизни, до последнего дыхания они оставались на тонущем, обреченном корабле грозной силой для врага.


Адмирал Арсений Григорьевич Головко.

Суровые испытания ждали и тех, кто, выполняя приказ командира, ушел на шлюпках. Отряд штурмана Дементьева высадился на необитаемом острове, затем по дрейфующему льду перебрался на материк, где на сотни километров не было человеческого жилья. Наступала полярная ночь. Моряки шли по тундре, сгибаясь под порывами арктической пурги, выбиваясь из сил. Запасы продовольствия иссякли. Но Дементьев и его спутники продолжали идти, неся с собой, как святыню, партийный билет и боевые ордена своего погибшего командира.

Большевистское упорство и матросская выносливость победили полярную стихию. Весь отряд Дементьева дошел до ближайшей зимовки. Отдохнув и подлечившись, моряки снова возвратились на боевые корабли Северного флота. И когда спустя несколько месяцев над Кольским заливом прогремел салют Победы, наверное, каждый из них с особым чувством воспринимал проникновенные сталинские слова: «Вечная слава героям, павшим в боях за свободу и независимость нашей Родины!»

Дмитрий Лысов, погибший в возрасте 25 лет, стал офицером в начале войны. Его сверстник штурман Дементьев пришел на боевой корабль по призыву из торгового флота. Юноши, только начинающие жить, но воплотившие в себе лучшие качества зрелых, испытанных судьбою мужей, они не представляют исключения. Такого же примерно возраста были и севастопольские матросы, которые, обвязав себя гранатами, бросались под вражеские танки, и подводники Балтики, ходившие из блокированного Ленинграда через бесчисленные минные поля в логово врага — к Штеттину и Данцигу.

В годы Отечественной войны на защиту советской Родины встали поколения, воспитанные Великой Октябрьской социалистической революцией. И если ровесники Октября составляли основную массу личного состава наших Военно-Морских Сил, то на командных постах флота были их старшие братья — комсомольцы гражданской войны. Командиры соединений, командующие флотами и начальники штабов в подавляющем своем большинстве стали моряками в начале двадцатых годов, когда Ленинский комсомол по призыву партии посылал на военные корабли лучших своих питомцев.

Воспитанные большевистской партией в духе безграничного советского патриотизма, наши военные моряки встретились с врагом, будучи вооружены первоклассной боевой техникой и самой передовой военной наукой нашего времени — сталинской наукой побеждать.

Выполняя задачи, поставленные Верховным Главнокомандованием, наш флот надежно прикрывал фланги сухопутных фронтов, упиравшиеся в море. Общеизвестны героические дела черноморцев при обороне Севастополя и Кавказа, при освобождении Крыма и Южной Украины. Общеизвестна роль Волжской военной флотилии и морской пехоты в великой Сталинградской битве. Располагая значительным численным превосходством на Балтике, немцы, однако, на протяжении всей войны ощущали на себе активное воздействие Краснознаменного Балтийского флота, который плечом к плечу с сухопутными войсками оборонял город Ленина. Численное превосходство не помогло гитлеровцам и на Севере. Владея многочисленными удобными базами в Норвегии, они не только не смогли нарушить наших коммуникаций, но и не уберегли собственных коммуникаций от ударов молодого Северного флота. Почетную боевую работу выполнили Военно-Морские Силы и на Дальнем Востоке в войне против империалистической Японии.

Всюду, где бы ни сражались советские военные моряки, они свято хранили революционные традиции броненосца «Потемкин» и крейсера «Аврора». Своими подвигами и воинским мастерством они еще выше подняли славу Гангута, Чесмы и Синопа, многовековую славу русского морского оружия.

Наша Родина — великая морская держава не только по своему географическому положению. Глубоко, в седую даль веков, уходят исторические корни нашего морского могущества. Древний водный путь «из варяг в греки» — из Балтики в Черное море — был основной транспортной магистралью молодого тогда русского государства. Из устья Днепра ходил походами на Византию киевский князь Олег, водрузивший свой щит на вратах Царьграда.

Вот что рассказывает хроника византийского летописца IX века Георгия Амартола:

«Се идуть Русь бещисла корабль... Приплу Русь на Константиньград лодиами тысящь десять»...

Английский морской историк XIX столетия Джен, воспевая величие Великобритании, претендующей на громкий титул «владычицы морей», не мог, однако, не признать приоритета русских в создании флота. В своей книге «Государственный флот России, его прошлое, настоящее и будущее» Джен писал:

«Существует распространенное мнение, что русский флот основан сравнительно недавно Петром Великим. Однако в действительности он по праву может считаться более древним, чем британский флот. За сто лет до того, как Альфред построил первые английские корабли, русские участвовали в ожесточенных морских сражениях, и тысячу лет назад именно русские были наиболее передовыми моряками своего времени».

В XV—XVI веках, когда европейцы не отваживались достигнуть и Новой Земли, русские поморы плавали на Грумант (Шпицберген), ходили в торговый город Мангазею в устье сибирской реки Таз.

Каждый советский гражданин, гордый историческим прошлым своей Родины, не может не знать, какую прогрессивную роль играл флот в возвращении России исконных славянских земель на Черном море и на Балтике, в укреплении русского государства.

Характерной чертой развития нашего флота является тесное содружество мореплавания и военно-морского дела с наукой и техникой. Уже в XVII веке архангельские мастера строили отличные корабли, плававшие в Европу. Высокая культура отечественного судостроения позволила Петру Первому в короткий срок создать могучий флот, ставший грозой для турок и шведов.

Три столетия назад сибирский казак Семен Дежнев открыл пролив между Азией и Америкой. Последующие за тем исследовательские плавания Беринга, Чирикова, братьев Лаптевых, Прончищева, Челюс-

кина обогатили мировую географическую науку величайшими открытиями. Российский военный и торговый флот был основным средством исследования и освоения Аляски и Тихоокеанского побережья Северной Америки. В те времена, когда нынешние американцы как самостоятельная нация не существовали вовсе, русские поселения были уже первыми очагами цивилизации на северо-западе американского материка.

Русские военные моряки Фаддей Беллинсгаузен и Михаил Лазарев открыли для человечества шестой материк — Антарктиду, опровергнув самонадеянные утверждения англичанина Джемса Кука о том, что за Южным полярным кругом якобы нет и не может быть земли.

В середине прошлого столетия русский флот стал родиной минного оружия. Великий ученый А. С. Попов, служивший в Балтийском флоте в качестве преподавателя электроминной школы, изобрел радиосвязь. Впервые его изобретение было применено на русских военных кораблях. Из рядов русского морского офицерства вышел конструктор первого в мире самолета А. Ф. Можайский.

Олицетворение богатой талантами русской натуры являет собой адмирал С. О. Макаров. Оставленное им научное наследство обогатило все отрасли военно-морских знаний. Самодвижущиеся мины, примененные Макаровым в войне с турками, выросли в грозное торпедное оружие. Во всех флотах мира применяются бронебойные колпачки на артиллерийских снарядах, впервые предложенные Макаровым. По образцу макаровского «Ермака» строятся линейные ледоколы, прокладывающие пути в арктических льдах. Нет моряка, который не пользовался бы работами Макарова по океанографии, не знал бы его замечательной книги «Рассуждения по вопросам морской тактики». Работы по непотопляемости кораблей, начатые Макаровым полвека назад и развитые затем другим выдающимся нашим соотечественником — академиком А. Н. Крыловым, открыли новую главу в кораблестроении.

Советский военно-морской флот, созданный Лениным и Сталиным, развивается и совершенствуется на базе могучей социалистической индустрии, передовой науки и техники.

Конструкторы и изобретатели непрестанно трудятся над усовершенствованием корпусов, двигателей, механизмов управления, радиосвязи, различных видов морского оружия. За последние годы немало специалистов, работающих в области кораблестроения и вооружения флота, удостоено Сталинских премий. Лауреаты — инженер-контр-адмиралы Брыкин и Алексеев, инженер-капитаны 1-го ранга Арефьев и Филиппов, капитан 1-го ранга Климантович и другие — отдают свои знания и труд делу укрепления флота.

Военные моряки активно содействуют и дальнейшему развитию торгового мореплавания.

Наши военные тральщики изо дня в день тралят фарватеры, уничтожают минные поля, оставшиеся от немцев после войны. С ежеминутным риском для собственной жизни моряки тральщиков расчищают пути для транспортного флота. В любой штурманской рубке, будь то на океанском транспорте или на рыболовном боте, найдутся лоции и карты, выпущенные военными гидрографами.

Партия и правительство, лично товарищ И. В. Сталин уделяют исключительное внимание развитию флота, воинскому труду и быту наших матросов, старшин, офицеров. Посещение товарищем Сталиным черноморского крейсера «Молотов» вызвало огромный подъём среди личного состава наших военно-морских сил. На отеческую заботу великого вождя военные моряки отвечают новыми успехами в боевой и политической подготовке. Командованием особо отмечены успехи матросов, старшин и офицеров линкора «Октябрьская революция», крейсера «Молотов» и других.

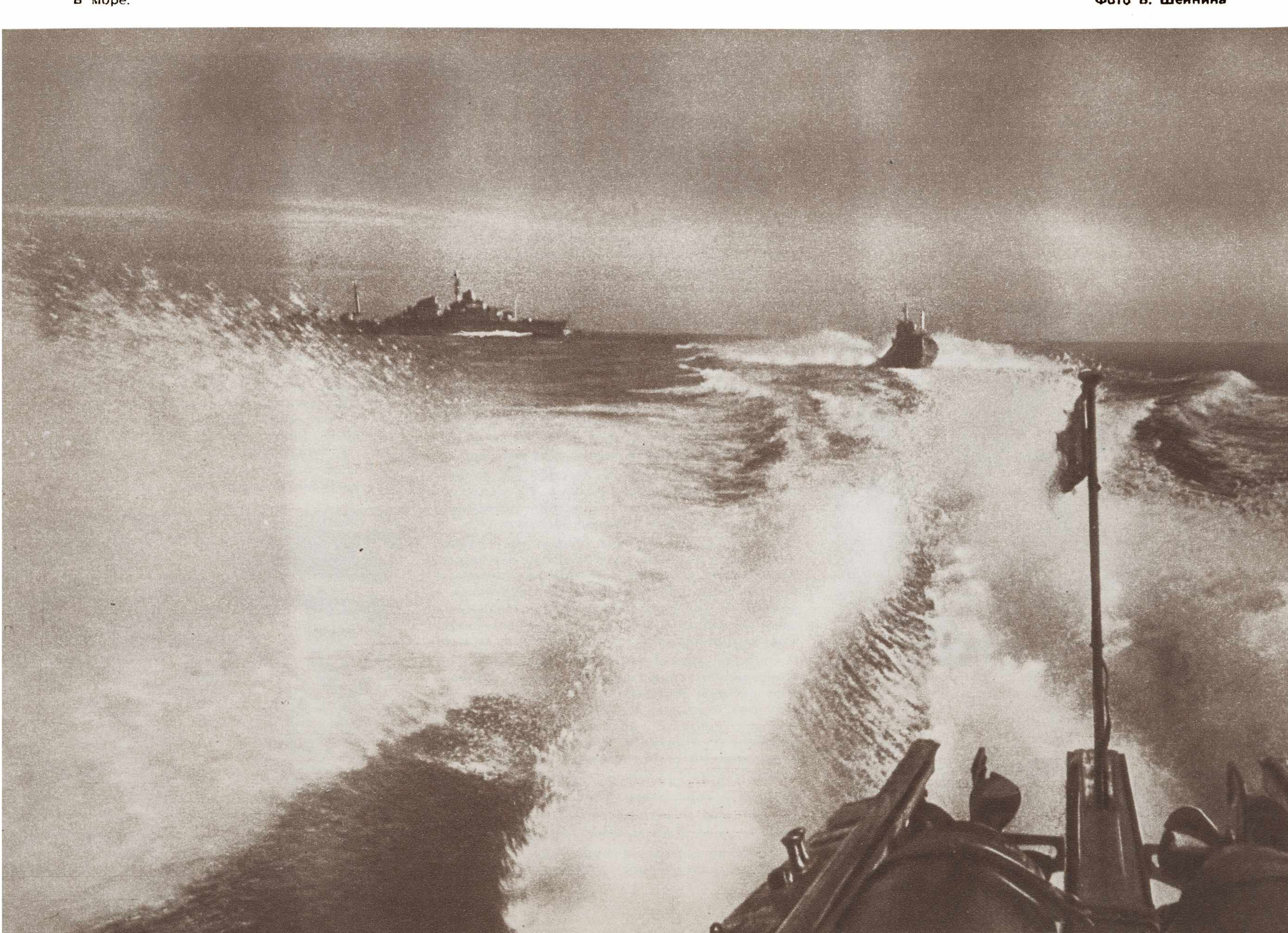
Изучая опыт Отечественной войны, матросы и старшины с каждым днем повышают свою боевую выучку. Офицерский состав совершенствует свои знания в академиях и высших школах. Многие участники боев с немецко-фашистскими захватчиками в результате учебы стали в послевоенные годы более зрелыми, высококвалифицированными военачальниками.

Военно-морская служба пользуется в нашем народе огромной любовью. Наряду с кадровыми офицерами, навсегда связавшими свою жизнь с флотом, многие старшины остаются на сверхсрочную службу. Перед каждым из них открыта дорога в нормальные офицерские училища. Во время войны соединением подводных лодок на Севере командовал Герой Советского Союза контр-адмирал И. А. Колышкин, который в 1924 году начал действительную службу во флоте рядовым. Можно назвать немало и других товарищей, в прошлом матросов, ныне — офицеров и адмиралов. Такие возможности существуют только в нашем, советском флоте.

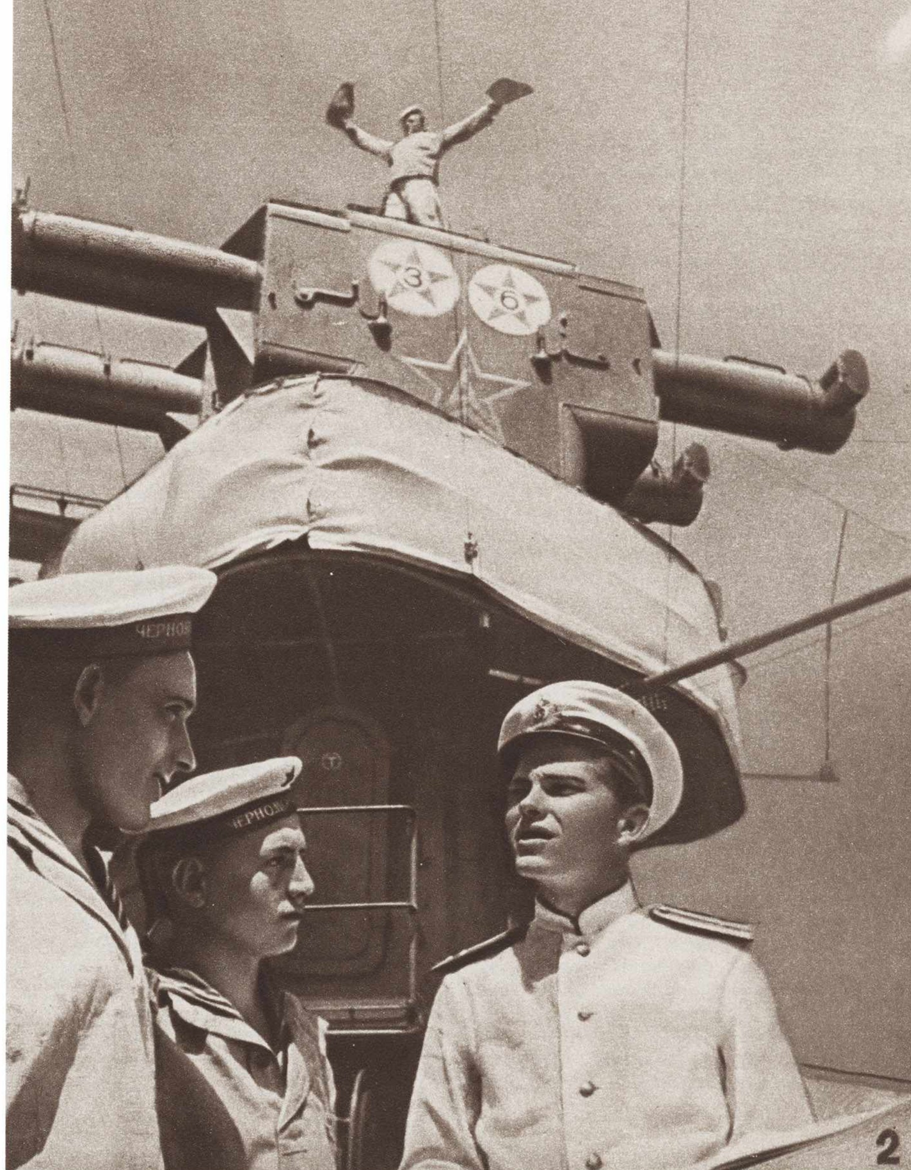
Рост людей, повышение их специальных знаний и общего культурного уровня характерны для нашего флота так же, как они характерны для советского строя вообще.

Окруженные всенародной любовью, повседневно ощущая на себе внимание партии и правительства и отеческую заботу великого вождя товарища И. В. Сталина, военные моряки отдают все силы дальнейшему укреплению боеспособности флота, охраняющего мир и спокойствие страны социализма на ее морских рубежах.

В море. Фото Б. Шейнина







ДЕНЬ НА КРЕЙСЕ

Текст Ю. Коновалова

На зеленоватой глади бухты постепенно светлеет строгий силуэт боевого корабля. Это крейсер «Молотов», прославившийся своими боевыми походами в годы Великой Отечественной войны.

День на корабле начинается рано. Сигнал с вахты возвещает о побудке. После утренней гимнастики и завтрака матросы выходят на малую приборку (фото № 1). Это — ответственное дело. По чистоте палубы и по блеску медных частей можно судить о порядке и дисциплине. Приборка закончена за пять минут до подъема флага. Личный состав выстраивается на верхней палубе. Звучит команда:

— На флаг и гюйс смирно!



Минута молчания — и вот по команде «Флаг и гюйс поднять!» медленно взмывает вверх по флагштоку почетное полотнище. Под этим флагом на гафеле грот-мачты ходил крейсер в боевые походы против немецко-фашистских захватчиков. Под этим флагом шел он и в памятный день 19 августа 1947 года, когда на его палубе беседовал с моряками великий вождь советского народа Иосиф Виссарионович Сталин.

Корабельный колокол — «рында» — отбивает двойные удары — «склянки». Моряки расходятся по своим подразделениям. Впереди день напряженной учебы, интересное плавание, проверка знаний и воинской выучки.

Горнист играет сигнал. Матросы и старшины расходятся по боевым постам. Их движения стремительны, четки, действия уверенны. Крейсер снимается с бочки, набирает ход.

Сигнальщики — «глаза корабля» — зорко наблюдают за морем и воздухом. Внимательно слушают указание офицера комсомольцы-сигнальщики старший матрос В. Мельников и матрос В. Шкварук (фото № 2). Машинисты дают кораблю нужную скорость, артиллеристы и торпедисты готовы выполнить приказ.

Сегодня артиллеристы корабля вновь демонстрируют свою высокую выучку. Орудийные расчеты стреляют без пропусков, в ритме, без промаха поражая мишени. Грозно звучит «оркестр» корабельной артиллерии! Особенно отличился расчет комсомольца, старшины 2-й статьи Михаила Вакурова.

Как всегда, надежно подготовили боевую технику и торпедисты. Все торпедные стрельбы по цели комсомольский расчет старшины 1-й статьи И. Загороднева выполнил отлично.

Плавание корабля в море — лучшая практика для штурманов Молодые офицеры приобретают навыки в управлении сложными маневрами, учатся у командира крейсера, который заслуженно считается одним из лучших знатоков кораблевождения на Черноморском флоте.

Бегут часы, увеличивается счет пройденных кораблем миль, успешно решаются учебные задачи. В краткие перерывы между учебой офицеры экипажа беседуют с моряками. У карты, наскоро прикрепленной к стальному телу орудийной башни, собралась группа матросов (фото № 3). Офицер рассказывает о пройденном сегодня морском пути, о достопримечательностях побережья, о трудах крымских виноградарей, керченских рудо-





3



4

РЕ „МОЛОТОВ"

Фото А. Межуева

копов, скотоводов горных пастбищ Кавказа.

Моряки крейсера неустанно учатся, расширяют свой политический и культурный кругозор. В минувшем году много матросов, старшин и офицеров «Молотова» успешно завершили учебу в вечернем университете марксизма-ленинизма, в школе партактива, в кружках по изучению истории ВКП(б), биографий В. И. Ленина и И. В. Сталина. Учатся и «старики» — ветераны Черноморского флота — и 17-летние юнги — комсомольцы Карасев и Шувалов. Эти юноши, так же как и воспитанник экипажа Наиль Азнабаев, на крейсере недавно. С чувством глубокого волнения слушают они рассказы старослужащих моряков о пребывании на их корабле родного, любимого Сталина. Сегодня они вновь попросили старшину 1-й статьи Лялина, участника исторического похода 19 августа 1947 года, передать им все подробности незабываемого плавания. Старшина подвел молодых моряков к трапу, по которому проходил товарищ Сталин, и, взволнованный воспоминаниями, начал рассказывать (фото № 4).

С того дня прошло почти два года, но день этот так ярко запечатлелся в памяти, словно был вчера. Иосиф Виссарионович пожелал экипажу успехов. Моряки поклялись оправдать доверие вождя. Они сдержали слово: в прошлом году крейсер «Молотов» завоевал переходящий приз Главнокомандующего Военно-Морскими Силами по артиллерийским стрельбам — большой, художественно оформленный кубок (фото № 5).

Люди, которых боевое расписание посылает в противоположные концы корабля, встречаются в свободное время, делятся мыслями, чаяниями, новостями из дома. Отличный сигнальщик В. Алексеев — самый «верхний» человек на крейсере: он несет вахту высоко, на фор-марсе. Отличный машинист М. Бесовский — самый «нижний»: он дежурит у механизмов глубоко внизу, в подводной части корпуса. Но это не мешает матросской дружбе. Друзья повстречались и нынче. Алексеев, радуясь за друга, рассматривает почетную грамоту, которой наградил Бесовского Киевский обком ЛКСМУ за успехи в боевой и политической подготовке (фото № 6).

Отбой. Корабль, успешно закончив день учебы в море, возвращается в базу. На юте растянул меха баяна любимец команды, гармонист — старший матрос Еременко. Возникает импровизированный концерт. Сменяют друг друга танцоры, певцы, рассказчики.

В базе, едва крейсер отшвартовывается, моряков ждет уже настоящий концерт. На корабль прибыли гости — ансамбль песни и пляски кубанских казаков. Льются мелодичные старинные казачьи напевы, мелькают нарядные платья танцующих (фото № 7).

Но короток летний вечер на юге. Быстро сгущаются сумерки. Пора и на покой.

Ночь. Лунные блики на воде. Силуэт красавца-крейсера в бухте. Проверенная в боях мощь его башен, как и орудий других кораблей Черноморского флота,— надежная защита наших южных морских рубежей.

5



7

Е. СЕМЕНОВ

Кубанский хлеб пошел!

На шоссейных дорогах и проселках Кубани в эти дни и ночи непрестанно вихрятся столбы пыли, они носятся меж просторных полей, опускаются в балки, влезают на курганы, — это колонны машин мчатся на элеваторы с зерном нового урожая. Уже сказаны все речи на митингах в колхозных станах, уже отшумели овации при выдаче первой квитанции на хлеб нового урожая, а не угасает торжественная приподнятость трудовых будней у хлеборобов Кубани. Уже сколько сотен тонн ячменя и пшеницы перелопачено на колхозных токах, уже, казалось, потерян счет отправленным машинам с зерном, а вдруг возьмет человек пригоршню пшеницы, нежно уложит ее на ладони, его загорелое, обветренное лицо засветится радостной улыбкой, и он тихо, для себя, говорит:

— Урожайный хлеб!

...Уборка на Кубани в самом разгаре. Со всех концов поступают радостные вести. Урожай в 140 пудов пшеницы с гектара во многих колхозах в нынешнем году считается средним. В Лабинском зерносовхозе среди тысяч гектаров нет ни одного, который дает меньше 130 пудов. А есть участки, с которых наберется и около 300 пудов. Я заехал как-то на бригадный ток колхоза имени Буденного, Лабинского района. Звеньевая Люда Тарасюкова сидела, пригорюнившись, смущены были и девчата из ее звена.

— Что же вам рассказывать?—сказала Тарасюкова.— Хвалиться нам пока нечем: ячменя намолотили всего по 168 пудов на гектар. Вот приезжайте через несколько дней, мы начнем пшеницу комбайнировать,— тогда будет совсем другой разговор.

В том же колхозе разгорелось соревнование за урожай в 220 пудов с гектара между звеньями Героя Социалистического Труда Нины Васильевны Войтенко и секретаря комсомольской организации Валентины Калмыковой. На стороне первой — мастерство и опыт испытанного бойца, на стороне Валентины — бьющая ключом энергия молодости. Первые обмолоты показали, что комсомольско-молодежное звено Калмыковой идет впереди. А по соседству, в колхозе имени Менжинского, звеньевая Екатерина Казакова добилась еще большего — на 10 гектарах она убрала по 240 пудов.

Кубанских колхозников окрыляет и вдохновляет внимание страны, ее материнская забота. Из Москвы и Сталинграда, из Харькова и Ростова пришли новые автомашины, тракторы, комбайны, жнейки. В этом году 90 процентов всех хлебов здесь убрано комбайнами. Поток машин на кубанские поля не прекращается до последних дней. Комбайны выгружаются с платформ и тут же направляются в хлебные массивы, на уборку; это напоминает бывшим фронтовикам дни войны, когда танки после выгрузки или после марша сразу шли в бой.

Но большие города страны прислали станицам Кубани не только тракторы и комбайны, не только электромоторы и проволоку, они прислали сюда великий и неоценимый опыт новаторов, почин зачинателей новых форм соревнования за высокую производительность, за культуру труда. Инициатива москвича Александра Чутких нашла широкий отклик в кубанских колхозах. Зачинатель движения трактористов за отличное качество полевых работ Иван Шацкий имеет многочисленных и надежных последователей. Об их успехах не надо никого расспрашивать, не надо перечитывать сводки и информации. Взгляните на поля Кубани — и, насколько может видеть глаз, золотистым бархатом колышутся и переливаются волнами поля. Таких ровных и густых колосьев не знали здесь в прошлые годы.

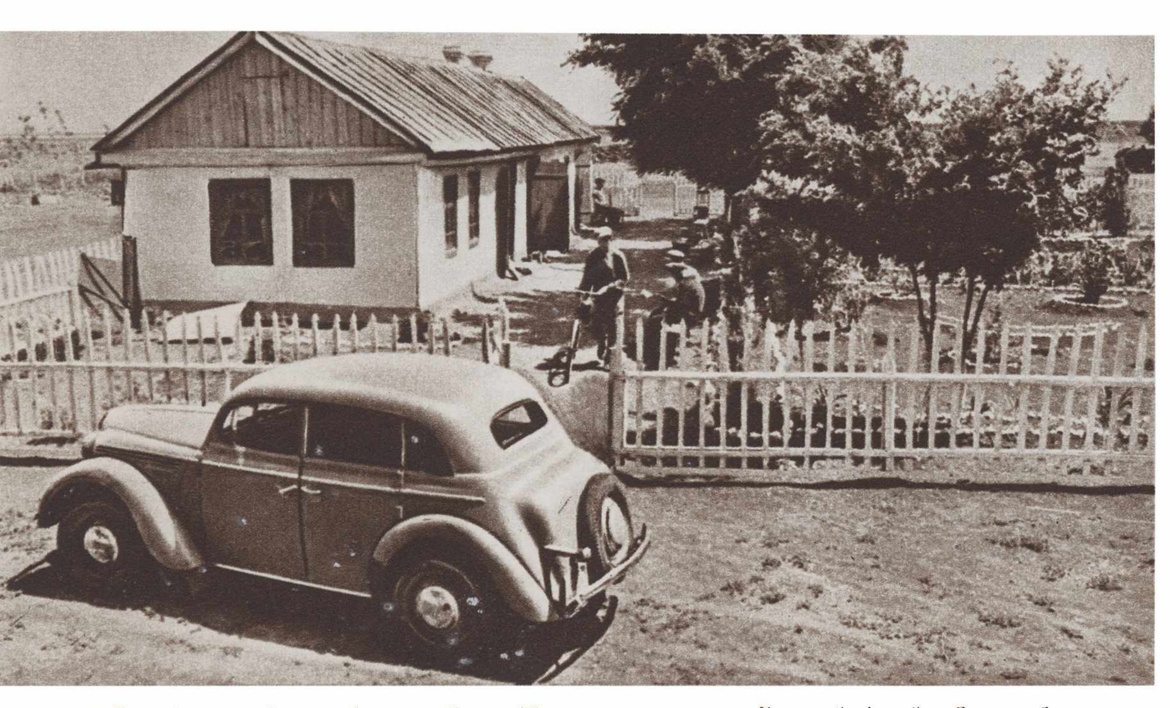
Большие дела совершаются на Кубани: люди тянутся к высотам культуры, они хотят внедрить ее во все области своей жизни и труда. Проявляется это во всем — и в большом и в малом. Один колхоз строит собственный клуб и выделяет для этого миллион с лишним рублей. Колхоз «Красный Аксай», поля которого пашет Иван Шацкий, оборудовал по-новому полевой стан для тракторной бригады. На первый взгляд это небольшой, малозначительный эпизод. Но трактористы об этом другого мнения: добрых полгода проводят они в полевом стане, живут в тесных вагончиках или низких хатенках. И вот вагончику в степи, много раз воспетому и описанному, приходит конец. Красноаксайцы построили добротную избу, разбили садик, закупили хорошую мебель, посуду, установили в избе радиоприемник, связали полевой стан телефоном. 17 тысяч рублей колхоз уже израсходовал на это; потребуются, видимо, еще деньги. Но колхозники решили, что скупиться в таком деле грешно. У трактористов будет отличный дом в поле, со своей столовой, спальными комнатами, душевой установкой.

Колхоз «Красный Аксай» и по своим размерам, и по числу трудоспособных, и по всем другим признакам ничем не отличается от многих сотен других колхозов Кубани. Выделяет его среди других дух новаторства, которым охвачены здесь все, от рядового колхозника до председателя. В колхозе, например, создан Дом науки, где внимательно изучается все новое и ценное, что рождается на полях страны и в лабораториях ученых. Так стирается еще одна грань между городом и деревней, так еще больше сближается труд рабочего и колхозника, созидателей коммунизма.

Самые шумные и многолюдные сейчас места на Кубани — у элеваторов, у пунктов приема зерна. Густо пошел кубанский хлеб. Первые машины с зерном сопровождают почетные эскорты из лучших людей станиц — председатели колхозов, бригадиры, звеньевые. Это едут победители стихии, отвоевавшие Родине высокий урожай. У элеваторов не смолкает гул приветствий, слышны идущие от сердца поздравления:

— С урожаем вас!

Краснодарский край.



Летний полевой стан бригады Ивана Шацкого в колхозе «Красный Аксай». Здесь оборудованы спальня, рабочая комната, красный уголок и библиотека. На нижнем снимке: полевой стан в колхозе имени Молотова, Курганинского района.

Фото А. Фатеева и В. Хломова (ТАСС)



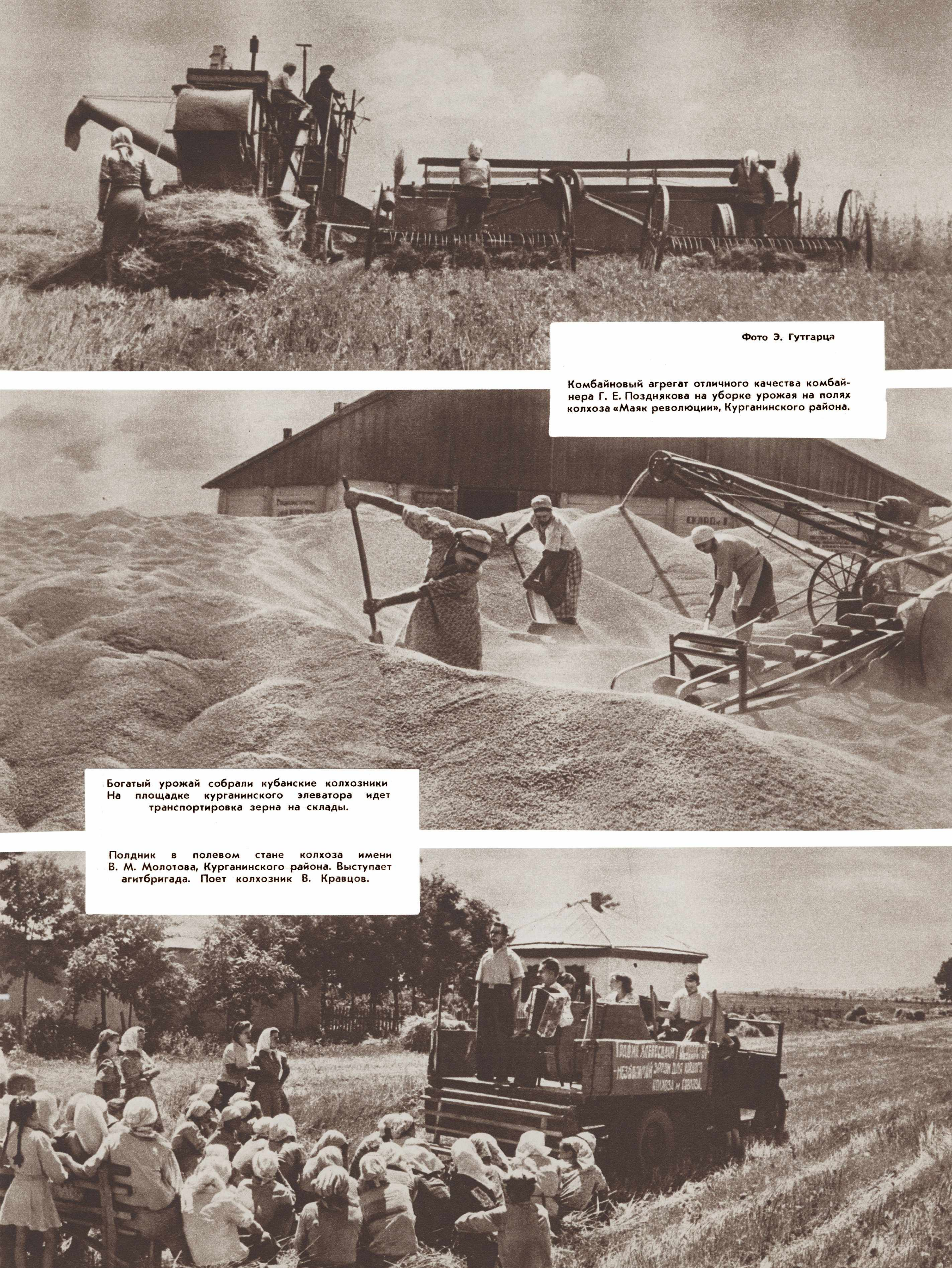


Фото Э. Гутгарца

Комбайновый агрегат отличного качества комбайнера Г. Е. Позднякова на уборке урожая на полях колхоза «Маяк революции», Курганинского района.

Богатый урожай собрали кубанские колхозники На площадке курганинского элеватора идет транспортировка зерна на склады.

Полдник в полевом стане колхоза имени В. М. Молотова, Курганинского района. Выступает агитбригада. Поет колхозник В. Кравцов.

Город на Буге

С. МОРОЗОВ

Фото Э. Гутгарца



Дом на Малой Морской улице, в котором родился адмирал С. О. Макаров.

Когда пароход приближается к устью Буга, сразу трудно различить, где кончается море и где начинается река. Очень уж широк, просторен здесь Южный Буг.

Как часовые на границе суши и воды, маячат в порту ажурные силуэты подъемных кранов. Точно крепостные бастионы, высятся башни элеватора, и океанское судно у подножия его выглядит низким, словно придавленным. Картина обычная для многих приморских городов.

Но не для красного словца напрашивается сравнение мирного, сугубо гражданского здания с военной цитаделью. В историю Николаева — советского города — портовый элеватор вошел как символ мужества и беззаветного патриотизма наших людей. Весной 1944 года, когда великая армия-освободительница приближалась к окраинам города, с моря, в тылу врага, высадился десант черноморских матросов. Отряд старшего лейтенанта Константина Ольшанского захватил элеватор и несколько дней вел неравный бой против оттянутых с фронта немецких батальонов, облегчая советским войскам штурм города Николаева.

Подвиг моряков навеки запечатлен в скульптуре, воздвигнутой благодарными соотечественниками. Памятник шестидесяти семи десантникам — Героям Советского Союза — стоит на главной городской площади, у высокого берега Ингула, впадающего в Буг.

165 лет назад после блистательных побед русского оружия над турками возник этот город, ставший колыбелью молодого тогда Черноморского флота. Основатель города — Михаил Леонтьевич Фалеев, один из первооткрывателей Антарктиды Михаил Петрович Лазарев, известный художник Василий Васильевич Верещагин — таковы имена выдающихся людей, жизнь которых связана с полутора-вековой историей города Николаева. Но особенно гордятся горожане другим своим земляком.

Белый одноэтажный домик на Малой Морской улице с мраморной мемориальной доской стоит в тени разросшихся деревьев. Сто лет назад в этом домике в семье прапорщика из боцманов Осипа Макарова родился сын Степан. Воин и мореплаватель, ученый и кораблестроитель, Степан Осипович Макаров со славой пронес флаг отечества по океанам земного шара.

Память о знаменитом адмирале хранит в Николаеве не только домик на Малой Морской, где ныне создается музей. На другом конце города расположен Кораблестроительный институт имени адмирала С. О. Макарова.

Профессор Евгений Георгиевич Серебряков, работающий в институте со дня его основания советской властью, с любовью вспоминает своих воспитанников, многие из которых руководят сейчас крупнейшими верфями, конструкторскими бюро. Профессор может рассказать и о трудных годах эвакуации, когда институт нашел приют в далеком Пржевальске, на берегу высокогорного озера Иссык-Куль, и о том, как, возвратившись в родной город, преподаватели и студенты своими руками возводили новые стены.

Ремонтно-восстановительные работы продолжаются в институте и сейчас. Пахнет свежей краской в кабинете кораблестроения. Сюда, к моделям лайнеров, грузовых транспортов, ледоколов и доков приходят юноши и девушки из Донбасса, Архангельска, Сибири — студенты, дипломанты, будущие судостроители. В перемены они собираются в институтском дворе, там, где на месте недавних развалин красуется огромная лаборатория судовых двигателей. Механик лаборатории Александр Никитич Балоненко в дни обороны Порт-Артура служил матросом под командованием адмирала Макарова. Оторвавшись на минуту от своих дизелей и котлов, старик любит перекинуться словом — другим с молодежью, вспомнить былые годы. Александр Никитич очень привязан к институту, в котором его сын Виктор получил диплом инженера.

Но город на Буге славен не только морскими, флотскими традициями. Послевоенная пятилетка обогатила, перестроила его экономику. Там, где до войны был завод дорожных машин, от которого после ухода немцев остались груды щебня и воронки от бомб, теперь высятся новые, просторные корпуса.

Под крышей сборочного цеха еще щебечут ласточки и стрижи, еще сложена в кучи брусчатка, которой начинают мостить пол, а рядом с цехом, на заводском дворе, уже выстроились рядами стальные колоссы — скрепперы и бульдозеры. Мощнейшие машины, способные прокладывать дороги в непроходимой тайге, сметать на своем пути холмы, вгрызаться в горные перевалы, строятся и старыми рабочими и теми, кто пять лет назад впервые пришел в ремесленные училища.

Сто пять тысяч убитых и замученных советских граждан, варварские разрушения, убыток от которых исчисляется 17 миллиардами рублей,— таков чудовищный итог немецко-фашистской оккупации города Николаева. Любой капиталистический город, пережив подобные потрясения, оказался бы отброшенным на десятилетия назад. Советский город Николаев можно сегодня по справедливости назвать более благоустроенным, нежели он был до войны.

С давних пор николаевцы вынуждены были пить солоноватую, невкусную воду. Другие источники, не подвергающиеся осолонению, расположены далеко в степи. Сейчас там закончено бурение, строится водонапорная станция. Скоро жители Николаева получат отличную питьевую воду. Проблема водоснабжения, решенная щедро, по-хозяйски,— одно из бесчисленных проявлений заботы советского государства о людях большого приморского города.

Можно без конца перечислять объекты жилищного строительства в Николаеве. Подведен под кровлю многоквартирный дом специалистов на Советской улице, наращиваются этажи гостиницы, новые и новые строения тянутся к небу на местах недавних пожарищ.

Когда трамвай № 2, или, как говорят николаевцы, «вторая марка», выходит на окраину к понтонному мосту через Буг, справа по спуску берега открываются ряды белых, крытых черепицей двухэтажных домов. «Сухой Фонтан» — так исстари звался этот пустырь, где до войны строители только начинали забивать первые сваи. Теперь здесь огромный жилой массив, по сути дела — новый район Николаева.

«Вторая марка» заворачивает по кругу в густых зарослях тополей. Конец городского маршрута. Отсюда начинаются дачи, тоже недавно восстановленные и построенные, дома отдыха, санатории, пионерские лагери.

В доме отдыха профсоюза рабочих судостроительной промышленности проводят свои летние отпуска рабочие, инженеры, конструкторы, съезжающиеся в Николаев из Ленинграда и Мурманска, Одессы и Таганрога. На лужайке, окруженной цветущими клумбами, стоит круглое, красиво оформленное здание столовой, напротив — украшенная колоннами открытая эстрада. Дальше, в глубине парка, жилые корпуса. За каменной балюстрадой мощеные ступени ведут вниз, к реке.

Рядом с домом отдыха городской яхт-клуб. Недавно весь Николаев торжественно отпраздновал его 60-летний юбилей. В воскресные дни и в будни, после работы, берег пестрит загорелыми телами, яркими купальными костюмами. Толпы зрителей любуются гонками яхт. Неизменно головным в кильватерной колонне, накренившись, едва не черпая воду бортом, точно белокрылая чайка, скользит стройный кораблик. Натянув мокрые шкоты, искусно лавирует под ветром мастер парусного спорта Юрий Синько, аспирант кораблестроительного института, «наш Юра», как любовно зовут его земляки.

От берега отваливает шлюпка, черный от солнца мальчуган сигнализирует ей вслед разноцветными флажками. Городские ремесленники, активисты Досфлота, постигают здесь азы морской науки.

Вечером на главной городской площади распахиваются двери драматического театра. Театр — тоже предмет гордости николаевцев. Сожженное немцами здание восстановлено руками горожан. Рабочие и учителя, инженеры и бухгалтеры, студенты и домашние хозяйки не один месяц кряду отдавали свои свободные часы этой народной стройке.

Нынешняя труппа работает в Николаеве с 1934 года, исключая перерыв, вызванный войной и эвакуацией. В коллективе театра наряду с заслуженными артистами УССР Н. И. Огонь-Догановской и В. Ф. Высоковым немало молодежи, в ее числе — способные актеры Е. С. Черников и Н. И. Тяк — в недавнем прошлом рабочие николаевских заводов. Большим успехом у горожан пользуется последняя постановка театра — спектакль «Воскресение» по роману Л. Н. Толстого.

Полнокровной, кипучей жизнью живет город на Южном Буге, большой советский город, возрожденный из руин.

В воскресенье на пляже яхт-клуба.



В походе. **Фото А. Лубенко**

Письмо от родных. **Фото Н. Веринчука**

Корабли в море. Фото М. Редкина

В часы досуга. Фото А. Межуева

ГЕРОЯМ И СТРОИТЕЛЯМ ФЛОТА ОТ ТОВАРИЩЕЙ ПО ОРУЖИЮ

Многие военные моряки получают в эти дни приветственные телеграммы от своих товарищей по оружию, от знакомых и незнакомых. На Тихом океане, Балтике, Черном море, в Москве, Ленинграде, Мурманске эти телеграммы встречаются с глубоким чувством дружбы и признательности — в них любовь народа к своему могучему Военно-Морскому Флоту, забота о его славе и о его новых успехах.

С согласия адресатов и авторов редакция журнала «Огонек» публикует часть этой дружеской переписки.

МЫ УЧИЛИСЬ У ВАС МУЖЕСТВУ

Москва, Военная академия имени Ворошилова, Герою Советского Союза контр-адмиралу И. А. КОЛЫШКИНУ.

Любимый командир! В суровых водах Баренцова моря мы учились у Вас мужеству и умению воевать. Дни, когда мы служили под Вашим командованием и вместе выполняли приказы Родины, — самые яркие, самые памятные. Хочется сказать Вам, дорогой Иван Александрович, что традиции, родившиеся в боях и освященные кровью наших павших друзей, мы бережно храним и умножаем. День Военно-Морского Флота Ваши боевые товарищи встречают в мирной учебе, в неустанной борьбе за укрепление мощи нашего флота. От души желаем Вам успехов в овладении сталинской военной наукой и счастья в личной жизни. С товарищеским приветом.

Мичман Николай ВАСИЛЬЕВ, старшина 1-й статьи Николай МАЙОРОВ. Северный флот.



Я. К. Иоселиани.

ВЫ ХОРОШО СТРОИЛИ ПОДВОДНЫЕ ЛОДКИ

Город Н. Директору судостроительного завода.

Прошу передать мой горячий привет и искренние поздравления коллективу Вашего завода, который в дни войны строил для флота подводные лодки. Одна из этих подводных лодок под моим командованием потопила тринадцать вражеских судов. Куда бы ни заносила нас, моряков, воинская судьба, всегда перед нами был пример благородного труда стахановцев-судостроителей. В День Военно-Морского Флота шлю Вам дружескую благодарность и пожелания новых успехов в строительстве мирных транспортных судов.

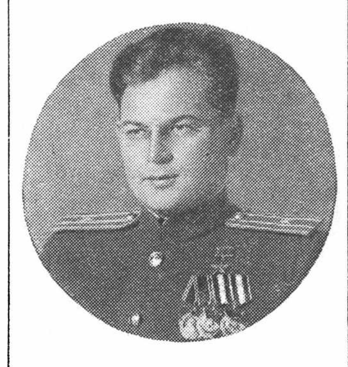
Ярослав ИОСЕЛИАНИ, Герой Советского Союза, депутат Верховного Совета СССР.

БУДЕМ КРЕПИТЬ НАШУ МОРСКУЮ АВИАЦИЮ

Рига, санаторий Майори, Герою Советского Союза Сергею КУРЗЕНКОВУ.

Дорогой Сергей Георгиевич! Случайно узнал, где Вы отдыхаете, и решил поздравить Вас с нашим всенародным праздником — Днем Военно-Морского Флота. Мы, армейские летчики, много слышали о Ваших подвигах в годы войны на Севере, о доблестной боевой работе Вашего брата Александра, Героя Советского Союза, павшего смертью храбрых на Балтике. Уверен, что и третий Ваш брат, молодой летчик Николай, будет достойным продолжателем патриотических традиций семьи Курзенковых.

Герой Советского Союза, генерал-лейтенант авиации Н. КАМАНИН.



С. Г. Курзенков.

БОЕВОМУ ДРУГУ ОТ БАЛТИЙЦЕВ

Москва, Автозавод имени Сталина, старшему мастеру инструментального цеха, Герою Советского Союза Владимиру ФЕДОРОВУ.

Горячо поздравляем тебя, боевого товарища и друга, с Днем Военно-Морского Флота. Твои трудовые достижения на производстве глубоко радуют нас, вызывают желание добиваться новых успехов в боевой и политической подготовке.

Герои Советского Союза ОСИПОВ, ДЬЯЧЕНКО. Балтийский флот.

НИЗКИЙ ПОКЛОН ТОВАРИЩАМ БАЛТИЙЦАМ

Балтийский флот, Героям Советского Союза ОСИПОВУ, ДЬЯЧЕНКО.

Спасибо за Вашу дружескую телеграмму, за Ваши добрые пожелания. Могу сообщить, что наш заводской коллектив встречает День Военно-Морского Флота — любимый праздник советского народа — новым повышением производительности труда. Низкий поклон всем балтийцам и особенно экипажу линкора «Октябрьская революция». Крепко жму Ваши руки, друзья!

Герой Советского Союза Владимир ФЕДОРОВ, старший мастер Автозавода имени Сталина.



В. Д. Федоров.

КОГДА БАТАЛЬОНЫ СТОЯЛИ НАСМЕРТЬ...

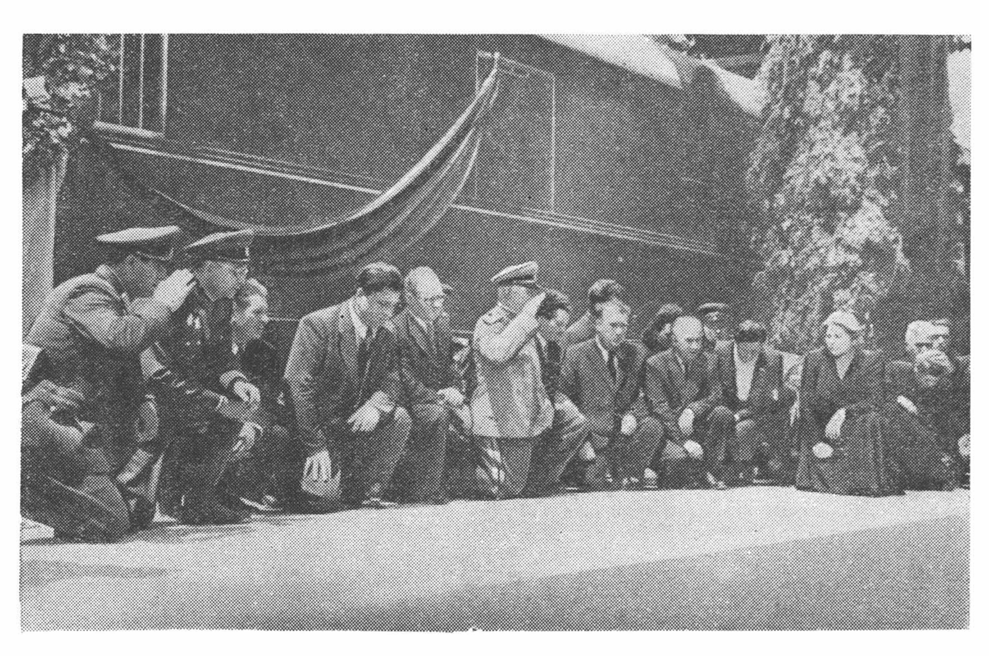
Севастополь, Северная сторона, улица Малышкина, дом 9, Алексею Степановичу ПОТАПОВУ.

Сердечно поздравляю с Днем Военно-Морского Флота. Пусть он крепнет на радость друзьям и на страх врагам. В эти дни я снова и снова вспоминаю бои за Севастополь, когда наши батальоны морской пехоты рядом стояли насмерть, вспоминаю могилы наших товарищей на Малаховом кургане. Помните, Алексей Степанович, как погибла любимица дивизии Нина Онилова? Мы ее вытащили тогда на себе, и она, смертельно раненная, лежала под высоким сводом каменной пещеры... Вы знаете, как Нина любила наш Севастополь! Вспомнив все это, я решила написать Вам — боевому офицеру морской пехоты — несколько слов. Как вы живете, кого видите из общих друзей, знакомых? Горячий привет тем, кто защищал Севастополь в дни войны.

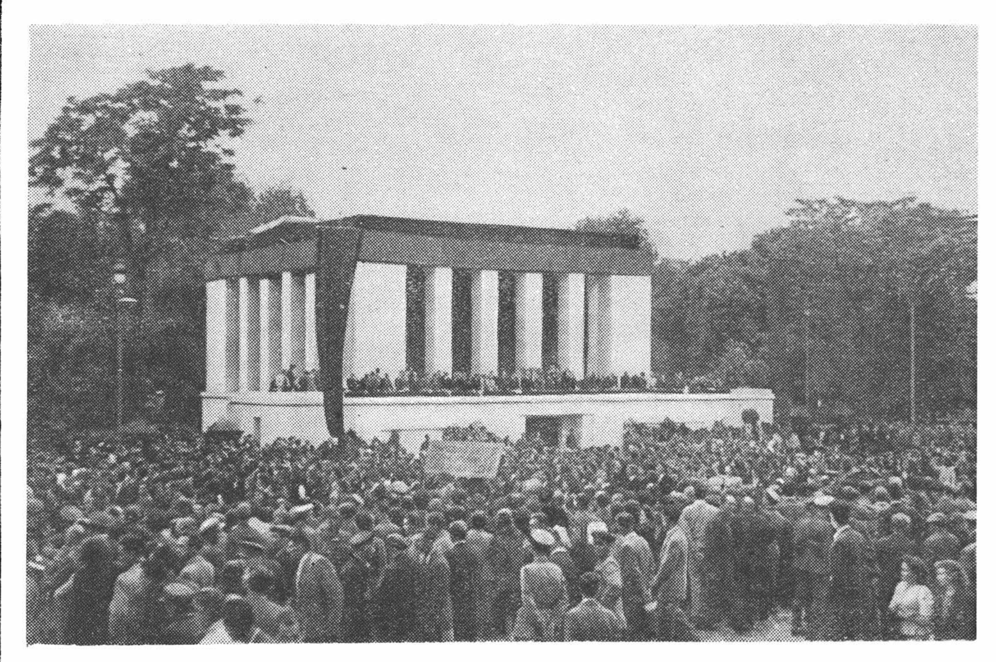
Людмила ПАВЛИЧЕНКО, Герой Советского Союза, бывший снайпер морской пехоты.



ТРАУРНЫЕ ДНИ В СОФИИ



Последнее прощание с Георгием Михайловичем Димитровым.



Траурный митинг у временного мавзолея в Софии.
Фото С. Александрова (ТАСС)

Площадь имени 9 Сентября в Софии отныне является священным местом для болгарского народа, местом, связанным для трудящихся всего мира с светлой памятью Георгия Михайловича Димитрова. Здесь возвышается временный мавзолей, в который тело Г. М. Димитрова было перенесено в траурный день похорон 10 июля. На этой площади была принесена торжественная клятва народа Болгарии — выполнить заветы Георгия Димитрова, заветы верности делу социализма, делу интернационализма, великим идеям Ленина — Сталина.

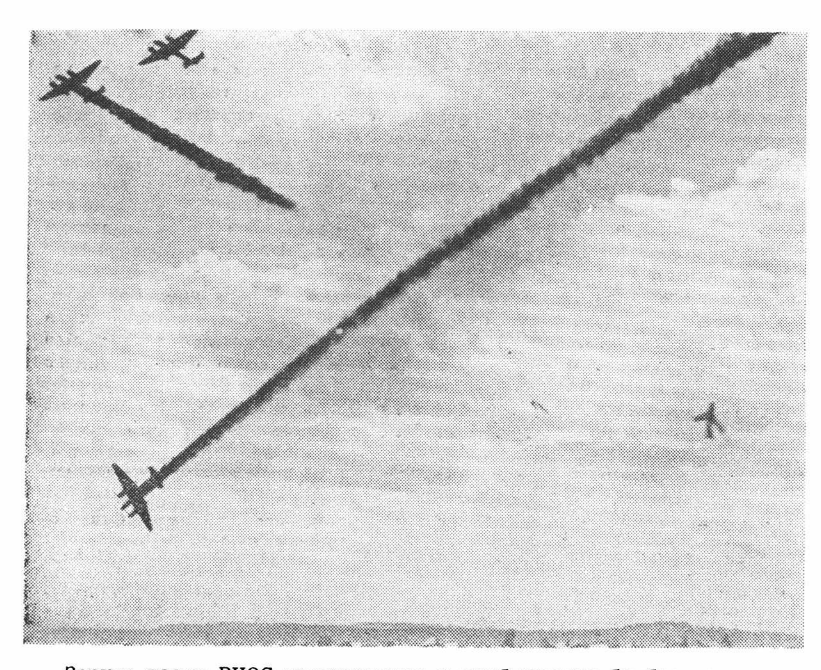
На площади имени 9 Сентября, у мавзолея Димитрова, прозвучали слова секретаря ЦК Болгарской компартии Вылко Червенкова, слова, которые выразили мысли и чаяния всех друзей болгарского народа, всех последовательных борцов за мир, демократию и социализм: «Да будет жить в веках имя Георгия Димитрова — великого сына Болгарии! Да будет вечной его слава! Пусть здравствует и побеждает Болгарская коммунистическая партия! Да здравствует Отечественный фронт! Да здравствует болгарский трудящийся народ! Да здравствует наш учитель и вождь, учитель и вождь всего прогрессивного человечества Иосиф Виссарионович Сталин!»

Помещаемые здесь снимки воспроизводят отдельные моменты всенародного прощания с Г. М. Димитровым в день его похорон на площади имени 9 Сентября в Софии.

Товарищи **И. С. Юмашев, В. Д. Соколовский, С. М. Штеменко, А. М. Василевский, К. А. Вершинин, К. Е. Ворошилов, И. В. Сталин, Н. А. Булганин, Л. П. Берия, Г. М. Маленков, А. И. Микоян, А. А. Андреев, Л. М. Каганович, М. Ф. Шкирятов, М. А. Суслов, П. К. Пономаренко, Г. М. Попов** и **Н. М. Шверник** на празднике, посвященном Дню Воздушного Флота СССР. Тушино, 17 июля 1949 года.

Фото Ф. Кислова

ТОРЖЕСТВО В ТУШИНЕ



Зоркие посты ВНОС предупредили о приближении бомбардировщиков «противника». Зенитчики открыли интенсивный заградительный огонь. Навстречу условному врагу бросились истребители. Воздушная схватка! «Объятые пламенем» пикирующие бомбардировщики покинули поле боя, оставляя позади себя черные шлейфы дыма.

«За эрой аэропланов винтовых должна следовать эра аэропланов реактивных». Эти слова принадлежат великому нашему соотечественнику Циолковскому. Ученый, впервые строго научно обосновавший идею реактивного движения и межпланетных полетов, человек, ясно видевший будущее авиации,— он все же ошибся.

В своей книге «Вне земли», изданной во время гражданской войны, Циолковский предсказывал появление реактивных самолетов спустя сто лет. Но творческая мысль советского народа взлетела выше дерзновенных надежд ученого.

Человек с младенческих лет истории мечтал летать подобно птице. Древние греки сложили трагический миф об Икаре. Русский народ создал оптимистическую сказку о ковре-самолете. Действительность оказалась богаче мифов и сказок. Талантливый русский народ сделал больше всех для покорения воздуха, и Циолковский был одним из тех, кто прославил нашу Родину в борьбе за разрешение этой вековечной проблемы. Но не сто, как думал он, а лишь тридцать лет минуло,— и советские реактивные самолеты с фантастической быстротой бороздят небо.

Советский летчик первым в мире испытал трепетное чувство полета на скорости, близкой к звуку. Это был подвиг, большой риск. Тогда, при создании скоростных самолетов, наши математики, физики и конструкторы столкнулись с крайне опасным явлением вибрации крыльев и хвостового оперения на больших скоростях. Эта вибрация наступала неожиданно и резко: самолет почти всегда разрушался в воздухе. Но наши ученые, опередив зарубежных, создали точную теорию этих опасных явлений, и советские конструкторы теперь уверенно рассчитывают скоростные самолеты на вибрацию. Сегодня тысячи наших летчиков спокойно летают на огромных скоростях.

17 июля на Тушинском аэродроме состоялся традиционный праздник — всенародный смотр достижений сталинской авиации.

Сотни тысяч москвичей напряженно глядели ввысь и даже взором едва поспевали за реактивными машинами. Сколько смелости и воли, знаний и тренировки надобно, чтобы в таком изумительном темпе нанизывать фигуру на фигуру! Какая-то доля секунды — и машина, толкаемая бешеной силой газовой струи, мгновенно взметнулась вверх, прочертила нестеровскую петлю, завертелась в каскаде фигур.

Сначала искусство сложного пилотажа на реактивных самолетах показали в одиночку летчики Лапшин, Ковалев и Пепеляев. Индивидуальный пилотаж смельчаков вызвал бурное одобрение. Но с еще большим восторгом зрители встретили звено Бабаева, пятерку Чупикова и девятку Шульженко. Их артистическую работу на неимоверных скоростях по справедливости надо назвать самым высоким классом пилотажа в реактивной авиации. Словно связанные вместе, спаянные единой волей и мыслью, не отрывая крыла от крыла, они проделывали в воздухе такое, чего едва может постичь человеческая мысль.

Из правительственной ложи блестящими мастерами молниеносного полета любовался товарищ Сталин — создатель могучего советского воздушного флота. Народ знал, что Сталин, как всегда, придет сюда. Благодарный народ пламенно приветствовал вождя, чей гений и неистощимая энергия преобразовали нашу жизнь, сделали нашу Родину неприступной и на суше и в воздухе.

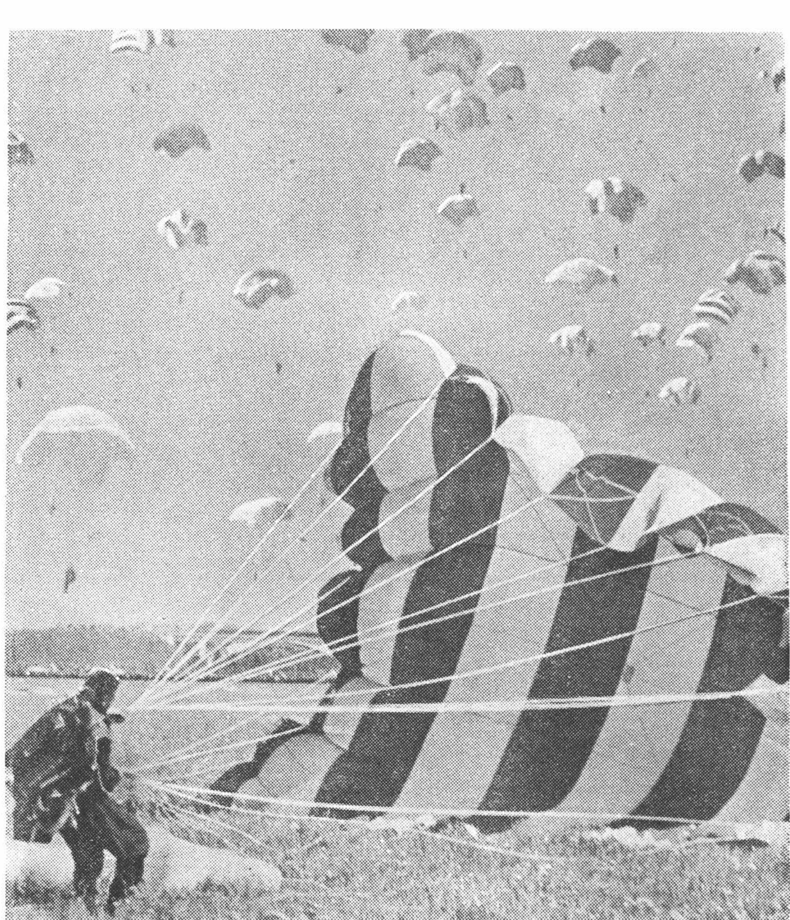
Матери поднимали на руки детей:

— Смотри и помни, вот Сталин! Гордись, ты видишь нашего Сталина!

На Тушинском аэродроме мастерство показали также летчики-спортсмены, планеристы и парашютисты. Все было интересно и поучительно. Но поучительней и значительней всего нам показался финал праздника — мгновенный пролет трех новых реактивных самолетов на ослепительной скорости. Их почти невозможно было разглядеть, эти чудесные машины. Но в них отчетливо можно было увидеть наше еще более могучее будущее. Да, советский летчик сел первым в реактивный самолет. Мы твердо верим: он первым умчится на разведку в космические дали.

Народ в Тушине видел: крылья Родины — в сильных, умных руках. Как сказочный богатырь, сталинская авиация развивается не по дням, а по часам. Мы спокойны! Сила и правда на нашей стороне. Передовая наука и техника, благородная смелость и неукротимая воля — с нами. С верой в конечную и неизбежную победу коммунизма отпраздновал советский народ радостный авиационный праздник.

С. КАНЕВСКИЙ



На Тушинском аэродроме в третьем отделении программы зрители увидели феерическое зрелище — массовый парашютный десант. Сотни отважных парашютистов ринулись вниз. В солнечном небе расцвели красочные букеты шелковых куполов.

Фото О. Кнорринга



На широкой площадке у паровозосборочного цеха завода «Красное Сормово» имени Жданова в обеденный перерыв состоялся концерт Государственного хора русской песни под художественным руководством народного артиста РСФСР А. В. Свешникова. Выступление хора прошло с огромным успехом.

Фото Н. Капелюша

ПЕСНИ О СОРМОВЕ

Советские композиторы решили ко дню славного юбилея Сормовского завода посвятить сормовчанам новые песни. Из Москвы в Сормово выезжала группа композиторов. Они встречались с рабочими, беседовали с ними в цехах, клубах. Старые сормовчане вспоминали песни тяжелых лет царизма, песни революционного подполья. В результате был создан ряд новых песен. Три из них оценены как лучшие.

Песня Б. Мокроусова на текст Е. Долматовского «Лирическая сормовская» написана в традициях старых фабричных народных песен. Торжественно звучит «Марш сормовичей» З. Компанейца, проникнутый чувством глубокой любви к труженикам Сормова. Текст марша написан Е. Долматовским и Л. Ошаниным. Третья песня — «Песня о великом заводе» — Д. Салимана-Владимирова, на слова М. Вершинина.

Композиторы передали юбилярам песни и помогли разучить их объединенному заводскому хору.

УЧЕБНИКИ НА КОНВЕЙЕРЕ

У полиграфистов страдная пора. В крупнейших типографиях страны печатаются миллионы экземпляров учебников и наглядных пособий для начальной, средней и высшей школ. Широко развернулось социалистическое соревнование за скорейший выпуск книг для школьников. В типографиях бригада соревнуется с бригадой, цех с цехом. Десятки вагонов бумаги шлют бумажные комбинаты. Железнодорожники вне очереди перевозят этот ценный груз.

Вся страна заботится о школьниках.

В кабинете директора 1-й Образцовой типографии имени А. А. Жданова в Москве стоят на полке готовые учебники в разноцветных твердых переплетах. Перелистывая их, невольно любуешься четкой печатью, красочными рисунками, чистотой отделки. Вот сборник арифметических задач, курс физики, «Родная речь» для учеников 4-го класса. Семнадцать разных учебников печатаются в огромной типографии имени А. А. Жданова. Книготоргующим организациям уже сдано десять миллионов экземпляров книг.

Ротационные машины типографии поглощают каждый день пятьдесят тонн бумаги, выпуская ежедневно два миллиона оттисков.

В типографии насчитывается 87 бригад отличного качества.

В светлом, высоком ротационном зале неумолчный гул. Двухэтажный агрегат, который печатает, фальцует и подбирает отпечатанные листы, обслуживает бригада из пяти человек.

В другом зале стоит новая ротационная машина, недавно выпущенная Щербаковским заводом. Лучший ротационник Степан Игнатьевич Мусатов печатает сейчас учебник русского языка для узбекских детей. Он обязался на новой советской машине дать более высокую производительность, чем на старом более мощном агрегате.

Отпечатанные и подобранные листы поступают в брошюровочный цех на швейные машины. Здесь учебник обретает форму книги.

Книга сшивается молниеносно. Вот уже на другой машине ее одевают в красивый переплет. Готовые книги складываются в штабеля. Голубые переплеты приятно поблескивают на свету.

Вот окошечко, откуда конвейер ведет в кладовую книжной базы, размещенную в соседнем здании. У окошечка груда пачек с учебниками. Они напоминают почтовые посылки. На них этикетки: «Родная речь. 18 экземпляров». Работница ловким движением бросает пачки на конвейер. Они медленно плывут вниз, сначала на базу, чтобы затем попасть в школьные ранцы и портфели ребят.

Типография ежедневно отправляет 100—120 тысяч учебников.



Готовые учебники перед отправкой.

Я. ЛАПИН

«ОПЫТНАЯ ДЕЛЯНКА» В 3 ТЫСЯЧИ ГЕКТАРОВ



В президиум совещания передали записку. Академик Колесник прочитал:

«Иван Данилович!

Вы помните осень 1948 года, когда в Красногоровке проходила конференция колхозников по итогам выращивания подсолнечника? Тогда там представителей передовых артелей с почетом усаживали в первых рядах, а тем, которые не добрали урожай, отвели места за ними. Кое-кто был этим очень огорчен.

В нынешнем году необходимо будет сделать круглый стол, чтобы все сидели в одном кругу. По состоянию подсолнечника в нашем районе обязательства будут выполнены всеми без исключения колхозниками...»

Читая записку, академик не мог сдержать улыбки. А когда очередной оратор закончил свою речь, он поднялся с места:

— У нас, товарищи, всплывает как бы дополнительный вопрос к повестке дня. Мы собрались, чтобы поговорить о гречихе. Но здесь присутствуют товарищи из Сталинской области, у которых, видимо, есть желание рассказать о подсолнечнике.

Все это происходило недавно в Москве, в конференцзале Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина. Колхозники, рабочие совхозов, агрономы, ученые с большим интересом выслушали рассказ главного агронома Марьинского района, Сталинской области, Данилы Степановича Ванярха.

В Марьинском районе под подсолнечник отведено более 3 тысяч гектаров земли.

— На вашей земле можно и должно выращивать по 25 центнеров с гектара, не меньше! — говорил колхозникам академик Колесник, объезжая одну за другой сельхозартели района.

Триста семьдесят звеньев работают на подсолнечнике в Марьинском районе. И все они решили бороться за рекордный урожай. Тысячи колхозников стали добровольными лаборантами Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина на «опытной делянке» в 3 тысячи гектаров. Разработанная учеными-мичуринцами новая агротехника призвана помочь труженикам полей в достижении высокой цели.

Всенародная селекция на практике выглядела так: прошлой осенью, в период уборки, марьинцы стали отыскивать в поле самые крупные, полноценные головки подсолнуха. Девушки вручную отбирали в них самые крупные и сочные семена. Времени это заняло немало, но люди с уверенностью повторяли:

— Крупное семя даст крупный урожай!

Этими семенами и были засеяны все три тысячи гектаров марьинских полей. Повсюду сев был проведен до 4 апреля, на три недели раньше, чем в прежние годы, и по глубокой зяби, поднятой с предплужниками. Широко были применены и другие агромероприятия, рекомендованные учеными.

А когда появились небывало дружные всходы, после первой же прополки, колхозницы бережно пересчитали все растения. Все до одного! Сегодня жители Марьинского района — старый и малый — знают знаменательную цифру: «12 356 500». Столько подсолнечников выращивается на марьинских полях.

На фотографии, заснятой во второй декаде июня, вы видите поле колхоза «Красная Армия»: подсолнух достиг уже небывалой для этого времени высоты — 1 метра 20 сантиметров.

А. ЮГИН

КОРОТКО

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ВОЕННО-МОРСКОЙ МУЗЕЙ в Ленинграде пополнился новыми ценными экспонатами. Открыт новый зал, материалы которого показывают, как советские моряки в послевоенные годы совершенствуют свое боевое мастерство. В этом зале, на красном бархате, — фотокопия страницы журнала крейсера «Молотов» с записью, оставленной И. В. Сталиным 19 августа 1947 года во время посещения корабля.

ДОМ ЛЕСИ УКРАИНКИ восстановлен и вновь открыт в селе Колодяжном, Волынской области. В этом доме, где выдающаяся украинская писательница провела ряд лет, находятся библиотека и музей.

НОВЫЙ КУРОРТ ДЛЯ ГОРНЯКОВ строится в Усть-Качке, на берегу Камы, вблизи города Молотова. Намечено соорудить пять санаториев на тысячу человек, грязелечебницу, санитарный и другие корпуса. На курорте будут лечиться и отдыхать шахтеры восточных районов страны.

КОТТЕДЖИ ДЛЯ КОЛХОЗНИКОВ — Героев Социалистического Труда — строит сельхозартель «Авангард» (Кзыл-Ординская область). Артель эта — родина высоких урожаев риса. В каждом коттедже — 3—4 комнаты, электричество, телефон, радио.



ПОПРАВКА

В № 28 журнала «Огонек», на стр. 27, в среднем столбце, в 4-м абзаце, после слов «композитора А. Баланчивадзе» вместо напечатанного «театр поставил» следует читать: «Драматический театр имени Марджанишвили поставил».

ЧЕРТЫ ХАРАКТЕРА

Рассказ

Всеволод КОЧЕТОВ

— Папочка, я непременно к тебе сейчас приеду. Ну как это так! Голодный, холодный, без ужина... И, главное, молчит! Слышишь ты меня или нет?

— Слышу. Только ездить, пожалуйста, никуда не надо. Ложись спать. Ночь.

Илья Григорьевич сказал эти слова тоном твердым и непреклонным, но он знал, что дочь все равно приедет на завод, и, нажав пальцем рычаг аппарата, тотчас отпустил его, вызвал бюро пропусков:

— Иван Иванович, ты? Просьба у меня... Там Антонина будет ломиться в проходную,— не пускай. Ну, придумай что-нибудь, на то ты и начальник. Распоряжение, скажи, вышло обменивать пропуска: старые недействительны... Что значит в папу! При чем тут я? Не можешь, в общем? Постарел ты, Иван Иванович, не тот стал!..

Снова звякнул рычаг, придавленный трубкой. Илья Григорьевич облокотился о стол, на котором вместо сукна лежал лист шероховатого алюминия, представил себе Ивана Ивановича. Конечно, дядя Ваня постарел — и усы побелели и сгорбился немножко,— конечно, не тот стал, каким его лет двадцать пять назад увидел слесарь Илья Родионов, получая свой первый пропуск на завод. Но стоило ли обижать старика? Да и сам-то он, бывший слесарь Илья Родионов, разве не постарел за четверть века и разве не изменился?

«Как сказать! — ответил себе Илья Григорьевич, расправил крутую грудь, развернул плечи.— Изменился? Да, изменился. Постарел? Прошу прощения... Взрослая дочь — не мерило для возраста отца». Он поднялся из-за стола, выключил лампу и, осторожно обогнув шаткое ложе из стульев, на котором посреди тесной комнатки спал инженер Бабкин, вышел из конторки на пирс.

Внизу, под дощатым настилом, билась в бетонные сваи студеная весенняя вода. Река давно вскрылась, но по ней, синевато отсвечивая во мраке, еще плыли запоздалые озерные льдины. Сразу за стенкой конторки темным стальным обрывом висела над стапелем освобожденная от лесов громада корабля. Под его окрашенным в сурик днищем горели десятки ярких ламп, днище отражало огненно-красный свет, и было это похоже на бивачные лесные костры. Вкруг костров плясали длинные тени, тоже вспыхивали на миг багровым огнем и тотчас снова становились черными.

Сцепив за спиной пальцы, Илья Григорьевич принялся вышагивать по доскам пирса. Его тянуло туда, под огненное днище, но делать ему там было нечего. Там шли последние приготовления к спуску корабля: разбирали лишние кильблоки, проверяли насалку, спусковые салазки — все эти сболченные из толстых брусьев полозья, дубовые стрелы, копылья, стальные найтовы и пеньковые задержники, с помощью которых корабль завтра должен будет легко соскользнуть со стапеля на воду.

Легко? Илья Григорьевич расцепил пальцы, пошарил в карманах куртки и впервые за полтора года остро пожалел о том, что бросил курить. Хорошо бы сейчас папиросу!

— Нет, товарищ Лопарин, извините! — вполголоса заговорил на пустом пирсе Илья Григорьевич и стал раскачиваться с пяток на носки так воинственно, словно перед ним и в самом деле появился Александр Александрович со своей седой бородкой острым клинышком.— Не выйдет.

О Лопарине начальник стапельного участка старался думать зло, с неприязнью. Даже в такие, полные тревоги часы, перед спуском корабля, Илья Григорьевич не мог простить старому мастеру жестокой обиды, или, как он называл, свиньи, которую ему подложил Александр Александрович. Дело, понятно, не в куреве. Хотя именно из-за него, из-за Лопарина, и это-то дело произошло. Вот здесь, на пирсе, сидели они вдвоем позапрошлой осенью; столик с чертежами был вынесен на вольный воздух; корабль тогда еще только закладывался, краны таскали на стапель первые конструкции для его шпангоутов, и перед начальником участка с мастером возникало множество вопросов, которые надо было обсудить.

Все обсудили, не сошлись в одном. Илья Григорьевич настаивал на том, чтобы, не дожидаясь полной отделки днища, вести работы дальше,— шире развернется стапельный фронт и ни сборщикам, ни клепальщикам — никому простаивать не придется. Александр Александрович, зажимая в кулак бородку, отчего она превращалась уже не в клин, а в ехидное шильце, посмеивался:

— Получается — берем козырек и приставляем к нему кепку. Кроем крышу — про фундамент забыли. Ловко!

— Технология такой порядок постройки корпуса рекомендует,— доказывал Илья Григорьевич.— Только дедовская привычка, Александр Александрович, стоит у тебя на пути. Привык, Саша, по-старинке!..

— Ну и что! Привык! А что такое привычка? Вторая натура! Попробуй, переломи свою натуру. Она откуда? Из практики берется, из жизни. Возьми-ка себя, куришь всю жизнь, брось это дело. Выйдет? Не выйдет. Разве что к гипнотизеру пойдешь!

Лопарин ершился, наскакивал, ронял чертежи со стола: задела неосторожно помянутая «дедовская привычка».

— Владеть собой надо, Александр Александрович,— как только мог спокойней ответил Илья Григорьевич, тоже горячий спорщик.— Тогда и натуру переломишь.

— Ну-ну, переломи, ежели бойкий!

— И переломлю. Хочешь, курить брошу.

— Мечтаю!

— Вот! — полированный, из карельской березы, портсигар Ильи Григорьевича, описав дугу, шлепнулся в воду и поплыл меж зеленых водорослей, которые из-под пирса длинными хвостами тянулись по течению.

— Хм, выбросил! — усмехнулся Лопарин.— Это пока портсигар, а не привычка. Привычку выбрось! Посмотрю я, как ты через часик — другой стрелять начнешь у ребят!..

Ни через часик, ни на завтра, ни через месяц мастер так и не увидел Илью Григорьевича «стреляющим» папиросы. Сам стал уговаривать: «Не страдай ты, Илюша, попусту. Ну поговорили, поспорили, а зачем мученье на себя принимать? На, закури!»

— Финтить теперь нечего, Александр Александрович! Слово сказано, должно и дело делаться!

По правде говоря, Илья Григорьевич не очень и страдал и, пожалуй, доволен был тем, что не курит. Нет, не из-за курева рассорился он с Лопариным, старым своим и неизменным другом. И не из-за корабельного днища. О днище в конце концов дотолковались. Илья Григорьевич доказал Александру Александровичу преимущества новой технологии, постройку корабля они производили развернутым фронтом и уже возвели добрую половину корпуса. Вот тогда-то и началась ссора...

Илья Григорьевич насторожился, ему показалось, что по дамбе знакомо стучат быстрые каблучки. «Разве ее остановишь!» — подумал он, и в этой мысли не столько было огорчения тем, что дочь не слушается его и придет невесть зачем среди ночи, сколько таилось гордости и самодовольства. Он один, без жены, которая умерла вскоре после рождения дочери, вырастил, воспитал Антонину и, кажется, воспитал так, как считал нужным. Иван Иванович прав, в отца выдалась, в отца.

Каблучки отстучали и замолкли, миновав пирс стороной, но Илья Григорьевич все еще думал о дочери, о ее настойчивом, непреклонном характере. Сам развил в ней эти качества и сам же размышлял теперь над ними. Получалось иначе.

Началось это с десятого класса, еще в годы войны. Сидели однажды февральским вечером, читали при настольной лампе, отец — газету, дочь — какие-то журналы.

— Папочка! — вдруг спросила она.— Не понимаю, что это еще за вертикальные кили? Я знаю один киль, вдоль дна который. А тут вертикальные!..

Он поднял очки на лоб, посмотрел на обложку журнала: «Кораблестроение» — и улыбнулся, чувствуя, как льстит ему внимание дочери к его профессии. Долго и подробно объяснял ей устройство корабля, взяв карандаш и бумагу, чертил его в разрезе, в продольном и поперечном, хотел даже изобразить общий вид пассажирского теплохода, начал с волн, но Тоня остановила его:

— Это я видела, это не надо, папочка.

Конечно, не надо было рисовать. И без отцовского неуклюжего рисунка она видала корабли — почти все, какие за последние пятнадцать лет сошли со стапелей завода. Бывало, еще длинноногой девочкой с острыми локотками, с голубым бантом на светлой головенке, прибегала Тоня к проходной, когда случались такие же предпусковые жаркие дни и Илья Григорьевич сутками не являлся домой. Терпеливо стояла у входа, держала узелок с ужином, приготовленным неумелыми детскими руками. Потом она познакомилась с Иваном Ивановичем, с дядей Ваней, строгим хранителем заводских ключей, и тот перестал томить девочку на улице. «Скачи, стрекоза, к папке. Прямо на те железные башни держись, видишь? — объяснял он, в первый раз пропуская младшую Родионову на заводской двор.— Народ и государство простят мне мое служебное преступление».

Но не только к папке скакала стрекоза. Принесет свой узелок, обежит все закоулки вокруг стапеля, попрощается с отцом, сделает вид, что уходит домой, а сама примется по складским дворам лазить — среди чугунных болванок, стальных заготовок, бочек с цементом,— в механический, в литейный цеха заглянет, в кочегарку. Был случай, даже в кабинет к директору зашла.

— Ты кто же такая? — удивился директор, обращаясь не то к ней, не то к огромным, как шкаф, часам с медлительным медным маятником под стеклом.

— Я? Тоня. Бригадира Родионова, Ильи Григорьевича, дочь,— не смутилась девочка.

— Скажи, пожалуйста! — еще больше удивился директор.

Не потому, что бригада Родионова была одной из лучших на заводе и директор уважал настойчивого кораблестроителя, а просто потому, что девочка ему очень понравилась, он принялся всячески развлекать ее, лишь бы не надоело ей в его сумрачном кабинете. Показывал расставленные на длинных столах модели ледоколов, паровых машин, котлов, заставил свои часы-шкаф бить раньше времени басовым гулким боем, подарил толстенный трехцветный карандаш и на прощанье сказал:

— Заходи почаще, не стесняйся. Даже если та тетя за дверью не будет пускать, все равно заходи. Ну, то-то! Будь здорова.

Заходила она к директору редко, «тетя за дверью» или, вернее, перед дверью, ее все-таки к нему не пускала: то совещание, скажет, то занят, то вышел на производство. Но директор Тоню не забыл

и каждый раз, когда спускали очередной корабль, напоминал Илье Григорьевичу, что тот может привести на торжество и дочку.

— Корабельщица у тебя растет, товарищ Родионов! — говаривал не раз.— По призванию корабельщица. А в нашем деле без призвания нельзя, ничего не выйдет. Не так ли?

— Да, это так,— отвечал Илья Григорьевич.— Только какое призвание! О призвании толковать рановато. Обыкновенный интерес ребячий. По иному направлению думаю пустить. По медицине.

— Ваше дело, ваше дело, медики тоже нужны. Но, уверяю вас,— настаивал на своем директор,— большую ошибку совершите.

Вспомнил об этих давнишних разговорах Илья Григорьевич февральским вечером, сидя с дочерью над чертежами кораблей и перелистывая страницы журнала, и обеспокоился. Помнится, прежде, когда толковали о будущем, когда он, Илья Григорьевич, расхваливал медицину, Тоня обычно соглашалась: «Врачом, так врачом быть — не все ли равно, папочка». Это уклончивое «не все ли равно» ему никогда не нравилось, но он. однако, молчал, думал: капля камень точит, время свое возьмет. Молчать дальше, пожалуй, уже нельзя было.

— Ты бы, дружок, медицинское что-нибудь почитала,— заговорил проникновенно.— Скоро студенткой будешь, не в кили и шпангоуты придется вникать — в хирургию. Почетное дело!..

— Папа, будем откровенны! — вскинула Тоня ресницы, и Илья Григорьевич не без изумленья, как в зеркале, увидел перед собой самого себя. Такие же складки на переносье, так же плотно сжаты губы, так же, как у него, округлились полные решимости глаза.

— Будем откровенны,— повторила дочь.— Не надо обманывать друг друга. В медицинский я не пойду!

Стоял февраль, но в квартире Родионовых разразилась июльская гроза...

Много дней потом в холодных комнатах не слышно было людских голосов: отец с дочерью не обмолвились ни словом, не сходились за вечерним чаем, потому что и чаю никто не грел, никто не подметал пол, не смахивал пыль с мебели. На окне увядал старик-фикус. Квартира теряла жилой вид, превращалась в запущенное общежитие, но обитатели ее не хотели сдаваться.

Отец с дочерью заговорили только спустя месяц! Илья Григорьевич вернулся с завода поздно, озябший, и, не снимая ни шапки, ни пальто, плюхнулся в кресло. Он рассказал Тоне всю свою биографию. Перед девушкой прошел долгий отцовский путь от слесаря до начальника стапельного участка. Отец не жалел красок, изображая нелегкий и порой опасный труд кораблестроителей. Летом — весь день под солнцем, зимой — на ледяном ветру или в проиндевелых стальных коробках кораблей,— кто это выдержит?

Отец держал двухчасовую взволнованную речь, ни единым словом не перебила его дочь и, лишь когда он закончил, сказала с улыбкой:

— Спасибо тебе, папа. Ты так хорошо говорил... Тебе бы надо выступать в институте, когда у них бывает день открытых дверей. Ну, не сердись! Все равно я буду строить корабли. Давай лучше пить чай.

Илья Григорьевич так углубился в эти тяжелые для него воспоминания, что не заметил, когда на пирсе появился Бабкин. Инженер растирал руками сонное лицо, поеживался:

— Холодновато, Илья Григорьевич. Сало бы не застыло.

— Ну вот — застынет! — ворчливо ответил Родионов.— Зимой спускаем — не застывает.

— Волнуюсь, честно говоря,— сознался инженер.— Оттого, наверно, и про сало брякнул. Сам знаю, что ничего ему не сделается. А вот... Первый же для меня корабль! Ей богу, волнуюсь.

— Заметно.

— Это вы о том, что я спать улегся? Напрасно вы так. Ну вздремнул. Зато я сейчас, что стеклышко. Вот побегу, все еще раз проверю...

— Нет нужды бегать,— прервал его Родионов.— Сами знаете, все проверено. Наше дело сделано, распоряжается там Карасев, и нечего ему мешать.

— Сердитый вы какой-то сегодня, товарищ начальник,— попробовал отшутиться Бабкин.— Ворчите — не ворчите, а я все-таки сбегаю.

Бабкин ушел туда, под днище, прямо в эти сказочные костры. Илья Григорьевич понимал, какие силы тянули молодого инженера к кораблю, сам когда-то так же бегал по ночам, собственными руками ощупывал каждый болт, каждую заклепку; тем не менее он язвительно хмыкнул вслед Бабкину. Он не любил признаваться себе в том, что Бабкин ему нравится, и под нарочитой внешней грубостью скрывал свои добрые чувства к молодому инженеру. Были тому две причины. Во-первых, Илья Григорьевич считал, что всякого начинающего специалиста долгое время надо держать в черном теле, тогда из него выйдет хороший мастер. Во-вторых, как бы начальник стапельного участка ни был зол на Лопарина, в глубине души он носил глухую обиду за Александра Александровича, место которого так легко занял человек, лишь какой-нибудь год назад сошедший с институтской скамьи. И не просто занял, а прочно занял, вполне справляясь с трудными обязанностями.

Александр Александрович! Это же был учитель Ильи Григорьевича, под его крылом вырос ныне прославленный на заводе строитель кораблей Родионов.

Илья Григорьевич тяжко вздохнул и пошел с пирса снова в свою конторку, распихал ногой стулья, на которых только что спал Бабкин, включил лампу, присел к столу. На алюминиевом листе было выскоблено острым «А. А. Лопарин» и рядом еще какие-то мелкие значки. Илья Григорьевич мог не доставать очков из кармана куртки, он и так знал, что значки эти обозначают. Пятнадцатого мая прошлого года здесь, за столом, происходил последний разговор с Александром Александровичем, и мастер, волнуясь, машинально скоблил гвоздем податливый алюминий, кроме фамилии своей вывел и нерадостную для обоих дату...

Илья Григорьевич начинал беспокоиться. Тоня звонила в двенадцать, теперь три: где же она? Всегда так — сплошные огорчения и трезоги от той дочери... И с Александром Александровичем, ни для кого не секрет, из-за нее же поссорились.

Прошлым маем Илья Григорьевич воспрял было духом. Тоня заканчивала предпоследний курс кораблестроительного, после чего должна была начаться ее узкая специализация. Если не удалось дочку в свое время заинтересовать медициной, так рассуждал тогда Илья Григорьевич, то, может быть, удастся уговорить хотя бы и в кораблестроении выбрать более подходящую для девушки специальность. Конструктором может работать, плановиком, лишь бы не на стапелях. Не надеясь больше на свои способности, он попросил поговорить с ней Лопарина: «Саша, у тебя седая борода. Почтенный дедка. Повлияй!»

— Будь спокоен, Илюша. Не подведу,— важно ответил Лопарин.

Он пришел в воскресенье, пообедали втроем, старик выпил несколько рюмок водки и, когда со стола было прибрано, хитро подмигнул Илье Григорьевичу. Илья Григорьевич понял его знак, отправился якобы в соседнюю квартиру к маляру по поводу побелки потолков.

О чем и как они без него говорили, пока он прогуливался под окнами на улице, об этом Илья Григорьевич догадался без труда. Возвратясь через добрый час домой, он задержался у дверей комнаты, прислушался — и похолодел от удивления и ярости.

— Правильно! — на самые верхние ноты взлетал за дверью стариковский дискант Лопарина.— Правильно решила! Хочешь человеком быть — иди на стапель! Да, только на стапель! Ну что там в конструкторском или плановом — бумажное дело, жизни нет. А тут сам видишь свою работку. Вот она! Звенышко за звенышком, отсек за отсеком, палуба, вторая... Глядишь — кораблище ты соорудил. Красавец-кораблище! Сойдет на воду — в плаванье, в дальние моря двинется. «Кто там сработал такое диво?» — скажут люди. А это ты, Тонька Родионова, его сработала. Смекаешь?

— Смекаю,— оцепеневший Илья Григорьевич распахнул дверь.— Прошу вас, гражданин Лопарин, оставить мой дом.

Тоня после говорила ему:

— Откуда только, папочка, у тебя такие слова взялись, такой тон! Прямо как в великосветском романе. Я тобой очень недовольна. Напрасно ты обидел дядю Сашу. Я перед ним, конечно, извинилась, но этого мало. Извинись сам. Слышишь?

Илья Григорьевич не желал слышать. Он отказывался прощать Александру Александровичу его выходку, которую считал подлой. Он ходил к начальнику корпусного цеха, к директору, заявлял, что с Лопариным работать больше не будет. Александр Александрович, видя, что Илья Григорьевич старательно отрезает все пути к примирению, тоже подал заявление. Директор, не вникая в суть распри, согласился перевести Александра Александровича на другую работу. Ему до крайности был нужен хороший начальник участка сборки рыболовных тральщиков. А лучше Лопарина кого еще найдешь?

И вот пятнадцатого мая они тут за столом последний раз поговорили. Нет необходимости вспоминать, о чем говорили,— от разговора этого у обоих осталась горечь на сердце. Были друзьями, стали недругами.

Недругами? Перед ним возникли пустынные льды залива, по которым, огибая черные полыньи от разрыва снарядов и бомб, бредут два коченеющих человека в ватниках. К ночи они добрались до стоянки боевых кораблей, один из которых получил в бою серьезное повреждение.

Два человека спустились в деревянный кессон, наложенный военными водолазами на пробоину, увидели рваные, сгофрированные стальные лоскутья по краям пробоины, всем телом ощутили холод ледяной заливающей кессон воды и, выйдя из-подо льда, задумались. Надломленных блокадным голодом людей спускать в шаткий дощатый ящик было опасно.

Тот, что был помоложе, покоренастей, с крутой грудью, сказал своему спутнику, подергивающему клинообразную седую бородку:

— А что, Александр Александрович, не слазить ли нам туда только вдвоем? А кости если сложим, ну что же — война! Чем мы хуже матросов? Они балтийцы, и мы балтийцы.

Другой стариковскими глазами глянул из-под реденьких бровей на товарища:

— Пойдем, Илюша. Двадцать лет не разлучались, и теперь будем вместе.

Низко ходило над горизонтом неяркое зимнее солнце, ночью холодно светила луна, серый, прокопченный пороховой гарью лежал вкруг корабля лед. Два человека несколько суток невылазно сидели в кессоне, в который то и дело, при близких ударах снарядов, врывалась вода. Они сами были и газорезчиками и сварщиками...

В один из частых артиллерийских налетов, когда снаряд ударил почти рядом, кессон залило особенно сильно. Двух товарищей моряки вытащили без сознания, растерли суконками, напоили спиртом; они обсушились и опять спустились вниз: вахта продолжалась...

На пирсе снова застучали быстрые каблучки. Илья Григорьевич, обрадованный тем, что с воспоминаниями наконец-то покончено, поспешно распахнул дверь навстречу дочери:

— За это время на Северный полюс слетать можно! Где ты пропадала?

— Во-первых, папочка,— девушка поставила на стол туго набитую сумку,— ужин готовила. Во-вторых,— она принялась вытаскивать из сумки свертки и бутылки,— меня задержал директор. Он не спит, и никто, знаешь, не спит, все по двору ходят, волнуются. Так вот, директор мне сказал, что как только защищу дипломный проект, буду немедленно принята сюда, в корпусный, к тебе на стапеля. Слышишь? Окаменел! Ешь, пожалуйста. Вот кефир, вот котлетки, вот кисель... Стакан только не разбей.

Илья Григорьевич нехотя жевал ее припасы, и дочь видела, как ее отец, словно в безмолвной беседе с кем-то, недоуменно разводит руками.

— Правильно, правильно, папочка,— догадываясь о том, что его занимает, рассмеялась она.— Ни с кем не надо было ссориться. В

тебя уродилась, себя и вини. Подкрепляйся поскорей, пойдем на корабль.

— Тебя не пустят.

— Пустят. У дипломантов пропуск во все цеха. Пошли, пошли, товарищ начальник!

Как нехотя он ел, так же нехотя Илья Григорьевич поплелся с дочерью на стапель. Минувшим днем там состоялось то, что в театре называют генеральной репетицией: была генеральная расстановка людей по местам — у стрел, задержников, курков, в подводных отсеках, возле толкачей. Всю предшествующую неделю Илья Григорьевич провел на корабле, проверил, кажется, каждый шов корпуса, каждый лист и шпангоут, теперь от него уже ничто не зависело и надо было бы никуда не ходить, а просто ждать завтрашнего полдня — испытания корабля водой, беспощадного и нелицеприятного испытания...

Они поднялись на верхнюю палубу. Отсюда был виден сумеречный город, над которым на востоке начинало светлеть небо. Но открывшаяся панорама заняла Тоню только на несколько минут. Потом она принялась лазить в надстройки, спускаться под палубы: ее все интересовало, везде она делала свои замечания, и Илья Григорьевич должен был сознаться в том, что «кое-какие» понятия о кораблях дочь его все-таки имеет, и если пяток лет продержать ее в черном теле, то, кто знает, не выйдет ли из девчонки человек. Смешновато, конечно: девчонка — и корабельных дел мастер!

— Папочка, ты за меня не бойся,— Тоня стукнулась головой о железный косяк низкой дверцы и, морщась, потирала ладонью ушибленное место.— Не бойся, пожалуйста. Меня не обманешь, знаю, почему ты был против того, чтобы я стала кораблестроителем! Думал так: убьет она пять лет жизни в институте, потом столкнется с трудностями, сбежит с завода и останется у разбитого корыта, без подходящей специальности. Не верно разве? Верно, папка. Так ты думаешь и сейчас. И напрасно. Никуда не убегу. Пусть трудно, зато какая радость, когда твой, твоими руками созданный, корабль уходит в дальние моря... Твой это труд, большой труд, зримый, осязаемый.

Илья Григорьевич хотел сказать, что это чужие слова и однажды он их уже слышал, но удержался, не желая зря обижать дочку. Да и автора этих слов не к чему было поминать без нужды.

Не хотел поминать имя бывшего своего друга начальник стапельного участка и вдруг в узком скупо освещенном проходе грудь в грудь столкнулся с ним, с самим Лопариным. Восемь месяцев они не разговаривали, встречались только на совещаниях у начальника цеха, называли друг друга на «вы» и всегда старались разойтись сторонкой. Здесь разойтись сторонкой было невозможно. Александр Александрович быстро мигал ресницами и подергивал клинышек бородки.

Илья Григорьевич смотрел на него в упор и думал: «Зачем человека принесло на чужой корабль?»

— Илюша,— сказал Александр Александрович. Это слово было для Ильи Григорьевича еще более неожиданным, чем странная встреча.— Илюша,— повторил Лопарин,— а на двадцать-то третьем болты стоят.— Он заметно волновался.

— Как болты? — отшатнулся Илья Григорьевич, наступив на ногу Тоне, и мысль его устремилась в трюм, к двадцать третьему шпангоуту: «Чорт возьми, там так тесно и темно! Неужели проглядел?»

По железным винтовым трапам, стуча подошвами, Родионов бросился вниз сквозь палубы,— грузный, тяжелый, едва протиснулся меж стрингерами к злополучному шпангоуту, к одному из многочисленных ребер корабля, засветил карманный фонарь. Так и есть — болты, не заклепки. Двенадцать штук, на самом стыке. Они, болты эти, никак не могли отразиться на спуске корабля, и прочность корпуса из-за них не пострадает, но, будь они прокляты! Недоделка, самая что ни на есть непростительная, просто-таки позорная недоделка...

Илья Григорьевич заслышал позади себя шорох. «Кто тут есть?» — спросил.

— Мы, — ответил ему тонин голос, и он знал, что «мы» — это, кроме Тони, еще и Александр Александрович. Снова, как там, в ледяном кессоне, были они вместе со старым другом в железной корабельной тесноте и снова были один другому необходимы.

— Саша,— сказал Илья Григорьевич в темноту.— Клепать надо, срочно клепать. Антонина, сбегай, прошу...

— Не надо,— прервал его Лопарин.— Я уже привел Михайлова с его ребятами. Шланг тянут.

Через четверть часа в отсеке оглушительно застучал пневматический молоток. А еще два часа спустя все вышли на верхнюю палубу. Над горизонтом вставало солнце, в его лучах пестрели праздничные флаги, поднятые вокруг стапеля на башенных кранах. Внизу под корабельным днищем погасли электрические костры, люди разошлись, закончив свое дело. Лишь стоял возле бетонной дорожки инженер Карасев, распорядитель спусковыми работами, и, сняв кепку, задумчиво смотрел в одну какую-то точку перед собой.

Надо было покидать корабль. Илья Григорьевич взглянул на Лопарина. Он бы с радостью пожал руку старику или даже обнял бы его.

По глазам если судить, Александру Александровичу хотелось того же. Но кругом были люди — Михайлов с подручными, горновщица, Бабкин, Тоня,— и два немолодых человека только молча толкнули друг друга плечом в плечо, как это делают ребятишки.

В конторке на пирсе Лопарин давно не бывал, он вошел в нее бочком, не по-хозяйски. Илья Григорьевич заметил это, сразу же перевернул на столе лист алюминия, чтобы скрыть с глаз дату, которую следовало поскорее забыть, и разложил на газете тонины припасы.

— Закусим коллективно! Товарищ Бабкин, подсаживайтесь. Ночь не поспишь, такой аппетит пробирает!.. Эх, стопочку бы еще сюда! Как, Саша?..

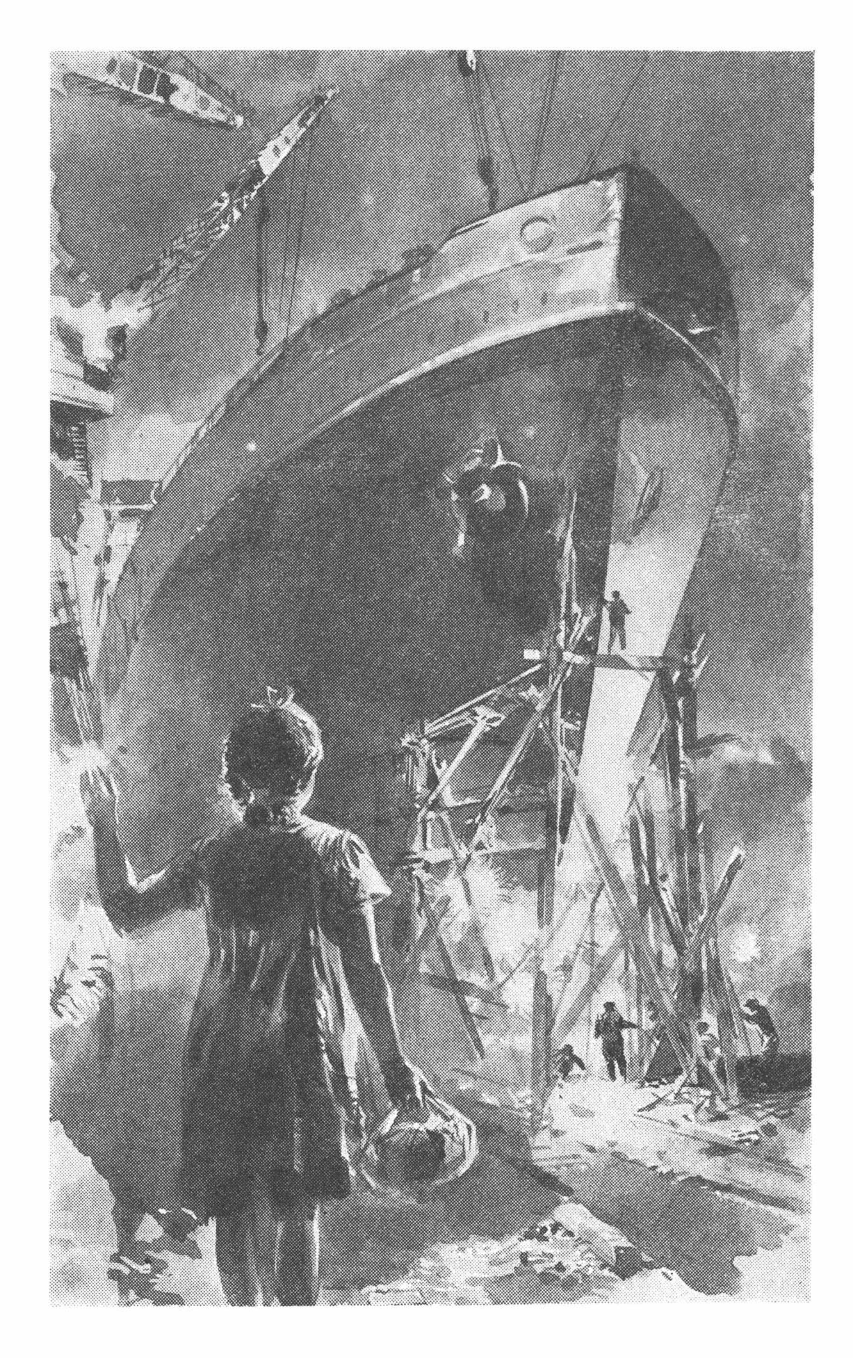


Рисунок В. Климашина

— Стопочку? Стопочка никогда не вредит,— ответил Лопарин.— Хотя, Илюша, и вред от нее бывает. Наговорил я тогда, может, чего и лишнего дочке-то твоей... Так ведь, разобраться, после рюмки наговорил...

— Брось, брось, Александр Александрович! Не поминай. Как можно было от такого корабельщика, как ты, требовать, чтобы он расхаял свою профессию!

— Замечательная профессия! — хлопнула ладонью по столу Тоня.— Стопочка вам за нее все-таки будет. Прошу извинить, конечно,— не водки. Я, чтобы отметить спуск корабля, захватила бутылочку вина.

Вино было налито в стакан из-под киселя, еще стакан нашелся в шкафу с чертежами, Бабкин принес две кружки, отцепив их от бака с питьевой водой.

— Прежде чем выпить, Александр Александрович,— повертел стакан на столе Илья Григорьевич,— я должен тебе сказать, что у меня характер противный. В нем есть такие несуразные черты... В общем, ты меня, Саша...

— Да ты сдурел совсем, Илья! — до потолка вознес свой дискант Лопарин.— Твой характер! А мой возьми характер! Вот это действительно сплошные черты!

— Смешные какие! — всплеснула руками Тоня.— Товарищ Бабкин, слышите, что они говорят? Не характер ваш, а просто сами вы, папа и дядя Саша, противные старикашки!

— Ну вот я и предлагаю,— торжественно поднял свой стакан Илья Григорьевич,— давайте за всех противных старикашек, у которых вы, молодые, еще многому-многому можете поучиться и которые еще долго-долго от вас не отстанут и еще не одну стройку завершат вместе с вами во славу народа. А черты характера, ну это так... между собой когда. Главная черта у всех у нас общая: дело свое любить, так любить, чтобы тому, кто вздумает нам помешать наше дело делать, глотку перегрызть зубами! Вы меня, конечно, понимаете, друзья мои?..

Праздник на Девине



Больше ста тысяч участников «Славянского дня» заполнили 5 июля гигантский амфитеатр и прилегающие к нему склоны скалы Девин (Словакия).

Самолет сделал крутой вираж. Земля как бы приподнялась от горизонта. Открылась широкая панорама словацкого берега Дуная в том месте, где его водная ширь принимает в себя желтые струи Моравы. Здесь западный строг Карпат обрывается над водой высокой скалой Девин, увенчанной развалинами старинной славянской крепости. На этой скале в древние времена стояла столица Велико-Моравского славянского княжества. Отсюда вели свою деятельность великие славянские просветители, создатели славянской письменности Кирилл и Мефодий. День их памяти — 5 июля — ныне стал в Словакии традиционным славянским праздником.

Сегодня девинский холм, и плоский берег Моравы, и осененный скалами берег Дуная, и огромный, полукругом спадающий к Дунаю амфитеатр — все пестрит бесчисленными людскими толпами участников «Славянского дня» 1949 года. Из недалекой, виднеющейся за зелеными холмами Братиславы, из ближних и дальних городов и деревень Словакии собрались на Девине рабочие, крестьяне, лесорубы, горные пастухи, представители интеллигенции, чтобы участвовать в празднике славянской дружбы и братства.

Больше пятидесяти тысяч людей вместил девинский амфитеатр. А вместе со всеми, кто разбил праздничные таборы на берегах Дуная и Моравы, число участников «Славянского дня» в нынешнем году намного превысило сто тысяч человек.

На широкой трибуне, замыкающей внизу полукруг амфитеатра, разместились возглавленные премьер-министром Чехословакии Антонином Запотоцким члены правительства, члены словацкого корпуса уполномоченных, представители словацких общественных организаций, гости из Чехии, Моравии, делегации СССР, Болгарии, Польши, соседних стран народной демократии.

После вступительного слова, произнесенного уполномоченным по народному образованию, известным словацким поэтом Лацо Новомесским, участники праздника выслушали выступления премьер-министра Запотоцкого, посла СССР Силина, глав делегаций братских славянских стран, представителей словацкой интеллигенции, рабочего класса, крестьянства.

Борьба за осуществление пятилетнего плана социалистического строительства Чехословакии, борьба против черных сил реакции, за мир и демократию, укрепление дружбы между славянскими народами, между народами стран новой демократии — вот что составило содержание всех выступлений, продемонстрировавших горячий патриотический энтузиазм участников празднества.

А потом на Девине до позднего вечера десятки тысяч зрителей смотрели и слушали выступления коллективов народной художественной самодеятельности. На трибуну один за другим поднимались разодетые в яркие национальные костюмы хоровые и танцевальные группы заводов Словакии. Соревнуясь друг с другом, показывали свое искусство и хлеборобы дунайской равнины, и карпатские лесорубы, и пастухи с высокогорных пастбищ Татр.

В этот день были торжественно открыты пробитая среди холмов «Молодежная дорога», связывающая Девин с Братиславой, и восьмисотметровый туннель, от которого берет начало эта дорога. Эти сооружения — плод самодеятельности трудящихся молодежных бригад.

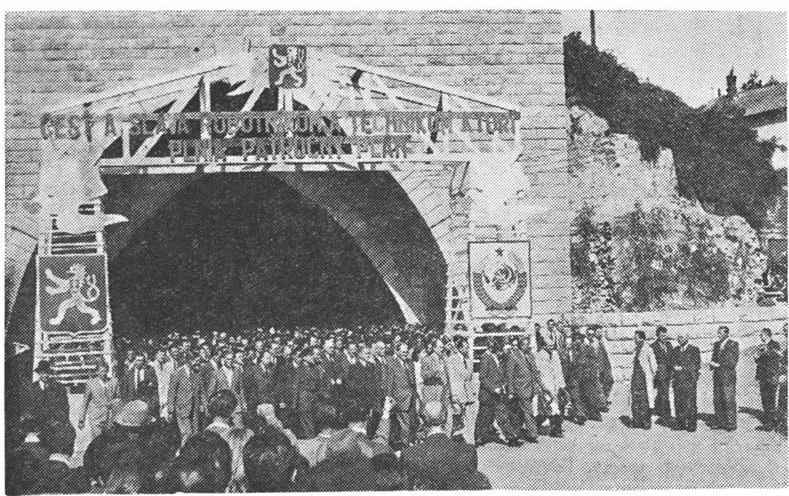
Дни, предшествовавшие празднику на Девине, и самый день 5 июля ярко показали единение народа Словакии вокруг руководимого коммунистами народно-демократического правительства Чехословакии. Это была яркая демонстрация воли словацкого народа к борьбе за мир и демократию в общем строю свободолюбивых народов, возглавляемых великим Советским Союзом.

Ал. СУРКОВ

Братислава — Москва.
Июль 1949 года.



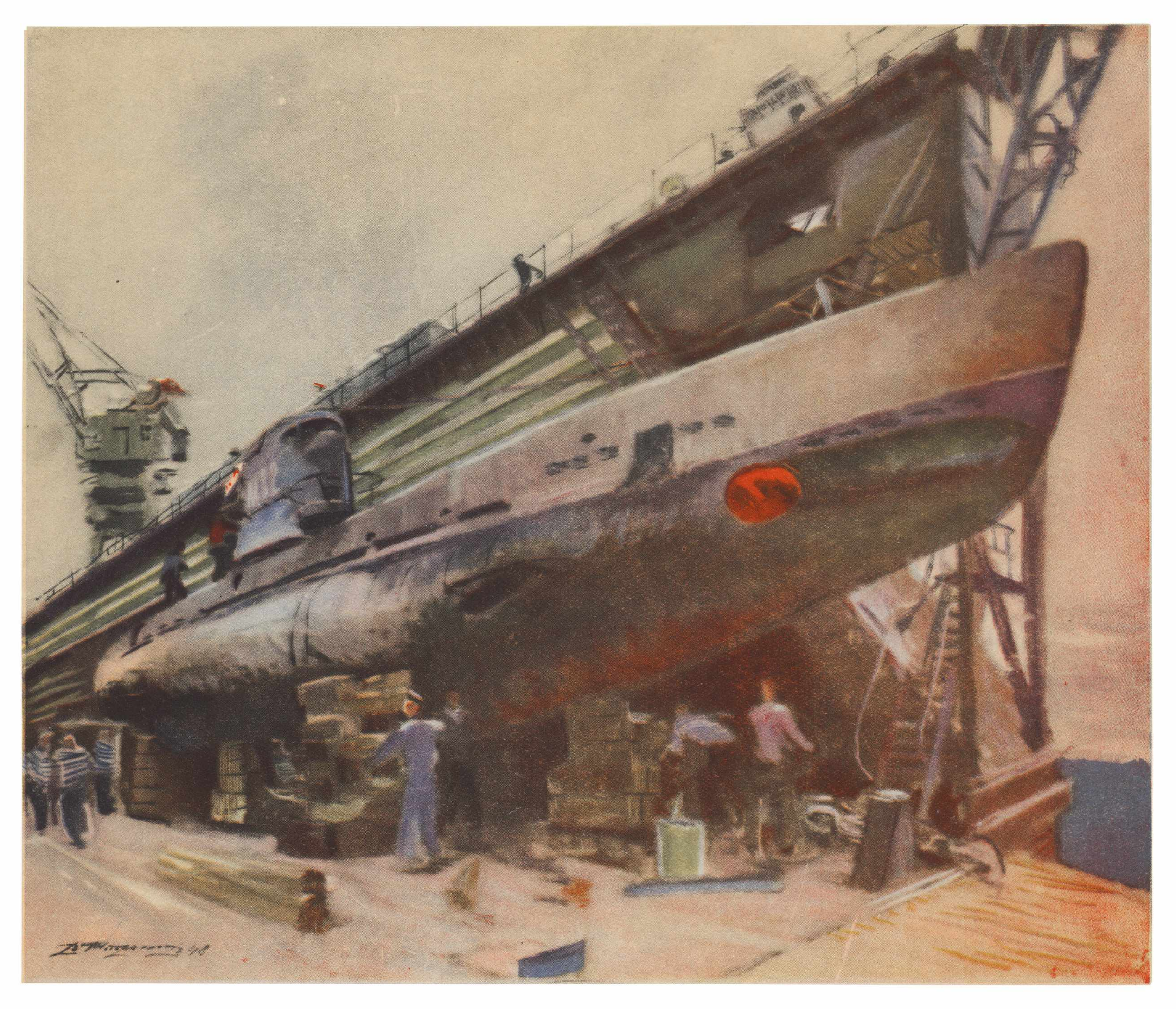
В «Славянский день» была открыта шоссейная дорога, связавшая Девин с главным городом Словакии — Братиславой. Под звуки Государственного гимна премьер-министр Чехословакии Антонин Запотоцкий перерезал ленточку в начале нового шоссе.



В тот же день было открыто движение по построенному трудовой самодеятельностью словаков восьмисотметровому туннелю, связавшему Братиславу с Девином кратчайшим путем.



Показом художественной самодеятельности завершился «Славянский день» на Девине. На эстраде — танцовальный коллектив горцев-лесорубов.



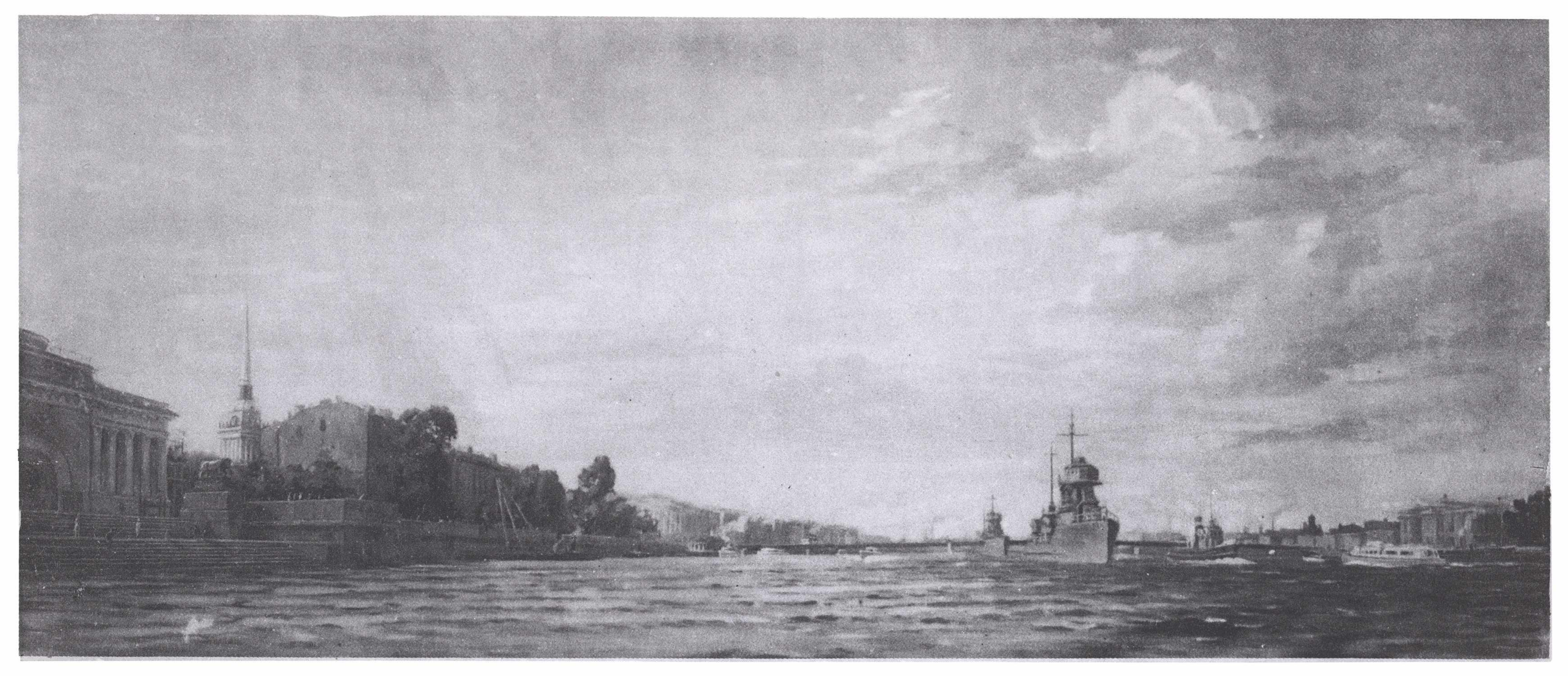
В. Ф. Штраних. РЕМОНТ ПОДВОДНОЙ ЛОДКИ



В. Бибиков. НА ЛИНКОРЕ.



В. Бибиков. В ПЛОВУЧЕМ ДОКЕ.



К. С. Джаков. НА НЕВЕ.

СИЛА В ЕДИНСТВЕ

(Со второго Всемирного конгресса профсоюзов)

Борис ПОЛЕВОЙ



Советская делегация на заседании второго Всемирного конгресса профсоюзов в Милане.

Второй Всемирный конгресс профсоюзов, происходивший в Милане, рассмотрел насущнейшие вопросы профсоюзного движения. Но самым важным и злободневным вопросом, под знаком которого проходил конгресс, было дальнейшее укрепление мирового единства профсоюзов, упрочение международной рабочей солидарности, сплочение миллионов членов профсоюзов в борьбе за мир во всем мире.

Грандиозные забастовки горняков во Франции, батраков в Италии, докеров в Англии, моряков в Канаде и многие другие стачечные выступления, охватившие сотни тысяч и миллионы трудящихся, показали всему миру необоримую и все крепнущую мощь рабочего класса, объединенного в профсоюзы. Единство рабочих насмерть перепугало империалистическую реакцию, и она приказала своим лакеям в профсоюзном движении, лидерам Британского конгресса тред-юнионов и Американского конгресса производственных профсоюзов, взорвать Всемирную федерацию профсоюзов, созданную в 1945 году. Тем самым они рассчитывали развалить рабочее единство, разоружить трудящихся перед лицом воинствующей империалистической реакции.

Эта подлая попытка штрейкбрехеров профдвижения встретила единодушный отпор масс рядовых рабочих. Поняв, что миллионы членов профсоюзов всех стран мира встают на защиту своей боевой Международной федерации и что ликвидировать ее не удастся, штрейкбрехеры решили хотя бы расколоть ее и объявили о выходе из федерации английских и американских профсоюзов. Они ушли, уводя за собой столь же продажных профбюрократов стран Бенилюкса и желтых лидеров профсоюзов некоторых других маршаллизованных государств, потерявших свою политическую самостоятельность.

Однако этот коварный заговор против мирового единства профсоюзов с треском провалился. Ответом англо-американским раскольникам было еще более тесное сплочение миллионов членов профсоюзов во всех странах вокруг своей Международной федерации. Более того: профсоюзы ряда государств, до сих пор не входившие в ряды федерации, присоединились к ней. К своему Второму конгрессу Всемирная федерация профсоюзов пришла более могущественной и многочисленной, чем она была до выхода из нее раскольников.

Видя тщетность своих попыток услужить капиталистам, штрейкбрехеры профдвижения поспешили инсценировать раскольнический «съезд профорганизаций, не входящих в ВФП». Местом для этого наспех сколоченного балагана была избрана Женева. За недорогую цену для участия в этом «съезде» вербовались всякие контрреволюционные отщепенцы, бежавшие из стран народной демократии, спасаясь от народного гнева, всякие темные личности, болтавшиеся без работы в международных шпионских центрах. Так, в делегате, разыгрывавшем представителя профсоюзов Японии, другой делегат (из Сиама) распознал офицера японской разведки в Бангкоке. Женевский балаган быстро прогорел, и провал его только лишний раз показал всю безнадежность провокационных попыток профсоюзных лакеев Уолл-стрита нанести предательский удар в спину мировому единству профсоюзов.

Всемирная федерация профсоюзов предстала на своем втором Всемирном конгрессе не только значительно выросшей количественно, но и организационно окрепшей, сильной своим боевым духом и сознанием одержанных побед. Делегаты сорока трех стран мира представляли более семидесяти одного миллиона трудящихся, объединенных в профсоюзы. Но эти цифры не охватывают всех профорганизаций, тяготеющих к ВФП и еще не примкнувших к ней организационно. Можно сказать без преувеличения, что на стороне ВФП все трудящиеся — члены профсоюзов,— в том числе и трудящиеся тех стран, продажные профсоюзные лидеры которых наперекор воле масс объявили о выходе из федерации.

Сидя в зале Палаццо дель Арте в Милане, где работал конгресс, мы все время наглядно видели, как члены профсоюзов этих стран тяготеют к мировому единству, как они через головы желтых лидеров всеми способами изъявляют солидарность с работой конгресса и его решениями. Почти перед каждым перерывом на трибуну выходил делегат Австралии Торнтон и зачитывал конгрессу приветственные телеграммы от низовых профсоюзных организаций и членов профсоюзов. Это были приветствия от рабочих Америки, Англии, Канады, в них клеймились позором раскольники профсоюзного движения и выражалась готовность проводить в жизнь решения конгресса. Слушая эти бессчетные телеграммы, каждый делегат ощущал, как, ломая все рогатки и преграды, крепнет международная солидарность трудящихся, как смыкают свои ряды миллионы простых людей мира.

Дух солидарности и единодушия — таков был дух конгресса. В особенности это чувствовалось при обсуждении докладов советского делегата В. В. Кузнецова и итальянского делегата Ф. Санти о задачах ВФП в борьбе за мир и демократические права трудящихся. Конгресс бурными аплодисментами приветствовал появление на трибуне делегатов Советского Союза — могущественной миролюбивой социалистической державы и делегатов стран народной демократии, где права трудящихся также прочно ограждены законом. С огромным вниманием слушал конгресс речь известного профсоюзного деятеля Ливана — Мустафы эль-Арисса, только что выпущенного из тюрьмы, делегатов других колониальных и зависимых стран, говоривших о том, как растет в этих странах всенародная ненависть к империалистическим колонизаторам, к поджигателям новой войны.

С большой силой прозвучали с трибуны конгресса выступления представителей тех стран, где грохочут пушки и льется кровь. Глава профсоюзной делегации борющегося Вьетнама, Луу Дук Пхо, которому, для того чтобы попасть на конгресс, пришлось пересечь линию фронта и идти пешком по горам сотни верст, — маленький, туго сбитый человек в полувоенной куртке рассказал нам о борьбе своего народа с армией французских колонизаторов. «Пусть мой голос, — сказал он, — голос делегата страны, где сейчас империалисты проливают кровь, присоединится к призыву советского делегата: бороться за мир во всем мире. Народ Вьетнама, отважно обороняющий свою страну от нашествия иностранных империалистов,— это храбрый, но мирный народ. Все мы сторонники мира и готовы поддержать любое действие ВФП, направленное на упрочение мира и демократических прав трудящихся». И зал стоя приветствовал это заявление Луу Дук Пхо, хорошо выразившее мечты и думы миллионов трудящихся во всем мире.

Второй Всемирный конгресс профсоюзов принял ряд важнейших решений, которые отмечают собою исторический этап в развитии мирового профсоюзного движения. Все эти решения были приняты единогласно. Они выражают единое мнение всех делегатов, они выражают чаяния и волю миллионов и миллионов простых людей труда, объединенных в профсоюзы. Среди других своих решений конгресс одобрил обращение к членам профсоюзов Англии, Америки и других стран, которых лидеры-раскольники поставили вне федерации. Конгресс заявил, что двери федерации всегда остаются открытыми для всех профсоюзных организаций, желающих в ней сотрудничать. Под гром оваций конгресс принял Манифест, в котором призывает трудящихся, объединенных в профсоюзы, бороться за свои демократические права, за повышение своего жизненного уровня, за прочный и длительный мир, являющийся основой благополучия простых людей.

А на следующий день после закрытия конгресса мы были свидетелями мощной манифестации трудящихся Милана и окрестных провинций, устроенной в честь конгресса. Более часа перед трибуной, сооруженной возле Палаццо дель Арте, на которой стояли члены вновь избранного исполкома ВФП и делегаты конгресса, шли колонны заводов, фабрик, батрацких организаций, делегации городов и деревень соседних провинций. Они шли, распевая боевые рабочие и партизанские песни, шли, аплодируя делегатам, шумно и радостно выражая свою солидарность с решениями конгресса.

Эта мощная демонстрация рабочих Италии была лишним свидетельством того, что трудящиеся всего мира приняли, приветствуют и готовы проводить в жизнь решения конгресса — боевую программу сплочения сил миллионов трудящихся в борьбе за мир, демократию и социализм.

ГОЛЛИВУД СЕГОДНЯ

И. ЛАПИЦКИЙ

На протяжении всего прошлого года Голливуд сильно лихорадило. Американская кинопромышленность испытывала серьезные экономические затруднения, достигшие к концу года большой остроты. Паника охватила тогда Голливуд.

Прошлым летом закрылась студия «Юниверсал», несколько позднее, уже в третий раз за последние годы, прекратила деятельность компания «Игл-Лайон». Крупнейшие киностудии «Уорнер бразерс» выбросили на улицу около тысячи своих работников. Массовые увольнения шли и на предприятиях других кинокомпаний. Затихла жизнь в Калвер Сити, Бербенксе, Юниверсэл Сити, Студио Сити, где расположено большинство киностудий. Потускнели фешенебельные районы Голливуда.

Американская печать пестрела тревожными заголовками: «Самое тяжелое рождество в истории Голливуда», «Величайший кризис киноиндустрии».

Появились сообщения о падении числа кинозрителей в США на 15 процентов. Это вызывало тем бо́льшую тревогу у кинодельцов, что и за границей миллионы людей отвернулись от голливудской продукции.

Доходы киномонополий стали снижаться. Кинофабриканты начали принимать «экстренные меры»: резко сокращать расходы, еще больше сжимать сроки съемок. Был даже сокращен размер самих фильмов в среднем на семь минут демонстрационного времени, на чем фабриканты надеялись сэкономить 20 миллионов долларов.

Безработица, и до того процветавшая среди работников промышленности, приняла огромные размеры. Профсоюз киноактеров «Скрин экторс гилд», объединяющий 8 тысяч членов, сообщил, что только 400 актеров имеют постоянные контракты.

По данным профсоюзных организаций, без работы осталось 64 процента всех голливудских сценаристов, 48 процентов режиссеров, 71 процент артистов.

Недавно компания «РКО» выбросила на рынок 150 готовых сценариев для распродажи другим студиям, но на них не нашлось покупателей. Да и кому нужны эти штампованные сценарии, которых любая американская кинокомпания успела наготовить про запас на много лет вперед. Достаточно сказать, что одна лишь «Метро-Голдуин-Майер» имеет на своих полках 243 романа и рассказа, «законтрактованных» ею для инсценировки, не считая 135 готовых пьес и сценариев...

Когда безработица приняла массовый характер, началось бегство киноработников из Голливуда. Жилые дома спешно сдавались в аренду, а чаще всего заколачивались. В поисках заработка киноработники уезжали в Сан-Франциско, Нью-Йорк, Чикаго, Филадельфию, Питсбург. Но и там работы не было...

НЕФТЬ И КИНО

Банкиры Уолл-стрита, стальные, автомобильные и прочие короли Америки в течение многих лет проявляют повышенный интерес к Голливуду. Нити от крупнейших киноконцернов всегда вели к домам Моргана, Рокфеллера, Меллона, Дюпона. Еще в 30-х годах в правление крупнейшей кинофирмы «XX век—Фокс» входили председатель «Чейз нейшенел банк», президент мощного электрического концерна «Ютилитис, пауэр энд лайт корпорейшен», зять миллиардера Меллона, директор железнодорожного концерна «Юнион пасифик рейлорд», миллиардер Вандербильт и другие заправилы с Уолл-стрита.

В последнее время в Голливуде стала орудовать группа нефтяных миллионеров. Недавно здесь обосновался крупный нефтепромышленник из штата Техас Глен Маккарти, владеющий, помимо нефтепромыслов, еще химическими и авиационными заводами, радиостанцией, газетами, скотоводческими фермами, гостиницами. Одновременно с Маккарти кинобизнесом занялись два других крупных промышленника из того же нефтяного штата, Фогельсон и Уратер.

Мультимиллионер Говард Хьюз, крупный авиационный и нефтяной промышленник, скупил недавно все киностудии компании «РКО», став таким образом одним из крупнейших кинофабрикантов Америки. Хьюз сразу же пустил в производство целую серию антикоммунистических, антисоветских картин, пропитанных звериной ненавистью ко всему прогрессивному, демократическому.

«Нефть и кинокартины, — писал недавно американский журнал «Нейшн», — не являются столь противоречивыми продуктами, как это может показаться на первый взгляд. И то и другое привлекает людей, жаждущих азартной и прибыльной игры...»

«Если вторжение представителей Техаса будет продолжаться нынешними темпами, — добавляет «Нейшн», — то Голливуд вполне может превратиться в пригород Хаустона» (крупнейший нефтяной центр штата Техас).

МРАКОБЕСЫ В ГОЛЛИВУДЕ

У входа в голливудский театр «Эль патио» можно было однажды наблюдать сверхобычное оживление. Подъезжали роскошные лимузины, из которых выходили элегантно одетые мужчины и женщины. У дверей они предъявляли именные пронумерованные билеты, тщательно прозерявшиеся охраной.

Когда вся эта отборная публика заполнила зал, в нем открылся митинг... местных фашистов. Главный оратор появился в маске и черном капюшоне. Аудитории его представили в качестве «видного голливудского актера, режиссера и администратора». В полуторачасовой погромной речи он требовал расправы со всеми демократически настроенными и прогрессивно мыслящими деятелями Голливуда. Тут же он зачитал несколько сот фамилий артистов и режиссеров, связанных с американской прогрессивной партией и другими демократическими организациями, которые он объявил «красными». Оратор требовал новой «чистки» Голливуда.

Затем на трибуну поднялся специально прибывший в Голливуд Джеральд Смит — главарь фашистской организации «Крестовый поход националистов». Карьера этого фашистского вожака примечательна. Известно, что с первых же лет своего существования гитлеровское правительство тратило немалые средства на создание в США, в частности в Голливуде, различных фашистских ячеек. Газета «П. М.» сообщала еще в 1945 году, что Джеральд Смит выезжал тогда в Калифорнию для создания фашистских обществ. Теперь, несколько лет спустя, в голливудском театре «Эль патио» Смит устроил «боевой смотр» своей фашистской гвардии.

Оглядываясь кругом, он мог видеть в зале людей, занимающих видное положение в Национальной ассоциации промышленников и Американской торговой палате, людей с солидными банковскими счетами, представителей крупных кинокомпаний, реакционных режиссеров и артистов, пресмыкающихся перед «комиссией по расследованию антиамериканской деятельности» и помогающих травить своих прогрессивных коллег.

Речь Смита была выдержана в фашистском духе. Он настаивал на «новой инквизиции», на передаче Голливуда под полный контроль комиссии Томаса—Мундта и Федерального бюро расследований (ФБР — американская разведка).

На протяжении многих лет такие мракобесы, как Дайс и Вуд, Рэнкин и Томас, вели отчаянную борьбу со всеми прогрессивными элементами Голливуда. Комиссии помогали агенты ФБР и местные реакционеры и фашисты. Не последнюю роль играл в этом деле и король желтой прессы Херст, пользующийся и поныне большим влиянием в Голливуде.

Журнал «Ридерс дайджест» недавно назвал ближайшего друга Херста кинопромышленника Луиса Майера «некоронованным королем Голливуда». Этот главный администратор самого богатого американского киноконцерна «Метро-Голдуин-Майер» специализировался на постановке наиболее реакционных, в том числе и антисоветских картин. Значительной частью акций концерна владеет сам Херст. Майер — старый приятель одного из идеологов американской реакции — бывшего президента Герберта Гувера.

Майер возглавил борьбу против профсоюзов в Голливуде и во всем штате Калифорния. Во время выборов в конгресс он затратил большие средства на поддержку самых реакционных кандидатов, вместе с которыми он орудует ныне в штате Калифорния и за его пределами.

ЧТО СТАВИТ ГОЛЛИВУД

За последнее время в Голливуде заметно увеличилось число картин, пропагандирующих войну, разжигающих неприязнь к Советскому Союзу и к странам народной демократии. Многие из картин прославляют агентов американской разведки и одновременно обливают грязью прогрессивных людей США. После многочисленных отсрочек, вызванных отказом ряда актеров играть в одной картине, содержащей клевету на прогрессивно мыслящих американцев, упомянутый выше миллионер Говард Хьюз приступил к постановке этой картины в своих студиях «РКО».

По срочному заказу «заинтересованных кругов» два голливудских борзописца, А. Демонд и Дж. Герахи, за семь дней состряпали сценарий-пасквиль против прогрессивных американцев. Кинокомпания «Рипаблик» в столь же спешном порядке приступила к экранизации этой стряпни под названием «Красная опасность».

Насквозь фальшивые, пронизанные ненавистью к миру социализма, антисоветские картины вызывают возмущение массового американского кинозрителя и, как правило, кончаются политическим и финансовым провалом. Так было с картиной реакционного продюсера Занука «Железный занавес». Щедро финансировавшаяся реклама этой антисоветской фальшивки не смогла спасти ее от позорного краха.

После такого финала некоторые кинокомпании, опасаясь больших убытков и под давлением общественности, отказались было от постановки подобных фильмов. Компания «Колумбия» отменила постановку картины, направленной против прогрессивных людей Америки. Стоит отметить, что сценарий для этого фильма был написан другом реакционного издателя Генри Люса, Макпартлендом, совместно с назначенным для этой цели «консультантом» из американской разведки. Еще раньше продюсер Джон Сатерленд отказался от постановки подобной картины. Сатерленд был вынужден признать «непопулярность» подобных фильмов среди зрителей.

Однако реакционеры, орудующие в кино, не унимаются. Со складов вытаскивается заплесневевшая клеветническая киностряпня давно минувших дней. В течение последних двух лет на экранах США то и дело появляется поставленная 34 года тому назад картина «Рождение нации», дающая расистскую версию американской истории. В свое время, в 1915 году, когда картина впервые появилась на экранах, автор книги, на основе которой она ставилась, Томас Диксон откровенно заявил, что цель фильма — вызвать у белых людей отвращение к неграм.

Картина возмутила тогда всех демократически мыслящих людей. Ее характеризовали как «три километра грязи», как «проституцию в области киноискусства».

Сейчас у зданий кинотеатров, где демонстрируется эта фашистская картина, прогрессивная партия Америки выставляет свои пикеты. В марте нынешнего года картину «Рождение нации» пытались показать в колледже имени Рузвельта в Чикаго. Прогрессивно настроенная молодежь организовала бурную демонстрацию протеста.

О современном репертуаре Голливуда можно получить представление, пройдясь по тем улицам Нью-Йорка, где особенно много кинотеатров. Вот, например, небольшой квартал на 42-й улице между Бродвеем и 8-й

Авеню. Яркие огни кинореклам пестрят такими названиями: «Приятный убийца», «Криминальный патруль», «Убийство на берегу», «Поезд-тюрьма», «Труп прибыл с пометкой: «Оплата при доставке», «Путешествие в страх»... Таков был репертуар ньюйоркских кинотеатров в течение всего 1948 года.

А вот перечень кинокартин, взятый из репертуара за март нынешнего года:

«Целующий бандит», «Сумасшедший дом», «Дневник врача-криминолога», «Свадьба во тьме», «Кто убил Доу Робика?», «Невеста мести», «Дикая женщина в плену», «Пленница-блондинка» и т. д. и т. п. Такими картинами империалисты пытаются одурманить молодежь США и тех стран, где они хозяйничают, как у себя дома...

Компания «РКО», год тому назад отказавшаяся ставить картину о негритянском ученом Карвере, ухватилась за идею создания фильма, восхваляющего автомобильного короля Генри Форда. «Метро-Голдуин-Майер» решила экранизировать «мемуары» генерала Эйзенхауэра, фальсифицирующие историю второй мировой войны и бессовестно клевещущие на Советский Союз. Недавно Голдуин вел переговоры с представителями семьи Рокфеллеров о постановке «сверхбоевика»— картины, воспевающей династию этих королей нефти.

О нравах, безраздельно господствующих в Голливуде, можно судить по такому штриху. Компания «Парамоунт», изуродовав до неузнаваемости «Американскую трагедию» Драйзера, состряпала сценарий, на основе которого изготовляется музыкальная пустышка с участием «звезды» Бинг Кросби.

Многие картины ставятся, так сказать, «на злобу дня». Не успел конгресс США принять законопроект, дающий крупным домовладельцам возможность снова взвинтить квартирную плату, как на экранах Нью-Йорка в конце марта этого года появился фильм под названием «Поцелуй в темноте» (постановка «Уорнер бразерс»). Название, казалось бы, ничего общего не имеет ни с квартирной платой, ни с обогащением домовладельцев. Но картина изображает добродушного крупного домовладельца, разорившегося в результате того, что он... слишком увлекся оказанием помощи своим жильцам и проявлял трогательную заботу об их нуждах.

Из сказанного ясно, чьим интересам служит идеология заправил Голливуда. Следует добавить, что кинопродукция строго контролируется сложной системой негласной цензуры. Местная киноцензура существует почти во всех штатах. Кроме того главные цензорские функции выполняет возглавляемая Эриком Джонстоном (бывшим председателем Американской торговой палаты) «Ассоциация кинематографии Америки».

Вот несколько примеров того, как действует эта цензура. Когда ставилась картина «Смертельный конец», из конторы Джонстона в киностудию поступило такое письмо:

«При проведении всей съемки по этому сценарию мы хотели бы рекомендовать вам делать меньший упор на показе контрастов между условиями жизни бедняков в перенаселенных квартирах и богатых домах. В частности, рекомендуем вам вообще не показывать или, во всяком случае, не подчеркивать наличие грязи, вонючих мусорных ящиков...»

Так жизнь трудящихся в голливудских фильмах подается через кривое зеркало цензуры, установленной Уолл-стритом.

В голливудских картинах, в частности, строго запрещается изображать в неблагоприятном свете судебные органы, хотя продажность этих органов в США общеизвестна. Вот одно из многочисленных писем ведомства Джонстона, адресованное постановщику картины:

«Предлагаем закончить сцену в суде решительным осуждением со стороны суда. Прочитав сценарий, мы считаем, что такое осуждение совершенно необходимо. Предлагаем также включить материал, который показал бы, что Б. сознает свои пороки, осуждает их и полностью перерождается».

Реакционный характер голливудской цензуры сказывается на каждом шагу. Строго запрещается изображать сцены расправы полиции с рабочими; негры должны непременно показываться забитыми, отсталыми, пресмыкающимися перед белыми господами; реакционные церковные круги не могут изображаться в отрицательном свете. В этой связи произошел любопытный инцидент. Когда ставилась картина «Три мушкетера» и речь зашла о показе Ришелье, пришлось по требованию цензуры удалить... всякие упоминания о том, что Ришелье — кардинал.

ПРОГРЕССИВНЫЕ ЛЮДИ В ГОЛЛИВУДЕ

Работники кино, не согласные с агрессивной политикой реакционной верхушки США, восстающие против пропаганды войны, против клеветы на Советский Союз и страны народной демократии, отстаивающие прогрессивные взгляды в искусстве, подвергаются в Голливуде жестоким преследованиям. Их объявляют «подрывными элементами», увольняют, включают в «черные списки», привлекают к суду за «неуважение» к мракобесам из «комиссии по расследованию антиамериканской деятельности», налагают на них штрафы, бросают в тюрьмы.

Но, несмотря на все репрессии, прогрессивное движение крепнет в штате Калифорния, как и во всей Америке. Группа режиссеров и сценаристов, приговоренная к тюремному заключению формально за «неуважение» к упомянутой комиссии Томаса, а фактически за свое прогрессивное творчество, продолжает вести мужественную борьбу.

Выступая от имени этой группы на недавнем Конгрессе деятелей науки и культуры США в защиту мира, известный сценарист Джон Говард Лоусон предупреждал об опасности, которую представляет продукция Голливуда для дела мира и демократии. Он с горечью говорил о том, что и американское кино используется как орудие подготовки новой войны.

— Когда нас вызвали в Вашингтон для расследования и суда, — рассказывает Лоусон, — мы с гордостью шли по стопам писателя Говарда Фаста и многих других. Мы предупреждали тогда, что попытка заставить нас замолчать, попытка бросить нас в тюрьму знаменует собой новый этап в подготовке к войне, характеризующийся усиленным выступлением против основных прав — права мыслить и говорить, общаться и организовываться. Наше предсказание зловеще сбылось. Всевозможные «расследования», судебные процессы, проверки лойяльности подрывают основы конституции и билля (закона) о правах... Во всех областях наступление ведется против людей, чья преданность искусству и правде проявляется наиболее явно, чью совесть нельзя купить, чьи голоса нельзя заставить замолчать... Речь идет о гибельных мероприятиях, имеющих целью полное уничтожение свободы союзов и собраний, превращение всей страны в лагерь для подготовки агрессивной войны.

Однако,— заявил Лоусон,— создание фильмов, пропагандирующих войну, неизбежно сопровождающихся проповедью шовинизма и расизма, наталкивается на все более растущее сопротивление творческих работников кино и кинозрителей, бойкотирующих подобные картины.

О себе и своих товарищах, преследуемых за прогрессивные взгляды, Лоусон сказал:

— Мы гордимся тем, что нам суждено выступать защитниками любимого нами искусства. В борьбе за свободную американскую культуру мы чувствуем поддержку многих и многих людей во всем мире.

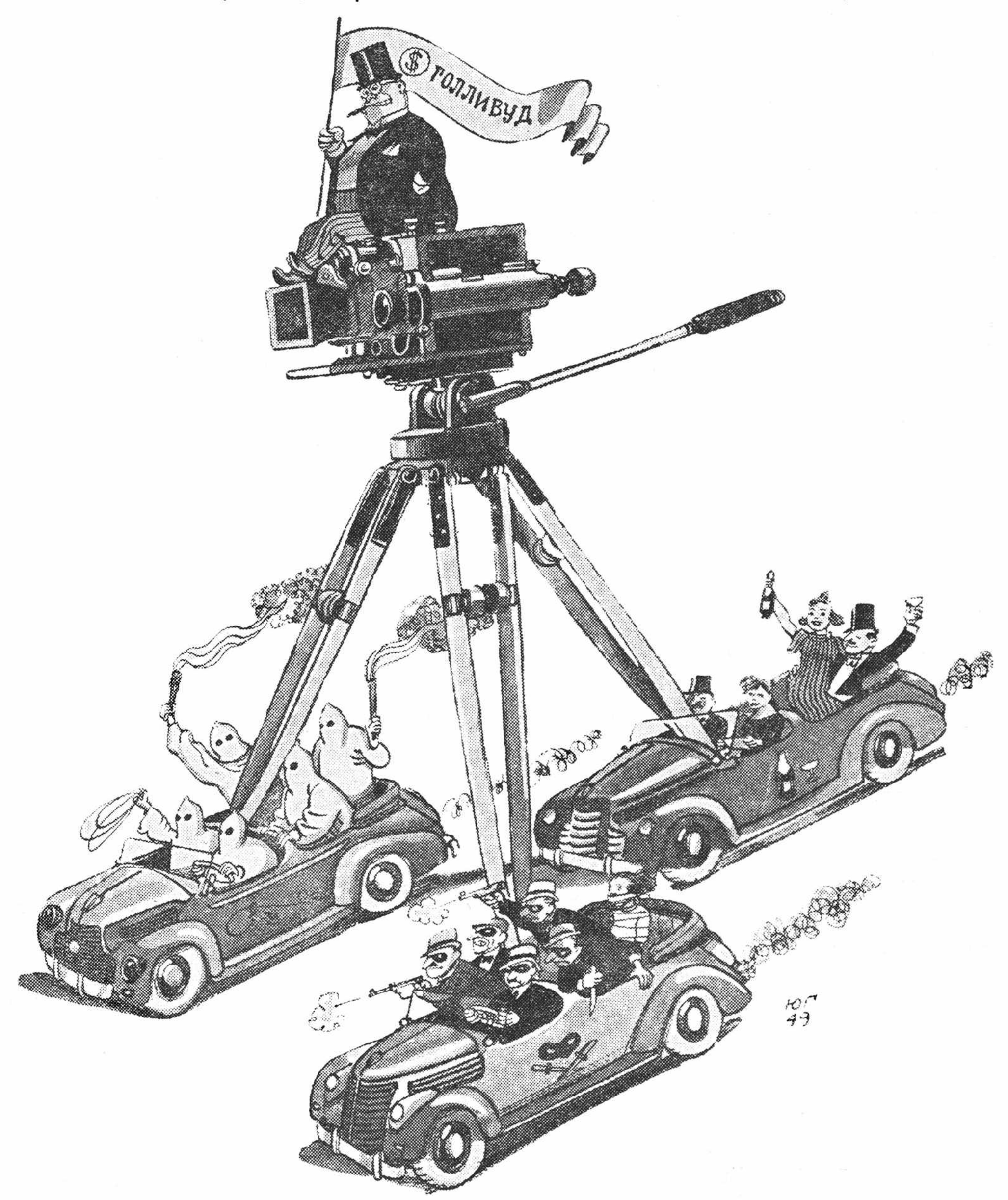


Рисунок Ю. Ганфа.

Из книги «Слово о завтрашнем дне»

Евг. ДОЛМАТОВСКИЙ

ВОЛШЕБНИК ИЗ ТВОЕЙ СКАЗКИ

Пряные запахи трав целебных
Голову вскружат, только войди.
В хате над книгой сидит волшебник
С орденской ленточкой на груди.
Пишет законы в «общей» тетради,
Облокотясь на дубовый стол.
Что-то калининское во взгляде
У стариков из колхозных сёл.
Из-под очков в железной оправе
Он на тебя поглядит тайком,
И, ничему возражать не вправе,
Сразу ты станешь учеником.
Сколько морщин на тяжелых веках!
Но негасимо глаза горят.
Это упрямая юность века
Ищет в дичках свой грядущий сад.
Вот он рассматривает в микроскопы
Горсточку милой своей земли,
Той, по которой наши окопы
Дважды за эту войну прошли.
...Его сыновья домой не вернулись.
Не потому ли волшебник строг!..
В окна несется с зеленых улиц
Автомобильный сухой дымок.
Готовые к жатве и обмолоту
Стоят колосья невдалеке,
Словно зенитные пулеметы —
По шесть стволов на одном колоске.

НАДПИСЬ НА АРКЕ

Это было в тридцать девятом —
Перевертывал век страницы.
Я прочел и запомнил свято:
«Коммунизм сметет все границы».
Деревянная арка стройно
Путь венчала за Негорелым.
Эта надпись в гирлянде хвойной
Стольким людям сердца согрела!

Эта арка у края леса —
Моего государства юность.
Это здесь, у окна экспресса,
Маяковский стоял, волнуясь.
Бесконечна терпенья мера.
Пограничники не забыли,
Как убитого дипкурьера
Здесь товарищи провозили.

Братья к братьям пошли отсюда
В знаменитом тридцать девятом.
Как я счастлив, что был и буду
Полномочным твоим солдатом.
Наша родина!
Светом ярким
Ты пути освещаешь другу...
В Негорелом осталась арка,
А граница пошла по Бугу.

Пограничною полосою
Опоясан Союз Советов.
Тихий вечер звенит росою,
На заставах не гасят света.
Ты становишься, край наш отчий,
Коммунизма весенним садом.
Мы в заботах страды рабочей,
И чужой нам земли не надо.

Дышат миром и вдохновеньем
Наши песни, труды и думы.
Почему же в таком волненьи
Конгрессмены и толстосумы!
И, взбесившийся в небоскребе,
Рвется наземь самоубийца,
Повторяя в бессильной злобе:
«Коммунизм сметет все границы».

Что ж! Дрожите в предсмертной дрожи!
Даже детям теперь понятно:
Ход истории непреложен,
Нет путей у нее обратных.
Вам разжечь не удастся войны!
Мы вписали в веков страницы
Надпись ясную с арки хвойной:
«Коммунизм сметет все границы!»

ПЛАНОВИК

От Москвы в далеком далеке,
В чизкорослом добром городке
Просто чудом после ста атак
Сохранился белый особняк.
На фасаде со следами ран
Золотая вывеска:
Горплан.
Радио замолкло.
Дремлет снег.
Бодрствует в Горплане человек.
Раскрывает толстые тома,
Где на кальке парки и дома,
И машины счетной рычажки
Чувствуют тепло его руки.
Столбиками числа, как стихи,
Только без словесной шелухи.
Карандаш за числами идет,
Устремлен, как мысль его, вперед.
Цифрами уже коснулся он
Тех коммунистических времен,
За которые — не первый год —
Будничный упорный бой ведет.
Знает плановик, что дело в том,
Как смотреть на строящийся дом:
Выложен пока лишь край стены, —
Он руиной кажется иным,
Но для много повидавших нас
Он красив и мил уже сейчас.
Не на первый год дают плоды
Садоводов мудрые труды.
...На рассвете он спешит домой
Улицей Дзержинского прямой.
Скрылась за постройками луна...

Открывает дверь ему жена:
— Просто может нервов нехватить
Ждать тебя и кофе кипятить!

— Не сердись, родная, на меня,
Я пришел из завтрашнего дня!

ЗАРУБЕЖНЫЕ ГОСТИ

В колхозном саду музыканты
Два гимна играют подряд.
Приехали к нам экскурсанты,
Вон там, возле школы стоят:
Старик в старомодном кафтане
И шляпе с фазаньим пером,
И женщина в сарафане,
Расшитом осенним цветком,
И рослые парни в жилетах
И в лаковых трубках сапог.

Невкусный дымок сигареток
Напомнил мне годы тревог.

...Они из державы соседней,
Где новая жизнь началась,
Где после мучений столетних —
Сегодня народная власть.

На собственном автомобиле
Гостей председатель повез
Туда, где, как белые крылья,
Раскинул строенья колхоз.
Молочная ферма. Амбары.
Конюшни. А там — гаражи.
Всё это давалось недаром,
О трудном пути расскажи!

Всего не расскажешь! Куда там!
Бедняцкая эта артель
Затеялась в двадцать девятом,—
Смотрите, что стало теперь!
Как всюду в Советском Союзе,
Турбину вращает вода,
Читальня и радиоузел,
И в поле бегут провода,
Спеша меж долин и загорий
В колхозный степной санаторий.

Бескрайные волны пшеницы,
От яблок ломящийся сад.
Приезжие из-за границы
На русское чудо глядят:
— Да, есть здесь чему поучиться,
Чему позавидовать, брат!

А вечером песни и танцы
У Дома культуры в саду,
И пляшут в кругу иностранцы,
Теряя платки на ходу.
Дымится расставленный ужин,
Шумит заграничный старик,
И нам переводчик не нужен:
Так сердца понятен язык.
И место для песни веселой
На встрече гостей дорогих.

Мы стали грядущего школой,
Мы стали примером для них!

ОБРАЩЕНИЕ К УЧЕНОМУ

Я уверен в том, что наши деть
Мир увидят в золотом расцвете.
Для того мы жизни отдавали,
Строили, боролись, воевали.
Но один момент весьма неясен.
С ним я совершенно несогласен,
Только вспомнишь — он приводит в ярость:
Неужели нас постигнет старость!
Дети окружат нас тишиною,
Будем мы сидеть в саду весною,
Слушать птиц...
Какие будут птицы!
Те же соловьи, дрозды, синицы.
Мне сказал восторженный ученый,
Поисками жизни увлеченный:
Воздух будет чист при Коммунизме
И полезен для продленья жизни —
Самый лучший воздух для покоя...
А покой, скажите, что такое!
Коммунисты знают жизни свойство —
Вечную борьбу и беспокойство.
Я прошу тебя, мой друг ученый,
В тайны будущего посвященный,
Ты изобрети такое средство,
Чтобы не старело наше сердце,
Чтобы дряхлости не знало тело,
Чтобы вечно молодость кипела.
Смелый труд кончается победой —
Мучайся, ищи, твори, исследуй,
Это долг твой перед всей вселенной,
Перед нами, честными людьми.
Это надо сделать непременно,
Это надо сделать, чорт возьми!

КОММУНИСТЫ

Коммунизма счастливые дали
В наших днях проступают сейчас.
Пусть в душе, и в бетоне, и стали
Навсегда сохранится рассказ,
Почему коммунистами звали
Непреклонных и яростных нас.
В девятнадцатом бурном столетьи
Начертал это звание тот,
Кто на кладбище в древнем Хайгете
Пробужденья Англии ждет.
А за ним, самой трудной дорогой,
Как дитя прижимая к груди,
Пронесли по сибирским сугробам
Это звание наши вожди.
В нашем времени, светлом и грозном,
Первым вышел советский народ —
Первой Конной и первым колхозом,
Пятилеткою первой — вперёд!
Пионером, потом комсомольцем,
Как мечтал я о гордой судьбе:
Коммунистом лишь тот назовется,
Кто всего себя отдал борьбе.
Хватит воли! Сумею! Смогу ли
Все осилить и все превозмочь!
Коммунист,— значит, первым под пули
И последним из пламени прочь.
Принимали меня накануне
Испытаний любимой земли —
В сорок первом, в том самом июне,
С Красной Пресни на фронт мы пошли.
Не считали, вернувшись, раненья
И награды. Наш век не такой.
На грядущее строже равненье!
Революция — вот наш покой!
Коммунисты всегда наготове,
И не ищут для правды прикрас.
Не песчинкою — каплею крови
В мирозданьи стал каждый из нас.
И недаром нас так ненавидят
Те, кто сгинет с земли без следа;
В нас недаром судьбу свою видят
Люди правды, добра и труда.
Да, мы Ленина — Сталина племя,
Да, мы завтрашних всходов зерно,
И недаром грядущее время
В нашем имени заключено!

СЕКРЕТЫ СТЕКЛА

А. ДОРОХОВ

Фото О. Кнорринга

Неправо о вещах те думают, Шувалов,
Которые стекло чтут ниже минералов,
Приманчивым лучом блистающих в глаза.
Не меньше польза в нем, не меньше в нем краса.

М. В. Ломоносов

Знакомство едва не началось с неприятности. Положив перед собой блокнот, я хотел слегка отодвинуть массивный письменный прибор из темного камня. Но усилие оказалось чрезмерным. От легкого нажима прибор скользнул к краю стола и едва не свалился на пол.

Мой собеседник улыбнулся:

— Вы приняли его за мраморный? Вы ошиблись: это стекло. Но оно легче пробки. Это—пеностекло.

На окне стоял большой сосуд с водой, на поверхности которой плавали два белых кубика.

— Видите? Оно не тонет. Оно плавает уже два года. А пробка за это время давно бы уже намокла и погрузилась на дно.

Так завязался разговор, в ходе которого я стал свидетелем не менее удивительных опытов, совершенно изменивших мое представление о свойствах стекла.

Мне показали стакан. Обыкновенный прозрачный стакан. Его опустили в ледяную воду. А затем принесли кипящий чайник.

Мне вспомнилось, сколько посуды я погубил, неосторожно наливая чай в стакан, только что вымытый холодной водой.

Но тут стакан даже не треснул, хотя вокруг него была ледяная вода, а внутри кипяток.

— В этом нет ничего таинственного, — заметил мой собеседник. — Конечно, стакан из обычного стекла давно бы лопнул. Это произошло бы от неравномерного расширения стекла. Но достаточно изменить состав входящих в него веществ: уменьшить количество соды и добавить новую примесь — борную кислоту,— как обычное стекло приобретает иные свойства. У многих москвичей уже есть сковородки и кастрюли из такого стекла. В них можно готовить пищу на любом огне. Несомненно, очень скоро стеклянная посуда совершенно вытеснит металлическую. Она более гигиенична, не окисляется, как медная, не трескается, как эмалированная, и легко моется. К тому же она прочнее всякой другой.

Повидимому, в моих глазах промелькнуло недоверие.

— Вы сомневаетесь, что хрупкое стекло может стать прочным? Смотрите!

На пол положили большой лист зеркального стекла. Лист не был особенно толстым: его толщина не превышала полутора сантиметров.

Мой собеседник взял чугунную гирю и с силой бросил ее на лист. Я невольно отшатнулся. Но пятикилограммовая гиря отскочила от листа, как от стальной плиты. Стекло осталось совершенно целым, без малейшей царапины.

— Это стекло подверглось специальной закалке. Теперь оно упруго и гибко.

Лист положили краями на два стула, и мне предложили встать на этот прозрачный мостик. Стекло слегка прогнулось, как стальная рессора но не сломалось.

Пора, однако, сказать, где я увидел все эти необыкновенные вещи и кто был моим собеседником. Разговор происходил в лаборатории кафедры технологии стекла Московского химико-технологического института имени Д. И. Менделеева. Меня знакомил с последними работами лаборатории ее многолетний руководитель, лауреат Сталинской премии, доктор технических наук, профессор И. И. Китайгородский.



Вес пеностекла невелик. Лаборантка легко держит два куска этого нового строительного материала, хотя обычное стекло такого же объема она не смогла бы поднять.

Вся научная деятельность этого ученого-новатора и его учеников посвящена созданию и освоению новых видов стекла. Их разносторонние исследования дали советской стекольной промышленности твердую научную основу и помогли во многих областях обогнать зарубежную технику.

— Первое, что мы видим, просыпаясь, — с увлечением говорит профессор, — это — стекло. Мы либо бросаем взгляд в окно — не пора ли вставать? — либо смотрим на часы. И последнее, что мы видим, ложась спать, это стеклянная лампа, которую мы гасим. Со стеклом связана вся наша жизнь, и овладение его тайнами имеет громадное значение.

История стекла уходит в глубокую древность. Его открытие приписывается финикийским купцам, торговавшим селитрой. Предание гласит, что, укрывшись в пустынной бухте от бури, купцы развели костер на песке, который оказался необычайно мелким и чистым. У костра лежали мешки с селитрой. Наутро, собираясь в путь, купцы заметили в остывшей золе прозрачные кусочки, напоминавшие алмазы. Это было стекло, получившееся от сплава рассыпанной селитры с песком.

Четыре тысячи лет назад стекло считалось драгоценностью. И в Египте и в Риме стеклянные бокалы стоили дороже кубков из золота. Поэтому секрет изготовления стекла долго хранился в строжайшей тайне.

Еще двести лет назад в Венеции был в силе закон о стекольных мастерах. Закон гласил:

«Если какой-нибудь рабочий или мастер перенесет свое искусство из Венеции в другое место... ему будет послан приказ вернуться. Если он будет упорствовать в желании остаться на чужбине, за ним будет отправлен человек, которому будет поручено убить его».

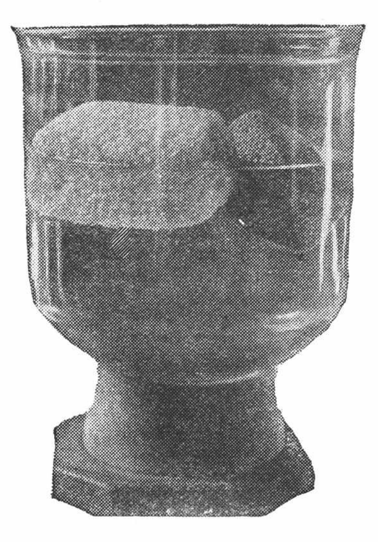
Но уже тогда в России были талантливые изобретатели, которые не только самостоятельно открыли тайну стекла, но и улучшили его.

Первым из них был гениальный русский ученый Михаил Васильевич Ломоносов. Он сам изготовлял стеклянную посуду для своих химических опытов, оптические линзы и призмы.

Ломоносов открыл секрет производства цветного стекла. Больше двух тысяч раз пришлось ему варить стекло, добиваясь окраски его во все цвета и оттенки. После пяти лет упорного труда Михаил Васильевич разрешил эту задачу. Его великолепная многокрасочная картина, составленная из тысяч кусочков цветного стекла,— «Полтавская баталия» — сохранила свою свежесть и яркость до наших дней. Она украшает вестибюль одного из зданий Академии наук СССР в Ленинграде.

Ломоносов ценил стекло выше алмаза. Он предвидел, какую большую роль сыграет оно в развитии человеческой культуры, и своим примером как бы завещал русским ученым бороться за освоение отечественного производства любого стекла.

Предвидение Ломоносова оправдалось. С каждым годом стекло приобретает все большее значение в быту, науке, технике. И с каждым годом все полнее раскрываются те поистине неисчерпаемые возможности, которые заложены в этом материале.



Пеностекло не тонет в воде.

Советские ученые опередили зарубежную науку о стекле и капиталистическую стекольную промышленность. Они создали новые прекрасные виды стекла, внедрили в его производство новые, передовые методы.

Пять лет назад в Шеффильде состоялось очередное собрание английского общества стекольной технологии. На первом заседании с речью выступил председатель общества профессор Муур. Он говорил о необходимости развития научных исследований по стеклу. В заключение он сказал:

— С горечью должен я напомнить, что сделанные за последние двадцать пять лет в стекольной технологии замечательные открытия осуществлены вне Англии...

Муур намекал на многие работы советских исследователей, но, повидимому, «рассеянность» ученого помешала ему прямо об этом сказать. Между тем Муур имел в виду открытие профессором Китайгородским секрета селенового рубина и создание им же бессвинцового электростекла и пеностекла.

Что такое селеновый рубин?

Вы едете в поезде и, выглянув ночью в окно, издалека видите яркую красную точку сигнального огня. Это светофор автоблокировки. Машинист различает его за пять—шесть километров.

Для того, чтобы сигнализация была надежной, стекла должны пропускать только красные лучи, без малейшей примеси других оттенков спектра, иначе на большом расстоянии красный сигнал может показаться машинисту желтым. Такие стекла называются селеновым рубином.

Производство селенового рубина чрезвычайно сложно. Он получается лишь при определенном сочетании специальных составов, красителей и режима варки.

Производство селенового рубина и других цветных стекол освоено на нескольких советских стекольных заводах. Весь железнодорожный и городской транспорт в СССР обеспечен цветными линзами отечественного изготовления. Ярко горят в ночном небе Москвы алые звезды Кремля. Их огромные селеновые рубины сделаны на наших заводах.

Не менее сложна и технология производства различнейших стекол для электро- и радиоламп. Попробуйте прикоснуться раскаленной проволокой к обычному тонкому стеклу. Тотчас от места прикосновения во все стороны побегут трещины. А как же впаять в такое стекло металлический стерженек, который вы видите в электрической лампе?

Электро- и радиопромышленности нужно такое стекло, которое не боялось бы резких и сильных охлаждений, выдерживало бы нагрев до тысячи градусов и легко спаивалось бы с металлом.

Немецкие фирмы получали такое стекло, добавляя к шихте до двадцати четырех процентов свинца. Но свинец дорог и нужен для других важных целей.

В лаборатории профессора И. И. Китайгородского впервые в мире было получено бессвинцовое электростекло. Сперва немецкие стеклоделы недоверчиво заявляли: «Этого не может быть!» Но вскоре советский метод был принят на американских заводах, а еще через несколько лет к нему была вынуждена перейти и немецкая промышленность.

Вернемся, однако же, к тому необыкновенному камню, с которого началась наша беседа. Созданием пеностекла наша наука обогатила технику новым, незаменимым строительным и изоляционным материалом.

Перед нами блок из твердого, пористого вещества. По объему это десять—двенадцать кирпичей. Профессор Китайгородский берет блок в руки и передает мне:

— Встречали ли вы такие легкие кирпичи? Из них мы скоро будем строить целые здания. Их стены будут вдвое тоньше обычных, но не станут от этого менее прочными. А тепло они будут сохранять значительно лучше кирпичных.

Сколько раз вы, наверное, сетовали на соседа, включившего радио как раз в тот момент, когда вы задремали! Если бы перегородка между комнатами была выложена из пеностекла, до вас не донеслось бы ни звука.

Когда появилось пеностекло, в промышленную технику вошел новый термин — «крысоустойчивость». Все теплоизоляционные материалы, которыми облицовываются склады и холодильники: пробка, торф и другие,— непрочны. Борьба с проникающими в хранилище крысами приносит много хлопот. Но ни одной крысе не прогрызть плитки из пеностекла!

Мы уже говорили, что пеностекло плавает в воде, как пробка, но не намокает. Оно станет незаменимым материалом для спасательных поясов, морских шлюпок и буев. Пеностекло облегчит труд кочегаров. Возле облицованных пеностеклом котлов не будет ни духоты, ни жара.

Обработка пеностекла чрезвычайно проста. Ему можно придавать при отливке любую форму. Можно и пилить, как дерево. Массовое производство пеностекла приведет к более широкому использованию дешевых нерудных ископаемых, запасы которых безграничны.

История пеностекла весьма поучительна. Ученый поставил вопрос: как сделать стекло более легким? А если ввести в него газ и добиться, чтобы тот, оставшись в стекле, придал ему пористость?

Творческая мысль ученого, естественно, переходит к поискам практического, производственного осуществления идеи. Надо внести в состав шихты вещество, которое выделяло бы газ именно в тот момент, когда молекулы стекла спекаются. Тогда это вещество сыграет роль дрожжей в тесте и создаст легкое, пористое стекло.

Коллектив сотрудников лаборатории ставит сотни опытов. Одно вещество заменяется другим, варьируется режим спекания, меняется состав шихты.

И наконец решение найдено! Углекислый кальций переходит в газообразное состояние при восьмистах градусах — именно тогда, когда расплавленный стекольный порошок может удержать его в себе. Готовое стекло имеет вид застывшей пены.

Крупнейшие американские фирмы быстро оценили достоинства нового материала. Через три года после опубликования в советской научной литературе метода получения пеностекла американская фирма Корнинг заполнила обложки технических журналов широковещательной рекламой «блоков из стекла». И как всегда, заимствуя советское открытие, американцы игнорируют его автора.

Трудно даже перечислить все удивительные сорта стекла, которые созданы советскими учеными за последние годы.

Профессор показывает на плотные узорчатые портьеры, украшающие окна его кабинета:

— Эти портьеры сделаны из стекла. Нить из кварцевого стекла в пять раз тоньше паутины. Но сплетенный из таких нитей канат, толщиной в палец, оказывается крепче стального. Он выдерживает груз в несколько тонн. Ткань из стекла не менее красива и прочна, чем шелк, парча или атлас, но не боится ни огня, ни воды. В организации производства стеклянного волокна участвовали мои ученики, лауреаты Сталинской премии М. Черняк и М. Асланова...

Рядом, на стеллаже, образцы различных видов стекла.

Вот стекло, пропускающее ультрафиолетовые лучи. Сидя перед закрытым окном из такого стекла, можно загорать на солнце.

А вот это стекло не пропускает никаких лучей, кроме не видимых глазу инфракрасных. Аппаратом с объективом из такого стекла можно фотографировать в темноте.

Далее — чешуйчатое стекло, которое можно употреблять вместо слюды. Жаропрочное и химически стойкое стекло. И рядом красивое архитектурное стекло для облицовки зданий взамен штукатурки.

Во всех работах по созданию новых видов стекла советские ученые шли своим, самостоятельным путем, давая оригинальное решение проблем и опережая зарубежную науку и технику.

Так было, например, с освоением алюмомагнезиального стекла. Издавна стекло варили по одному и тому же рецепту из трех составных частей, смешивая песок, мел и соду или сульфат. Такой состав шихты дает большие кристаллы и приносит много брака.

В результате пятилетней работы профессор Китайгородский получил алюмомагнезиальное стекло не из трех, а из пяти составных частей. Такое стекло не кристаллизуется. В частности, ему можно придавать при отливке зеркальную поверхность без последующей шлифовки.

Достоинства стекла нового состава оказались настолько бесспорными, что после нас его стали варить во всем мире. И опять заговор молчания! Заводы изготовляют новое стекло, а научные журналы делают вид, что не знают, где оно изобретено.

Так же было и с разработанным профессором И. И. Китайгородским методом тонкослойной варки стекла, отмеченным Сталинской премией...

Нашей стране нужно стекло не только хорошего качества, но и в очень больших количествах. Достаточно вспомнить, сколько его в любом здании, чтобы понять, какое значение имеет этот материал в строительстве жилищ и промышленных сооружений.

Советские предприятия теперь варят стекло вдвое быстрее. Скорости, достигнутые советским инженером Чередниченко и его последователями, на пятьдесят процентов выше скоростей на лучших американских заводах. Наши стахановцы-стеклоделы, опираясь на исследования и помощь ученых, добились мировых рекордов.

Универсальный клей

Нам показывают удивительный экспонат: пирамидальный столбик из тонких пластинок. Блестят отшлифованные слои металла, сверкают стеклянные грани, тускло отсвечивает кожа, пластмасса кажется розовым мрамором, светлой желтизной отливает дерево.

— Попробуйте разорвать столбик, — предлагает наш собеседник, директор Научно-исследовательского института пластмасс профессор Г. С. Петров.

Вы напрягаете силы, но ничего не получается. Разнородные материалы будто срослись.

Как удалось это сделать? Еще до недавнего времени трудно было предположить, что дерево можно накрепко приклеить к металлу, стекло — к коже, ткань — к камню. Теперь эта проблема решена. В Институте пластмасс создан советский универсальный клей.

Многочисленные опыты показали, что он обладает замечательным свойством — прочно скреплять самые различные предметы. Так, свыше двух лет назад склеили две металлические пластинки. Верхнюю подвесили к крючку, а к нижней прикрепили гирю весом в 40 килограммов. До сих пор они не разъединились.

Две другие склеенные пластинки были выставлены во двор, чтобы выяснить влияние на них атмосферных условий. Оказалось, что ни снег, ни дождь, ни ветер, ни колебания температуры не разрушают клея. Он весьма прочен, гораздо прочнее американского.

Советский универсальный клей соединяет любые материалы, по крайней мере в два раза крепче, чем импортный. Это неопровержимо показали произведенные недавно сравнительные испытания на разрыв.



Но не только в этом преимущества советского препарата. Срок годности американского клея — полгода. Советский клей более «жизнеспособен». Налитый в сосуды два с половиной года назад, он еще не утратил своих свойств.

Установлено также, что его высокопрочную пленку не разъедают кислоты и щелочи. Дерево, пропитанное новым препаратом, становится долговечным и не поддается гниению.

Склеивать сравнительно просто. Для каждого изделия разработан свой рецепт. Допустим, что неосторожный курильщик прожег дыру в пиджаке. Заплату вставляют в отверстие так, чтобы ткань казалась сплошной, и приклеивают с помощью куска марли или ситца, который накладывают с изнанки пиджака.

Края отверстия, заплату и накладку смачивают водой так, чтобы они были слегка влажными. Затем с изнанки кисточкой дважды наносят тонкий слой клея. В дыру вставляют заплату, покрывают накладкой и несколько раз приглаживают горячим утюгом. Заплата не оторвется, если даже пиджак выстирать и прокипятить.

Несколько иначе соединяют куски стекла, фарфора. Края смазывают два—три раза клеем, затем предмет перевязывают и кладут на 20 минут в горячую духовку.

Перспективы применения универсального клея исключительно широки. Он уже получил признание на производстве.

Советское правительство высоко оценило труды директора института Г. С. Петрова и научных сотрудников: Г. Ш. Бродского, М. Б. Выгодской, Т. М. Луковенко, А. А. Пешехонова, А. С. Трахтера, А. С. Файнштейна. Им присуждена Сталинская премия.

Я. КОРШ

На снимке: склеенная ваза. Трудно найти следы склейки.

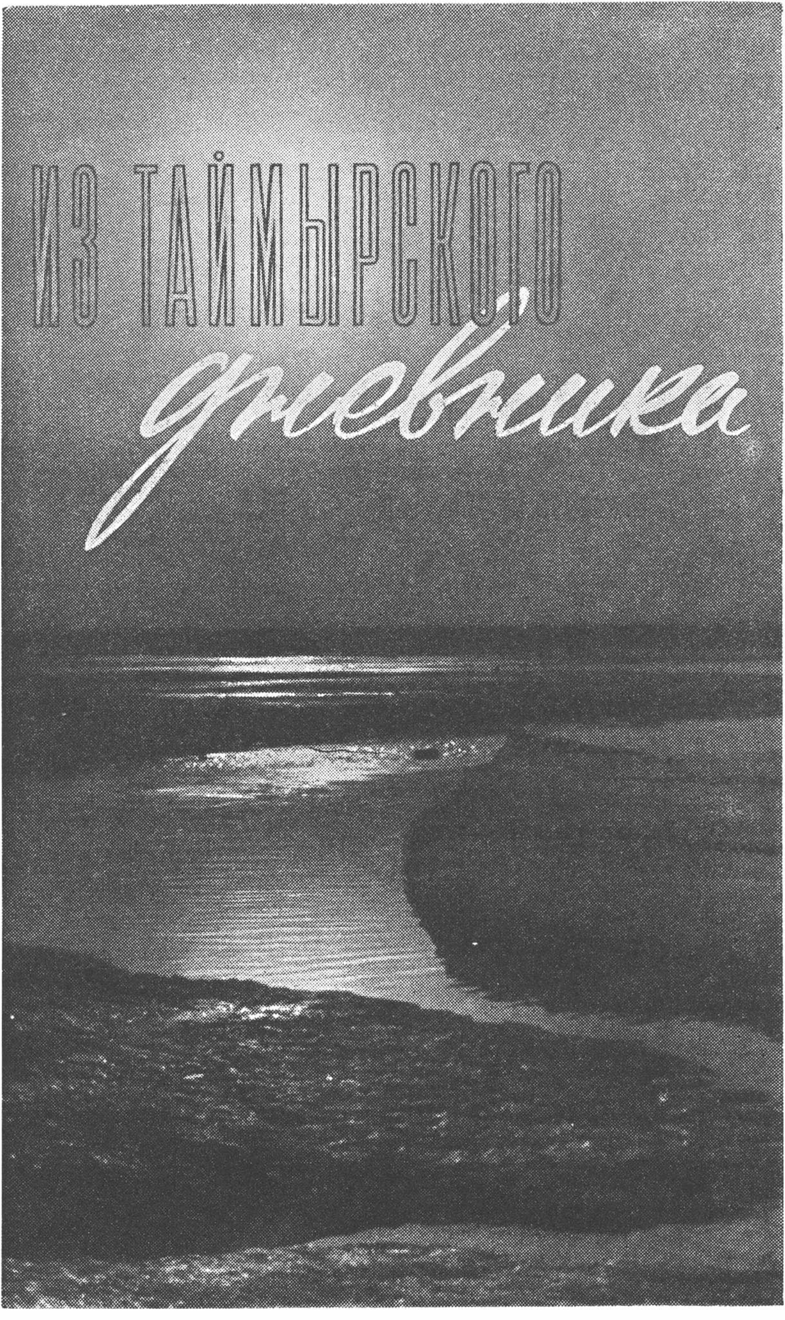


Фото М. Берковича

Из таймырского дневника

И. СОКОЛОВ-МИКИТОВ

ПОСЛЕ ПУРГИ

30 мая, ночь

После жестокой пурги (утром дверь нашего жилища пришлось долго откапывать лопатами) высокое чистое небо, спокойные белые облака, под ногами проваливается мокрый снег: оттепель. Быть может, пришла наконец долгожданная настоящая весна! Непрерывно летят с южного берега гуси. Их небольшие усталые косяки низко тянут над ослепительно белою тундрой. Утомленные долгим полетом, птицы присаживаются на снег. Можно видеть в бинокль вытянутые толчками шеи, маленькие серые головки. На обнажившихся каменных россыпях токуют тундряные куропатки. У птиц начинается весенняя брачная игра. Иногда, тихо планируя, над каменной россыпью бесшумно пролетает полярная сова. При появлении хищника, высматривающего добычу, все живое прячется и примолкает.

Утром поймали на самодельный крючок огромного гольца. Красивая сильная рыбина с зубастой чудовищной головою. Эх, показать бы такую добычу московским рыболовам! Опытные люди говорят, что летом такой рыбы наловить можно здесь сколько угодно. Зимний подледный лов затрудняется необыкновенной толщиною льда. Пробивать лунки в крепком льду непосильно даже для самых настойчивых рыболовов. За обедом сегодня ели уху. Вряд ли кому из знакомых рыболовов приходилось лакомиться такой наваристой, вкусной ухою!..

Сказочно хороши, чудесны сверкающие солнечные ночи! Днем слишком много света, под ногами проваливается мокрый и рыхлый снег. Ночью прихватывает морозец, все как будто настораживается. Недвижное сияет над снежной пустыней солнце, а в ослепительном мире слышатся голоса птиц.

ПОДЛЕДНЫЙ ЛОВ

31 мая

Ходили на рыбалку, на лед. Под глубоким слоем снега скрыты прорубленные еще с осени, наполненные водою глубокие проруби-лунки. Долго раскапываем утрамбованный пургою снег, лопатами выбрасывая тяжелые белые пласты. Рыболовные сети спущены на дно. Чтобы не порвать тонкую дель, тщательно очищаем лунки от кусков снега и льда. В прозрачной воде видится зеленовато-темная холодная глубина. Привычные руки рыболовов медленно тянут из воды мокрую сеть. Серебристо-розовая рыбина запуталась в сети. Рыбак вынимает гольца, выбрасывает добычу на снег. На розоватых мокрых боках ее тончайшими красками играет многоцветный узор. Живая скользкая рыбина извивается в снегу, бьет сильным хвостом, огромная зубастая пасть беспомощно раскрывается. При ярком солнечном свете медленно гаснут на воздухе краски ее цветного узора.

Солнечный свет обжигает лицо, слепит глаза. Жестокий, нестихающий ветер валит с ног. Сбиваемый ветром, над нашими головами низко тянет отбившийся разведчик-гусь. Усталая птица летит над самыми снегами. Долго наблюдаем, как, тяжело махая крыльями, птица борется с ветром, упрямо держа путь на север. Черною точкой разведчик-гусь исчезает в сверкающей белизне.

С каждым днем приближается настоящая весна. Днем и ночью сияет солнце. На белом снегу, на обнажившихся каменных россыпях куропатки делятся на пары. Где-то на вскрывшихся горных ручьях собираются прилетные гуси. Отбрасывая синеватые тени на сверкающий снег, с хищным криком кружат над тундрою чайки. Если посмотреть в сильный бинокль, можно увидеть вдали спокойно бредущих по снегу оленей.

В первый год зимовки табуны диких животных безбоязненно подходили к самому человеческому жилью. Из окон своего жилища зимовщики наблюдали здесь тысячи оленей, осенью и зимою проходивших привычным и безопасным путем. Появление людей и особенно собак, повидимому, их пугает. Чтобы добыть оленя, охотникам теперь приходится отходить на несколько километров от шумного жилья, которое олени старательно обходят.

НАСТУПЛЕНИЕ ВЕСНЫ

1 июня

В сильном дыхании ветра не чувствуем обычных возбуждающих запахов пробудившейся земли. Холодный ветер мчит над закованной снегом пустынной страной, завывает в горах и ущельях, скользит над ледяной гладью озера, дымит снежною пылью в кружевных белых застругах. Но уже с каждым днем на наших глазах вырастают, ширятся в тундре темные пятна проталин. Засохшие стебли растений выходят из снега. По крепкому снегу ветер разносит их зрелые семена. Множество птиц собирается на обнаженных полянах. Видно издалека, как перелетают они, садятся на снег, сливаясь с его белизною. Распластав белые крылья, пролетает над тундрой сова. В розысках воды непрерывно тянут над тундрой гуси. Приятно слышать знакомый клик гусей, пробуждающий далекие воспоминания... На чистой пелене снегов ежедневно наблюдаем оленей. В хороший бинокль видно, как пугливо толкутся они возле глубокого следа вездехода, пересекшего их привычный путь. За стадами оленей, идущих на север, неотступно следуют волки. Горе зазевавшемуся, ослабевшему, отбившемуся оленю! Уверенно ведут себя волки в полярной тундре. Здесь они чувствуют себя полными хозяевами, и даже присутствие человека их мало смущает. Не раз участники экспедиции подвергались волчьей осаде. Застигнув безоружного человека, волки пытались окружить его кольцом. Напасть на человека, однако, не решались и, отбежав на некоторое расстояние, угрожающим воем они провожали своего ненавистного врага.

Охотясь за полярной мышью-пеструшкой, летом и зимою рыщут по тундре полярные лисицы-песцы. Дерзок и смел этот зверь, обитающий в безлюдных полярных просторах. В прошлые времена стоянки полярных путешественников неоднократно подвергались набегам песцов. Из походных палаток песцы воровали плохо укрытые продукты, растаскивали снаряжение, портили научные приборы. В тех местах, где люди охотятся на песцов, эти животные бывают осторожнее и не всегда решаются приблизиться к жилищу.

На берегах озера в эти дни мы нередко видим мышкующих песцов. Низко опустив голову, прислушиваясь и останавливаясь, совершает зверь свой охотничий маршрут. Малейший звук привлекает его внимание. Под толщей снега он слышит писк леммингов. С необычайной ловкостью разрывают песцы слежавшийся снег. К молодому, неопытному песцу иногда удается подойти вплотную. Увлекшись охотой, зверь не обращает внимания на человека, спокойно устанавливающего фотографический аппарат.

СОЛНЕЧНАЯ НОЧЬ

2 июня

Чудесная солнечная ночь! Готовлю ружье, патроны и выхожу на прогулку.

Над тундрой полуночное солнце, сверкающая тишина. Пощипывает легкий морозец.

Наст держит, как крепкий паркет.

На снегах лиловый оттенок. Небо без единого облачка, глубокое, чуть-чуть голубое.

В знакомом пении птиц, разбившихся на пары, утверждение жизни, радостное чувство весны, всеобщего пробуждения!

Полуночное солнце светит в глаза, нестерпимо отражается в белизне снегов. Голубые, лиловые, розоватые лежат на снегу тени.

По белой скатерти снега, мягко подпрыгивая, катится легкий колобок. Это выбрался из своих подснежных ходов крошечный зверек — лемминг. Ослепленный солнечным светом, он торопится изо всех сил. Куда, по каким весенним делам выбрался этот скрытный, неловкий затворник?

Долго и внимательно наблюдаю в бинокль, как совершает он свое опасное путешествие. В сияющем поле бинокля вдруг появляется темная тень. Вижу внезапно появившегося поморника, большую хищную чайку. Приподняв черные крылья, зоркая птица садится на снег. В страхе мечется на снегу лемминг, стараясь защититься от крылатого врага. Черный разбойник как бы наслаждается беспомощностью зверька.

Недолго продолжается неравная борьба. Сытая птица не торопится. Ударом клюва поморник приканчивает добычу.

Я опускаю бинокль, берусь за ружье, торопливо вкладываю патроны.

«Хороший подарок будет зоологам!» — думаю, осторожно приближаясь к птице, расхаживающей возле добычи.

Зоркий хищник не подпускает на выстрел. Поспешно проглатывает он мертвого лемминга, всего целиком (трудно понять, как вмещается в горле хищника добыча), и неторопливо улетает, отбрасывая на снег лиловую тень...

ТОК

Расстегнув куртку, я иду дальше по рассыпчатому, хрупкому снегу.

Жмурясь от света, смотрю в бинокль: далеко-далеко в белом пространстве видятся крыши зимовки.

Необычайные звуки родятся в призрачной тишине.

Справа и слева раздаются эти хрустальные, чистые звуки. Сказочным кажется охотнику полуночный свет, ослепительное сияние снежной равнины. На темных пятнах проталин, со странным, тающим в воздухе звуком, взлетают точно снежные белые хлопья, трепеща крыльями, токуют куропатки.

Я иду среди бесчисленных токующих птиц.

Не обращая внимания на человека, птицы сидят, гоняются по снегу, дерутся, перелетают. При взлете они как бы растворяются в воздухе.

Осторожно приближаюсь к парочке птиц. В двух шагах от меня белоснежный краснобровый самец-петушок ухаживает за своей скромной подружкой. Защищая подругу, петушок отважно пытается вступить со мною в бой. С отчаянной храбростью он подбегает к ногам, грозно хохлится, принимает самые воинственные позы.

«Берегись, берегись, я тебе задам!» — выражает его воинственный вид.

Чтобы доставить полное удовольствие маленькому храбрецу, шаг за шагом начинаю отступать. Петушок-забияка гонится за мной. Убедившись в своей победе, с торжествующим видом возвращается он к подружке. Делая вокруг нее круги, чертя по снегу крылышками, он рисуется перед нею своей отчаянной храбростью, готовностью жертвовать жизнью.

Множество раз повторяю игру с птицами, не боящимися человека. Увлекательная, веселая игра доставляет особенное удовольствие, я забываю о заряженном ружье, которое здесь не нужно.

ГНЕЗДО СОВЫ

В каменных россыпях, еще покрытых слежавшимся снегом, мы нашли жилое гнездо полярной совы. Огромная белая птица бесшумно слетела почти у самых ног. Хорошо видна ее круглая голова.

В устланном пухом гнезде я увидел два насиженных яйца. Несмотря на мороз, яйца были теплые.

Эта замечательная птица очень рано начинает откладывать яйца. Самое удивительное, что даже в сильные морозы охраняемые родителями насиженные яйца не застывают. Нередко в гнезде совы находят оперившихся птенцов и только что снесенные, еще не насиженные яйца.

Полярные совы зимуют в тундре. В ночной темноте пролетают они над мерцающими в звездном свете снегами. Обычным кормом птиц являются полярные мыши-пеструшки, зимою живущие под снегом. Там, где водятся зайцы, полярные совы беспощадно преследуют беспомощных зверьков.

Весною и летом, как бы поделив на участки просторы тундры, полярные совы ведут уединенную сторожевую жизнь. На темном фоне тундры неподвижными белыми столбиками маячат их застывшие головастые фигуры. Долгими часами в полнейшей неподвижности дежурит на своем наблюдательном посту сова. С непостижимым терпением ожидает она появления добычи. Удивительной остротой зрения обладает полярная сова. В ночной темноте и при дневном свете на большом расстоянии замечает она промелькнувшего в траве лемминга. В отличие от других птиц, населяющих тундру, необычайно осторожно ведет себя этот свирепый и зоркий хищник. Только при случайной встрече удается подстрелить огромную птицу, оперение которой кажется белее снега.

Выходя по ночам, мы слышим страшное гуканье, доносящееся с каменных россыпей и «останцов».



«Эх, показать бы такую добычу московским рыболовам!»

Так перекликаются над тундрой полярные совы, вместе с другими птицами переживающие пору любви.

КОРАБЛИКИ НА СНЕГУ

По утрам ботаники отправляются «в поле» — на работу. С рюкзаками за плечами, гуськом бредут они по снегу: профессор и его помощники — ученики. Проваливаясь в сугробах, они уходят в тундру надолго, терпеливо роются на обнажившихся от снега проталинах, разыскивая редкие растения на прогретых солнцем южных склонах каменных «останцов».

Изумительны эти необыкновенные растения, оживающие под снегом!

Их стебли и листья покрыты теплым и густым пухом, спасающим от стужи. Многие растения жмутся друг к дружке, образуя круглые плотные цветнички. В обросших пушистой шубкою корнях прячутся насекомые, устраивают гнезда лемминги и полевки. Только у немногих северных растений созревают за лето семена. Большинство растений, сохранившихся еще от доледниковых времен, продолжают размножаться вегетативным путем.

Гонимые ветром, по снежному полю под ногами путешественников мчатся крошечные кораблики с поднятыми парусами. Я поднимаю и внимательно разглядываю такой маленький кораблик. Мелкие круглые семена прикреплены в раскрывшейся легкой коробочке, похожей на лодочку с парусами.

Куда ни посмотришь, — мчатся, мчатся по снегу кораблики с распущенными парусами. Во всех направлениях они пересекают покрытую снегом голую тундру. В этих крошечных корабликах по бескрайним снежным просторам путешествуют семена растений, несущие в себе упорную, неистребимую жизнь.

ПОДСНЕЖНЫЕ ЦВЕТЫ

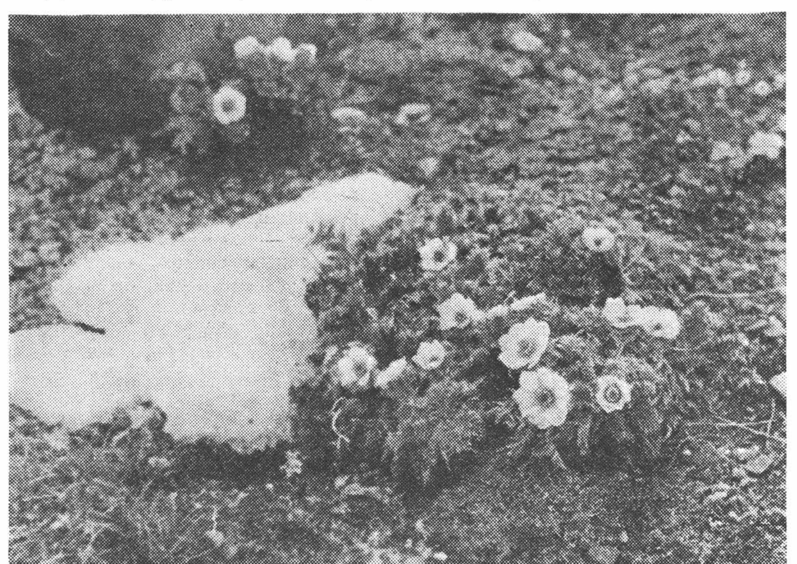
— Не желаете ли полюбоваться на «снежные теплички»?

Глаза профессора-ботаника радостно смеются. Лежа на снегу, большим ботаническим ножом он осторожно вскрывает прозрачную ледяную пластинку, образовавшуюся над углублением в снегу, в котором виднелись живые зеленые побеги.

— Посмотрите, как ладно устроено. Настоящий миниатюрный парничок, крошечная снежная тепличка!..

Я опускаюсь рядом с профессором на снег. Под тончайшею, хрустально-прозрачной коркой льда хорошо видно в снегу распустившееся растение с пушистыми, свернутыми в трубку ростками. Термометр, просунутый в снежную тепличку, показывал положительную температуру. Тот же термометр на поверхности снега быстро спустился на двенадцать градусов мороза.

На южных склонах холмов, покрытых тонким снежным покровом, мы нашли множество таких маленьких тепличек. Весною растения выйдут из снега с почти распустившимися цветами. Наличием этих тепличек объясняется удивительное явление в природе полярных стран, где рядом со снегом весной можно видеть живые прекрасные цветы, поражающие путешественника своей нежностью и красотой.



Рядом со снегом — живые прекрасные цветы, поражающие путешественника своей нежностью и красотой.

РОДИНА ПТИЦ

6 июня

Для впечатлительного наблюдателя и охотника все кажется необычайным в этой суровой по первому взгляду, холодной стране. Необычайный вид имеют горы, возвышающиеся над тундрой древние «останцы» — остатки выветрившихся горных хребтов, как бы сложенные из гигантских, покрытых лишайниками утесов.

Десятки тысяч лет назад, здесь, у подножья каменных «останцов», бродили мамонты. Костями вымерших животных, тяжелыми бивнями мамонтов, известковыми створками древних моллюсков усеяны берега рек и озер.

Холодный ветер, сбивая с ног, свистит в вершине высокого «останца», в беспорядочных россыпях и нагромождениях обломков, покрытых тончайшим узором разноцветных лишайников.

Дикие гуси кружат у основания величественного каменного «останца». С высокой вершины вижу легкие тени птиц, скользящие по нетронутой пелене снегов, слышу знакомый радостный клик.

С приближением весны больше и больше над тундрой птиц. Давно прилетели пуночки, на рыжих проталинах появились лапландские подорожники — веселые птички. Из теплых краев тянут на свою родину гуси. В просторах тундры, куда ни поведи глазом, токуют бесчисленные куропатки. Высматривая добычу, кружат над тундрой поморники, жалобно кличут чайки. Над оживающей страной звенят голоса птиц. Непостижима тайна стремления этих птиц на север. С берегов синего моря, с гостеприимного жаркого юга стремятся крылатые путешественники, чтобы в безлюдных просторах полярной тундры завершить жизненный круг.

Этих пролетающих над тундрой птиц некогда наблюдал я в другом дальнем краю нашей страны. Зародившаяся в охотничьих путешествиях мечта осуществлялась. С особенным радостным чувством встречаю знакомые косяки. Положив ружье на колени, внимательно наблюдаю, как оживает перед глазами, веселыми голосами наполняется чудесная, холодная родина птиц.

Таймырское озеро.



Ранней весной на Таймыре.

Морской полярный ястреб.

В каменных россыпях и на вершинах скал гнездятся орлы и ястребы. Птенцы спокойно позируют перед фотоаппаратом. Они не боятся человека.

К молодым неопытным песцам удается подойти вплотную.

Фото М. Берковича

Изумительно красивы узоры, положенные рукою природы на поверхность каменных скал.

«Добрый город»

В пятой книжке журнала «Новый мир» за 1949 год напечатана новая повесть Георгия Гулиа — «Добрый город». Это небольшое произведение является органическим продолжением первой повести того же автора — «Весна в Сакене». Именно органическим. В «Добром городе» продолжается не только повествование о делах и днях сакенцев, героев первого произведения, но развивается и крепнет основная писательская тема Георгия Гулиа — большая, интересная и нужная тема дружбы, чувства локтя у советских людей на всем пространстве СССР.

Сердце страны — Москва, «Добрый город». Он объединяет сталинской дружбой народов все население огромного, многонационального нашего государства в одну крепкую и дружную семью.

В своей первой повести, «Весна в Сакене», автор сообщает, что на карте мира Сакен можно найти лишь приблизительно. На севере загораживают Сакен крупные отроги Кавказского хребта, на востоке — высокая и мрачная гора Гуагуа, на западе — Клыч — гора «коварная», с запасами снежных лавин. С юга путь в Сакен преграждают девять перевалов и восемь горных рек. Несмотря на природные преграды и на отдаленность Сакена от столицы, Сакен живет общей с ней жизнью в труде, в хозяйственных достижениях, в стремлении к неустанному культурному росту населения.

Сакену нужны образованные люди во всех областях труда. Насущно необходимы электротехники, и сакенцы отправляют даровитого юношу Смела Куламба за получением образования в Москву, в Электротехнический институт. Смел до этого «голыми руками» построил маленькую электростанцию в Сакене. Когда началась разработка фосфоритов, он был приставлен к бензиновому двигателю и шаровой мельнице, сначала в качестве ученика, потом — механика. Позднее, при исправлении аварии на шаровой мельнице, Смел Куламба внес в ее работу и рационализаторское усовершенствование. У Смела — за отсутствием в Сакене десятилетки — неполное среднее образование. Этого мало для Электротехнического института, поэтому Смел зимой самостоятельно взялся за учебники и летом в районном центре выдержал экзамен экстерном.

«Говоря откровенно, — пишет автор, — дело не обошлось без шероховатостей. Вам все будет ясно, если я приведу замечания двух педагогов — по химии и английскому языку. Химик заметил, что хотя Смел далеко не Менделеев, но тем не менее тройку поставить ему не грех. А старичок, экзаменовавший по английскому языку, ознакомившись с отметками по другим предметам, сказал: «Сакенец взялся за английский. Только за одно это ему можно поставить четыре». И начертал в экзаменационном листе четыре! Эти откровенные поблажки как ножом полоснули сакенца по сердцу. Он насупился. Его красивое, смуглое лицо исказилось молниеносным гневом (о, если бы не почтенные годы химика!), побелело, все черты заострились. Но Смел героически поборол себя. Пальцы, сжатые в кулак, хрустнули, как сухой камыш, и вскипевшее возмущение мгновенно улеглось».

Даже из немногих этих строк можно понять, что автор умеет изображать своих литературных героев ясно, зримо, художественно убедительно. «Добренькие» педагоги, из-за которых впоследствии Смел пережил первое крушение больших юных надежд, и сам прямодушный, самолюбивый молодой горец встают перед читателем, как живые, реальные люди.

Основной сюжет повести — пребывание Смела в Москве, первая любовь. Воспроизведение сложного быта Москвы и ее жизни свидетельствует о большом писательском даровании Георгия Гулиа. Необычайно свежо и душевно изображает он чистоту человеческих отношений в нашем социалистическом государстве, верность советских людей в дружбе и любви, братское их внимание друг к другу.

Русская художественная литература в лице гениальных и наиболее талантливых своих представителей всегда служила идеям правды, добра и справедливости. Советские поэты и писатели преемственно продолжают эту благородную традицию своих духовных учителей. В современную мировую литературу они вносят убедительный оптимизм, столь же необходимый в жизни человека, как кислород для дыхания. Оптимистична и прекрасна повесть Георгия Гулиа «Добрый город».

Отрадно, что после «Весны в Сакене» талантливый автор обнаружил дальнейший писательский рост. Яснее виден его собственный стиль — яркий, оригинальный, впечатляющий. Глубже стал юмор, свойственный и первому произведению. Кратки, умны и выразительны описания. Вот наступление ночи в горах: «День близится к концу. Ущелья становятся мрачными и холодными. Горы отбрасывают длинные тени, и земля кажется постаревшей на многие тысячелетия».

Случается, правда, что в словесной ткани прорывается и у самого автора отмеченная им черта характера его литературных героев. Георгий Гулиа пишет: «Придирчивая точность чужда сакенской речи, особенно речи вдохновенного рассказчика». Из-за отсутствия этой «придирчивой точности» автор допускает в добротной, хорошей повести искусственную и совсем ненужную гиперболу: «Ничего нет примечательного в кухне — обычная кухня горца, привлекающая зимой и в непогодь своим дымным чадом, запахами толченого перца и различных душистых трав. И только скромная электрическая лампочка в двадцать пять свечей, висящая на шнуре, усиливает впечатление странного контраста: исконно-горский быт и чудесное нововведение в горах — электрический свет. Лампочка горит ровно и лишь временами испытывает потребность слегка помигать. *Тогда хозяин или кто-нибудь из гостей поднимает к ней глаза и говорит ласково, словно коню: «Но, но». ...И лампочка перестает мигать*» (Выделено мной.— Л. С.).

Однако такие натяжки нечасты в своеобразном, ровном и веселом стиле Георгия Гулиа. Есть и другие погрешности, но они искупаются прекрасным впечатлением от повести в целом. Они забываются, когда читаешь сочный и разнообразный диалог, когда ты весь невольно поглощен судьбой Смела Куламбы, его экзаменами, его первой любовью.

Разных людей рисует автор, и судьба каждого кровно, родственно связана с жизнью всей страны. Главным достоинством повести является уменье автора находить и показывать читателю те «реальные точки», с которых можно видеть вширь и вглубь жизнь наших современников, их труд, их человеческую судьбу. Хорошо изображение молодой любви Смела и Гали, их встреч, их целомудренно-боязливого любовного объяснения, их невольной разлуки на длительное время.

Есть и отрицательные типы в повести. Из них особенно удался автору трусливый формалист Павел Иванович, заместитель директора по учебной части Электротехнического института. Без нажима, без преувеличения обрисован этот современный «человек в футляре».

Повесть кончается очень печальным для Смела событием: он не выдержал приемных испытаний по химии и английскому языку и должен покинуть Москву, стены желанной высшей школы и любимую девушку Галю. Ему горько и стыдно вернуться в родной Сакен с поражением, а не с победой. Но жизнь продолжается, Смел настойчив, упорен в своих желаниях, даровит и трудолюбив. Он знает, что в следующем году снова будет добиваться поставленной перед собой цели и добьется ее. Он верит, что будет новая, радостная встреча с любимой. Вместе с героем повести верит во все это и читатель. Он весь во власти здорового оптимизма писателя.

Есть литературные произведения, после чтения которых острей ощущаешь желание жить, любовь к людям, стремление работать вместе с ними, понимать все хорошее в них. Небольшая по объему, но глубокая по внутреннему проникновению в современную советскую действительность, повесть Георгия Гулиа «Добрый город» — одно из таких отрадных писательских достижений.

Л. СЕЙФУЛЛИНА

Георгий Гулиа «Добрый город». Журнал «Новый мир» № 5 за 1949 год.

Повесть о науке изобилия

Читаешь «Науку изобилия» Геннадия Фиша и думаешь: «Как изменилась все-таки в наше время и в нашей стране роль писателя!»

Дело не только в том, что проблема повышения урожайности проса или проблема борьбы с сельскохозяйственными вредителями могут стать у нас теперь темой художественного произведения. Суть прежде всего в том, что советский писатель сам ввязывается в такую борьбу, и мы, читатели, знакомясь с литературным произведением, невольно вносим в его оценку, кроме чисто литературных соображений, еще и другое: а насколько автор своей писательской работой помог решению той проблемы, которую взялся описывать? Подобное отношение к работе писателя есть тоже нечто совершенно новое и исключительно наше, советское.



Какую форму личного участия в описываемом деле нашел Геннадий Фиш? Он избрал темой книги те положения нашей передовой сельскохозяйственной науки, которые находятся в процессе разработки и реализации. И поскольку эти положения разрабатываются и реализуются у нас совместным трудом ученых и колхозников, при широчайшем участии народа, постольку, обращаясь со своим вдохновенным рассказом к народу, писатель помогает науке.

Он помогает передовой науке еще и тем, что в очерках своих разоблачает и атакует реакционеров.

Бывали случаи, когда слово писателя играло совершенно конкретную, точно определяемую роль при осуществлении научных мероприятий в сельском хозяйстве. В 1939 году, когда развернулась борьба с вредной черепашкой, губившей на больших пространствах урожай, в «Известиях» была помещена статья того же Геннадия Фиша, которая не только помогла распространить опыт борьбы с черепашкой, но и поощрила усилия самих научных работников.

В книге «Наука изобилия» три очерка, и каждый из них рассказывает об успехах мичуринской агробиологической науки.

Первый очерк, занимающий примерно половину книги, называется «Народная академия». В нем писатель рассказывает об удивительных переменах в возделывании проса. Культуру эту считали чуть ли не «бросовой», урожайность ее была ничтожна. Между тем сейчас именно по просу нам удалось достигнуть наивысшей для зерновых культур урожайности — до двухсот центнеров с гектара! Опыт применения новой агротехники, предложенный Всесоюзной академией сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина, был по решению правительства поставлен в разных районах страны на общей площади в сотни тысяч гектаров. Факт этот, положенный в основу очерка, убедительно показывает, что науку на поля у нас выводят широчайшие колхозные массы.

Второй очерк носит название «Вредная черепашка и теленомус». Это «реалистическая сказка», как утверждает автор. Сказочность заключается не в форме, а в содержании: сказочна та быстрота, с которой реализуется в колхозах предложенное академиком Лысенко средство борьбы с опасным сельскохозяйственным вредителем. И здесь мы видим тот же источник успеха: единение труда советских ученых с трудом народа.

Третий очерк — «Советская быль и американские сказки». В нем Геннадий Фиш дает пример нового и своеобразного жанра, который можно было бы назвать жанром героического памфлета.

В Ленинграде хранилась до войны и сейчас хранится исключительная по научной и практической ценности, единственная в мире коллекция семян. Английские биологи Хансли, Харланд и Дарлингтон напечатали клеветнические сообщения, будто эту коллекцию ленинградцы съели во время блокады. Гневно и язвительно писатель разоблачает эту клевету и вместе с тем своим правдивым рассказом утверждает героизм советских ученых. Под бомбами, коченея от холода, голодая, они сберегли коллекцию в неприкосновенности, до единого зернышка.

Вся книга насыщена героикой той великой борьбы, которую ведет совместно с народом наша наука. Работа передовых советских ученых партийна, она связана с жизнью и лишена абстрактной академичности — такова идея книги. И соответственно этому самый текст ее лишен «академичности». Книга Фиша — не популярное изложение научных истин, а эмоциональный и притом познавательный рассказ о борьбе за передовую науку, за расцвет нашего сельского хозяйства, за коммунистическое изобилие. Книга полна жизни.

Литератор пишет о новаторах, и очерки его новаторские. Для новой темы он нашел новые слова. Здесь мы видим отличный пример того вида литературы, которую можно назвать научно-художественной публицистикой. Характерно, что, поставив перед собой новую литературную цель, писатель, известный как опытный беллетрист, отказался от прежних, чисто беллетристических приемов.

Войдя в область научно-художественной документальной прозы, Геннадий Фиш выработал здесь свой особый стиль письма. Можно отметить, что стиль этот крепнет. В более раннем очерке — «Вредная черепашка» — еще видны следы стилизаторства, претенциозность в подзаголовках. А последнюю работу — «Народная академия» — читаешь единым духом, полностью увлекаясь ходом дела и не замечая литературных приемов.

Писатель сумел достигнуть большого драматического напряжения без сюжета, одним лишь подбором фактов, их сопоставлением и трактовкой. Тематические линии сменяют друг друга, вновь возвращаются, и даже простая цифровая справка, вплетенная в эту искусную композиционную ткань, звучит поэтично.

В книге фигурируют только реально существующие люди. Они проходят перед нами в скупо, но чутко выписанных образах один за другим, с их живыми характерами и собственным языком.

Вереницу образов передовых советских людей, вызывающих у читателя искреннюю любовь, возглавляет образ президента «Народной академии» Трофима Денисовича Лысенко. В словах и поступках этого выдающегося человека писатель дает нам почувствовать огромный ум, революционную страсть, кровную близость к народу.

Книга Геннадия Фиша — еще одно доказательство того, что в Советской стране существует богатая, идейная научно-художественная литература. Она не плетется в хвосте событий, а ведет авангардные бои.

Н. МИХАЙЛОВ

Геннадий Фиш «Наука изобилия». Издательство «Советский писатель». 1948. 226 стр. Цена 6 р. 50 к.



«Мазепа» в филиале ГАБТ. 1-е действие. Мария — Н. Покровская.

МАЗЕПА

Премьера в филиале Государственного академического Большого театра Союза ССР

Фото А. Горнштейна

Три оперы П. И. Чайковского, вдохновленные творчеством А. С. Пушкина, представляют бесценный вклад в музыкальную литературу.

«Евгений Онегин» — первое обращение композитора к теме, образам и стихам Пушкина — остается непревзойденной мировой лирической оперой. «Пиковая дама» — вершина драматической оперы. «Мазепа» — великолепная по своей художественной законченности русская музыкально-историческая драма.

Содержание «Мазепы» заимствовано из «Полтавы» Пушкина. Либретто лишь незначительно отступает от сюжета поэмы, в которой заложены необходимые предпосылки для сценического развития. Широко и тонко использован в опере пушкинский стих поэмы, которым так восхищался Белинский: «Сколько простоты и энергии в его стихе! Какая живая соответственность между содержанием и колоритом языка, которым оно передано! Есть что-то оригинальное, самобытное, чисто русское в тоне рассказа, в духе и обороте выражений!»

Эти слова великого критика, обращенные к «Полтаве» Пушкина, можно с полным правом отнести и к музыке Чайковского. В «Мазепе» все — от интродукции до последней ноты заключительной «Колыбельной» — дышит «простотой и энергией», всюду восхищает «живая соответственность», полное гармоническое единство между содержанием и музыкальным языком и чисто русская национальная самобытность этого языка, его общего тона, его оборотов и интонаций.

Преодолевая мрачный колорит, главенствующий в либретто, П. И. Чайковский применил свою излюбленную систему ярких эмоциональных контрастов. Так, вооруженной ссоре и похищению Марии предшествуют мирная, почти идиллическая девичья песня и народный хор; кульминация трагедии — казнь Кочубея и Искры — непосредственно следует за сценой поющего и пляшущего пьяного казака. Любовный дуэт Мазепы и Марии сменяется остро напряженной сценой Марии и матери, сообщающей дочери о предстоящей казни Кочубея.

Неисчерпаемые мелодические сокровища «Мазепы» разбросаны в ариях, монологах, ансамблях, хорах, оркестровых эпизодах.

Особенно выделяется симфонический антракт «Полтавский бой» перед последним действием.

Битва под Полтавой не могла уложиться в сценические рамки данного оперного либретто. Но Чайковский не нашел возможным отказаться хотя бы от симфонического воплощения тех незабываемо прекрасных страниц пушкинской поэмы, где изображается историческая победа русских во главе с Петром над шведами. Так родился знаменитый симфонический антракт перед последней картиной. Он начинается стремительным батальным музыкальным эпизодом, в своем бурном развитии переходящим в могучую русскую «Славу», и заканчивается четким, уверенным, постепенно удаляющимся маршем.

Опера «Мазепа» П. И. Чайковского, как и «Полтава» А. С. Пушкина, — произведение высоко патриотического содержания. Неисчислимые художественные достоинства, полнокровность и целостность образов, реалистическая яркость и конкретность музыкально-психологических характеристик, выразительность народных сцен — все эти достоинства придали опере «Мазепа» действенность, испытанную временем. Вот уже шестьдесят пять лет, как эта опера украшает репертуар лучших музыкальных театров страны, и каждая новая ее постановка вызывает живейший интерес зрителей.

Большой театр показал ее на сцене своего филиала в ознаменование 150-летия со дня рождения А. С. Пушкина.

Радует в этой новой постановке высокий уровень вокального исполнения. Центральные роли играют отличные певцы, сочетающие превосходные голосовые данные с хорошей профессиональной школой. Особенно приятно отметить это в отношении талантливых молодых артистов Большого театра — Н. Покровской и И. Петрова.

Партия Марии — одна из ответственнейших в русской оперной литературе. Начиная с первой постановки оперы в Москве (1884 г.), где роль Марии исполняла замечательная русская певица Э. Павловская, партия эта всегда поручалась наиболее одаренным и опытным исполнительницам. Тем приятнее, что молодая певица Н. Покровская, прямо из консерватории пришедшая в Большой театр, исполнила эту роль с такой теплотой, непринужденностью, артистичностью. Мария показана Чайковским в самых различных состояниях — могучей страсти, восторженной любви, мучительных сомнений, отчаяния, полного безумия. Н. Покровская, наделенная



Сцена из 2-го действия. Мазепа — А. Иванов, Мария — Н. Покровская.

даром творческого перевоплощения, умеет находить для каждого из этих состояний убедительно верные музыкальные краски и оттенки.

С каждой новой ролью обозначается творческий рост и другого представителя артистической молодежи театра — И. Петрова. В сложной партии Кочубея И. Петров рельефно доносит до слушателя этот многогранный образ. Артист тонко владеет своим великолепным голосом и постепенно освобождается от некоторой свойственной ему сценической скованности.

Представители более старшего артистического поколения — В. Давыдова (Любовь Кочубей), А. Иванов (Мазепа), Т. Черняков (Искра), В. Тютюнник (Орлик), Г. Большаков (Андрей) — исполнили свои партии очень выразительно, на высоком уровне вокального и сценического мастерства.

Можно было бы упрекнуть дирижера В. Небольсина за некоторую вялость в первых картинах и кое-где за злоупотребление звучностью оркестра.

Режиссура (Л. Баратов) и оформление спектакля (художники Н. Коровин и Л. Федоров) содействовали успеху постановки. Много хорошо разработанных сцен, декоративных удач.

Еще одна опера П. И. Чайковского на лучшей сцене Советского Союза — ценный подарок зрителям.

С. КОРЕВ

Перед казнью Кочубея. Кочубей — И. Петров.





Хореографический ансамбль эстрадного театра сада «Эрмитаж» исполняет русскую пляску «Метелица».

«Сегодня вечером»...

Первая программа Московского эстрадного театра

Фото С. Шингарева

По заведенной традиции летний сезон в эстрадном театре «Эрмитаж» открылся в этом году сборной программой. С подмостков звучали фельетоны и памфлеты, юмористические интермедии и лирические стихи, выступали вокальные и хореографические ансамбли, солисты-певцы и т. д.

Острый и злой фельетон в стихах А. Безыменского «Сильнее атомной бомбы» темпераментно читал Н. Першин; стихотворения Пушкина — В. Аксенов, интермедии и конферанс живо и остроумно вели Е. Дарский и Л. Миров; с обычной для него страстностью клеймил низкопоклонство перед буржуазным Западом Н. Смирнов-Сокольский в фельетоне «В чужие гудки»; остроумные куплеты на международные темы исполнял И. Набатов.

Поджигатели войны, лакеи доллара, «план Маршалла» — главные мишени для сатирического огня мастеров эстрады, отзывающихся на политическую злобу дня.

Интересная новинка программы — выступление вокального женского квартета из Черновиц. Его участницы: А. Яковлева, Т. Верховенко, А. Анатычук и Е. Гончаренко — чудесно исполняли буковинские народные песни.

Полны поэтичности и подлинного очарования танцы хореографического ансамбля эстрадного театра «Эрмитаж». Первое выступление ансамбля — русская пляска «Метелица» — танец-игра, живая, веселая, непосредственная, второй — «Лебедушка» — танец-представление, в котором танцовщицы плывут с лебединой грацией, а руки их, выступая из белых кружев, изображают стаю лебедей (постановщик танцев — Н. Надеждина).

В вокальной части программы порадовала слушателей молодая исполнительница В. Савельева, обладающая задушевным голосом.

Удачно выступление и молодежно-хореографического ансамбля под руководством Н. Спасовской. Парад и пляска ансамбля как бы воспроизводят часть грандиозного парада физкультурников.

Слабо в первой программе были представлены оригинальные жанры. Если не считать хорошо тренированных акробатов В. Аникина и В. Дашкевича, работающих непринужденно и легко, в спектакле отсутствуют интересные аттракционы. Правда, аттракционом можно назвать дуэт балалаек (М. Рожков и Г. Быков), где русский музыкальный инструмент, изумительно звучащий в руках мастеров, на этот раз стал почему-то предметом для трюков.

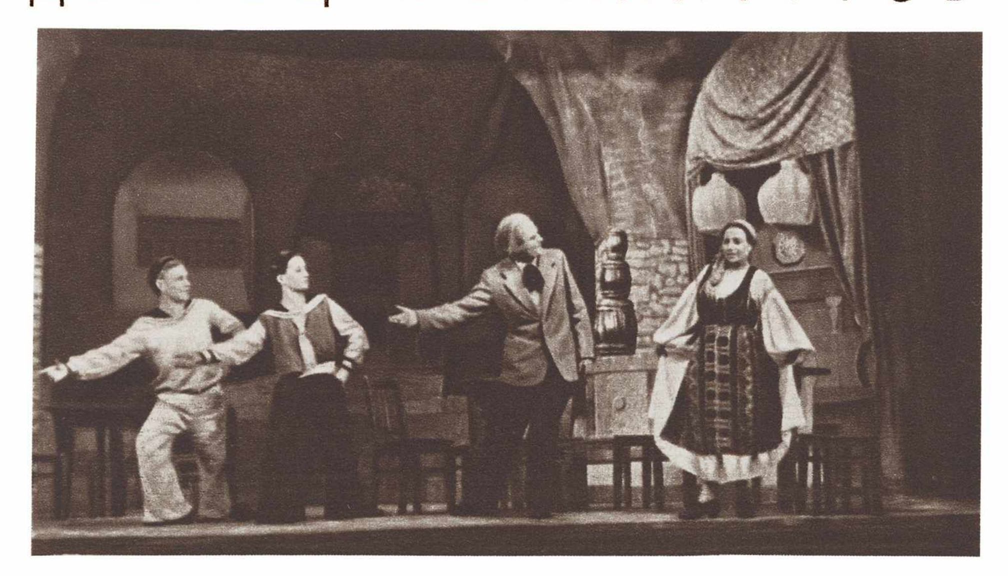
Премьера в театре «Эрмитажа» показала, что признанные мастера советской эстрады работают успешно и ее ряды пополняются молодыми силами.

В. С.



Н. Першин читает стихи А. Безыменского «Сильнее атомной бомбы».

ДВОРЕЦ МЕТАЛЛУРГОВ



Оперетта «Вольный ветер» в исполнении самодеятельных коллективов Дворца культуры металлургов в Магнитогорске.

Дворец культуры магнитогорских металлургов — один из самых больших в нашей стране. Его любят и охотно посещают доменщики, сталевары, прокатчики, инженеры и служащие металлургического комбината имени Сталина.

Гордость Дворца — библиотека, насчитывающая 200 тысяч томов. «Это наша школа», — говорят о ней рабочие. Число читателей в библиотеке сейчас превышает 25 тысяч.

Широко развита у магнитогорцев художественная самодеятельность. При Дворце культуры работают драматический, хоровой, хореографический, вокальный и детские кружки, оркестры духовой и народных инструментов, ансамбль баянистов. В кружках занимаются 850 человек.

В репертуаре драматического коллектива — «Власть тьмы» Л. Толстого, «Бедность не порок» А. Островского, «Разлом» Б. Лавренева, «Снежок» В. Любимовой и другие.

Соединенными силами вокального, хорового и хореографического кружков была поставлена опера «Фауст» а при участии и драматического коллектива — музыкальная комедия Дунаевского «Вольный ветер».

Среди активистов драматического кружка старики и молодежь. Рядом с пожилыми мастерами чугунолитейного цеха Е. Киселевым и Ф. Могильским в спектаклях участвуют и совсем юные любители.

Двенадцать лет поет в хоровом коллективе контролер С. Уточкин, прекрасно играет на домре мастер И. Чердак, организовавший у себя в чугунолитейном цехе оркестр русских народных инструментов.

Плодотворно идут занятия в рабочей и детской изостудиях под руководством старейшего художника Магнитогорска Г. Соловьева. Несколько выставок, устроенных студией, вызвали большой интерес у магнитогорцев.

Художественной самодеятельностью Дворца культуры руководят опытные режиссеры. Они умело организуют досуг магнитогорцев, тщательно изучают вкусы и наклонности любителей художественной самодеятельности, заботливо выращивают новые народные таланты.

Магнитогорск.

Г. МЕРЛИНСКИЙ



Сцена из 1-го действия пьесы «Нахлебник». После завтрака. В колпаке — Кузовкин — Б. Чирков.

„НАХЛЕБНИК"

Тургеневский спектакль в Государственной студии киноактера.

И. ВЕРШИНИНА Фото С. Фридлянда.

«Нахлебник» — какое чужое, вышедшее у нас из употребления слово!.. Да и не только слово, самое понятие «нахлебник» давно исчезло из нашей жизни.

Почему же комедия И. С. Тургенева «Нахлебник» — история маленького, забитого человека — сейчас, через 100 лет после ее написания, привлекла внимание Театра киноактера (постановщик — Б. Лифанов), почему роль несчастного приживальщика захватила ее исполнителя Б. Чиркова — создателя ряда замечательных образов сильных, мужественных советских людей — и почему, наконец, личная драма обездоленного старика так волнует сидящих в зале зрителей?

Тургенев писал «Нахлебника» для бенефиса великого русского актера М. С. Щепкина в 1849 году. Но комедии не довелось тогда увидеть свет рампы. Цензурный комитет признал ее «совершенно безнравственною и наполненною выходками против русских дворян, представляемых в презрительном виде, и потому положил: запретить оную...».

Только в 1862 году, после отмены крепостного права, в бенефис М. С. Щепкина «Нахлебник» был поставлен в Малом театре.

По поводу этой комедии Тургенев говорил, что писал он ее больше для одной роли — нахлебника Кузовкина.

На исполнителе роли Кузовкина в спектакле Театра киноактера нам и хотелось бы остановиться. Не только потому, что роль эта главная в пьесе, что по мастерству исполнения Чирков превосходит своих партнеров, но и потому, что в этом образе актер и режиссер заклеймили эпоху, где «барство дикое» могло безнаказанно попирать человеческое достоинство.

При первом появлении на сцене Кузовкин-Чирков приковывает наше внимание. Он полон счастья предстоящей встречи с возвращающейся из Петербурга молодой хозяйкой дома. У него дрожат руки, глаза сияют, в волнении теребит старик борта своего потертого сюртука, надетого с чужого плеча. Более шести лет прошло с тех пор, как уехала Ольга Петровна из своего имения. Девочкой была она тогда, а вот теперь возвращается с молодым супругом — блестящим петербургским чиновником Елецким. Богатая помещица, владелица огромной усадьбы, Ольга Петровна не подозревает, что она незаконная дочь старого нахлебника.

Многие годы героически сдерживает в себе отцовские чувства несчастный старик, и даже теперь, после долгой разлуки, он не смеет обнять родную дочь.

Елецкий и другие дворяне, собравшиеся в усадьбе за завтраком, потехи ради, подпаивают Кузовкина и гнусно издеваются над ним. Перед зрителем проходят мерзкие картины глумления над беззащитным человеком...

Но Кузовкин долго борется с мыслью, что над ним насмехаются. При старом господине он немало послужил «злобной скуке праздного барства», и теперь страшно поверить ему, что прошлое возвращается. Пытливо смотрит он в глаза Елецкому, когда тот заставляет его плясать и петь: что это — шутка или издевательство? Но вот забавляющиеся господа надевают на старика шутовской колпак. Истина становится теперь и ему ясна. «За что?!» — спрашивает он в ужасе Елецкого. Попранное человеческое достоинство возмущается. Кроткий старик превращается в обличителя. Доведенный до отчаяния, Кузовкин признается, что он отец Ольги.

И если Ольга, Елецкий и другие персонажи пьесы сомневаются в истине его слов, то зрители поверили ему мгновенно, поверили, как верили во все то, что делал Кузовкин-Чирков с момента выхода на сцену.

Затаив дыхание, слушает зал признание Кузовкина во втором действии. «История» за завтраком потрясла старика. Он входит к Ольге, еле волоча ноги. Язык не повинуется ему. С трудом бормочет он слова, пытливо всматривается в дочь, стараясь увидеть, знает ли она о гнусной сцене и об его «проступке». Он понимает, что его отцовство компрометирует ее, и самоотверженно готов сказать каждому, что за завтраком солгал. Но Ольга требует правды. Ей он не может отказать ни в чем.

Впервые вслух вспоминает Кузовкин о самых счастливых часах своей жизни. Просто, без тени мелодрамы рассказывает Чирков о страшной судьбе матери Ольги, замученной тираном-мужем, всячески стараясь оправдать ее поступок в глазах дочери. Воспоминания нахлынули на него. С грустью и нежностью осматривает он комнату, где дорог ему каждый угол, напоминающий о любимой женщине...

Елецкий, защищая «доброе имя» своей супруги, заставляет старика при всех назваться лгуном и затем изгоняет Кузовкина из дома.

Глубоко и правдиво раскрывает актер черты униженного, бедного нахлебника, его благородство, доброту, самоотверженность, скрытые за искалеченной судьбой.

И в сердцах зрителей закипает ненависть к эпохе, в которую возможен был этот мерзкий произвол, когда закономерны были страшные картины издевательства над человеком.

Двенадцать лет Борис Чирков не играл в театре. Его первую роль по возвращении на сцену — роль Кузовкина — можно отнести к лучшим актерским работам прошедшего театрального сезона.



Рассказ Кузовкина. Сцены из 2-го действия. Кузовкин — Б. Чирков, Ольга — Е. Кузьмина.



Скользящие по воде

Евг. ШАТРОВ

Фото С. Косырева

Москва-река в районе Ленинских гор кажется особенно привольной. Она спокойно и величаво устремляет свое русло мимо сбегающей с холмов зелени. Здесь раздолье для любителей водного спорта. Вверх и вниз по течению снуют байдарки и прогулочные шлюпки. Почти не возвышаясь над речной гладью, проносятся, отсвечивая полировкой, академические суда с гребных станций ЦДКА и общества «Буревестник». Кому обогнать лакированного красавца, восьмивесельный стремительный скиф? Нет, гребцам на всякой другой лодке не тягаться в скорости с восьмеркой.

Но вот над простором реки возникает отдаленный гул мотора. Гул приближается, нарастает, и маленькое, приземистое суденышко, задорно подняв над водой нос, вздымая пенистые буруны, уже скользит по волнам мимо шлюпок, клинкеров и скифов. Это скутер. Особое устройство корпуса и малый вес позволяют ему на большой скорости не плыть, а скользить по реке, касаясь воды только одной третью своего днища. Скольжение в свою очередь повышает скорость. До 45 километров в час делает самый маленький скутер. Быстрота судна с более мощным мотором превышает 60 километров.

Гонки скутеров — увлекательнейший вид водно-моторного спорта. Последние годы в Москве этот спорт особенно развивается обществом «Трудовые резервы». Водная станция общества располагает целой флотилией скутеров различных классов. А среди молодых спортсменов «Трудовых резервов» есть не один десяток отличных скутеристов.

Управлять скутером — большое искусство. Прежде всего гонщик должен хорошо знать маленький подвесной мотор, двигающий судно.

Занятия водно-моторного отделения автомобильного клуба «Трудовых резервов» начинаются еще зимой. Будущие скутеристы — это в своем большинстве старшеклассники ремесленных училищ, искушенные и в других видах спорта: легкоатлеты, гимнасты, лыжники, пловцы. Под руководством опытного преподавателя Р. И. Жемарина новички постигают все премудрости, связанные с мотором.

Но вот проходит месяц—другой, и будущие скутеристы уже уверенно орудуют рычагами двигателя и с видом знатоков прислушиваются к его гулу. Да, мотор прекрасно работает в руках новичка! Но работает он еще вхолостую, на станке в мастерских. Будет ли двигатель таким же послушным на воде?

Садиться в скутер новичку еще рано. Мотор опускают в воду, но прикрепляют его не к скутеру, а к пристани. Оставляя ученика в «сухопутном положении», его приучают заводить и регулировать мотор на воде. Вскоре пройден и этот этап учебы. Теперь на скутер? Нет, и сейчас еще рано!

Группу новичков передают руководителю спортивной подготовкой скутеристов мастеру спорта В. С. Орлову. Он начинает с проверки, умеют ли будущие гонщики плавать. Хочешь водить скутер — умей плавать; каким угодно стилем, но проплыви 200 метров. Иначе садиться в скутер нельзя: посудинка эта не отличается устойчивостью.

Но и тех, кто выдержал испытание на собственную «пловучесть», в скутер еще не пустят. Сначала шлюпка, обыкновенная весельная шлюпка, к которой подвешивают мотор. Во всем, что придется проделывать, управляя скутером, ученик практикуется сперва на шлюпке под руководством сидящего рядом инструктора.

Наконец наступает долгожданный момент! Новичку разрешен первый выход на скутере. С каким торжеством выносит он из эллинга и спускает на воду корпус судна! С каким волнением подвешивает мотор!

Скутер отходит от пристани, и все наблюдающие за ним начинают улыбаться. Кажется, что новичок никогда и ничему не учился или все сразу перезабыл. Скутер кренится набок, вихляет из стороны в сторону, выписывает на воде самые неожиданные зигзаги и вдруг останавливается. Мотор заглох. Но ведь это лишь первый самостоятельный выход на реку! Пройдет несколько дней, и начинающий гонщик научится занимать в скутере положение, придающее судну наибольшие устойчивость и ходкость, будет уметь двигаться строго по прямой и делать красивые повороты, привыкнет координировать все свои действия.

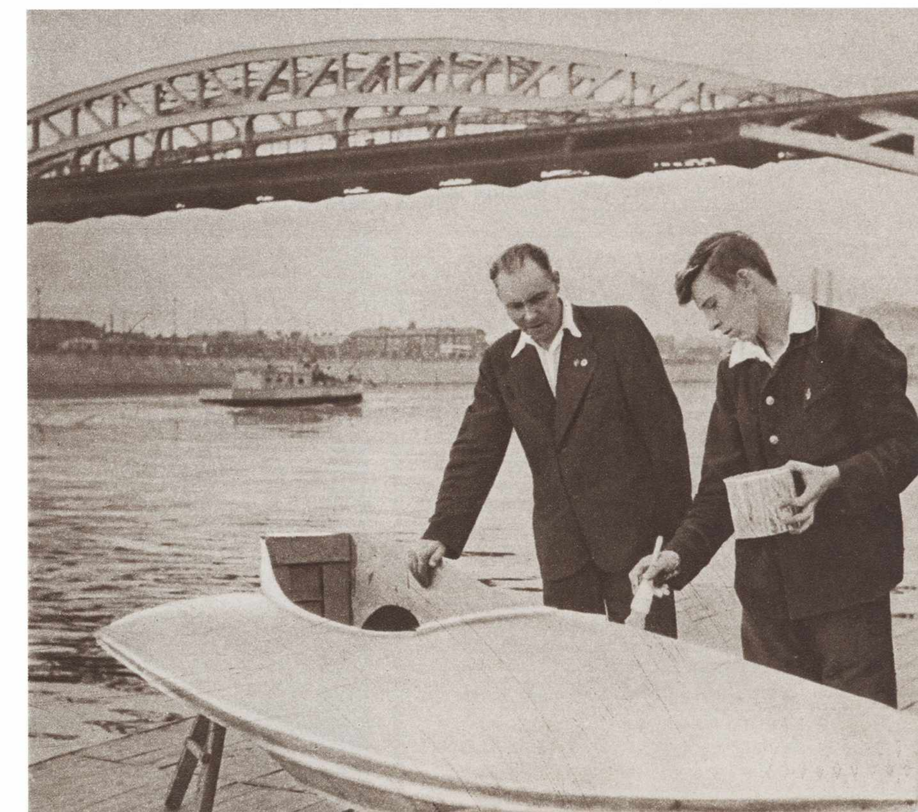
День ото дня будет нарастать и скорость. Первое время скутер под управлением новичка будет ходить довольно медленно — только плыть, а не скользить по воде. Но с каждым новым выходом на реку все смелей увеличивает молодой спортсмен число оборотов двигателя. И вдруг скутер как бы взлетает в воздух, начинается глиссирование — скольжение скутера по водной поверхности. Опираясь о воду только своей кормой, все быстрее мчится вперед утлое суденышко. Ревет мотор, ветер и брызги ударяют в лицо, слилась в сплошную полосу зелень берегов, шумит вода под тонким днищем... Радостное, ни с чем несравнимое ощущение скорости!

Сезон водно-моторного спорта сейчас в полном разгаре. Проведено уже немало интересных соревнований, и в начале августа предстоит розыгрыш всесоюзного первенства. Классическими дистанциями для маломощных скутеров являются гонки на 1 и 5 километров, а для более сильных (класс «С») 1 и 10 километров. Однако проводятся гонки скутеров и на 30 и даже на 100 километров по замкнутому кругу.

На старт всесоюзных соревнований вместе с гонщиками—мастерами Я. Дмитриевым, Р. Шибаевым, В. Орловым, К. Богдановой,

Ученик ремесленного училища № 6 Евгений Радионов построил скутер. На снимке: Радионов с мастером спорта В. С. Орловым.

Фото Г. Дубинского



Г. Березиной и другими — выйдет и талантливая молодежь из спортивного общества «Трудовые резервы». Сейчас все увлечены подготовкой к приближающимся состязаниям сильнейших. Над Москвой-рекой, в районе Ленинских гор, с утра до позднего вечера ровно гудят моторы. Идут тренировки.

Нередко скутер скользит по воде, буксируя за собой небольшую деревянную площадку, на которой стоит юноша или девушка в купальном костюме. Это упражняются, готовясь к показательным выступлениям, спортсмены-аквапланисты. Аквапланом называется деревянная, полая внутри площадка, что мчится на буксире за скутером. Устройство акваплана позволяет ему, как и скутеру, скользить по воде, взлетать над ней большей своей частью.

Буксировка акваплана требует от водителя скутера известной сноровки. Но, конечно, гораздо больше сноровки, ловкости, смелости нужно иметь тому, кто стоит на акваплане. Скорость—20, а то и 30 километров в час. Под ногами зыбкая, шатающаяся «водяная планка». В руках веревочные «вожжи». Все тело открыто мощному потоку воздуха. Особенно трудно удержаться на акваплане во время поворотов Для того чтобы акваплан сделал поворот за ведущим его скутером, допустим, вправо, спортсмену надо наклониться всем телом в сторону поворота, как бы педалировать правой ногой и тянуть правую «вожжу». Одно недостаточно хорошо рассчитанное движение — и мигом полетишь в воду.

Акваплан хорошо развивает чувство баланса, заставляет проделывать своеобразные гимнастические упражнения, отлично закаляет организм. В обществе «Трудовые резервы» особенно увлекается сейчас аквапланом группа девушек: Валя Захарова, Мура Оленина, Галя Тараканова и другие. Они занимаются под руководством известной московской аквапланистки Клавдии Косовой.

«Трудовые резервы» — одно из немногих обществ, развивающих в Москве водномоторный спорт. Мало скутеристов и гонщиков на катерах и в периферийных спортивных организациях. Главная причина этого — отсутствие двигателей. Водномоторники, пожалуй, больше других обойдены вниманием промышленности, выпускающей спортивный инвентарь. Только совсем недавно разработана конструкция нового маломощного подвесного мотора для скутеров и шлюпок. Выпуск его будет осваиваться заводами.

Скутеристы с нетерпением ждут новых моторов. А пока и на старых, любовно отремонтированных (и не раз уже!) двигателях они показывают отличные примеры смелости, сноровки, спортивной закалки, воли к победе. Можно наверняка сказать, что многие спортсмены-скутеристы станут со временем отличными моряками...

На Москве-реке, у Ленинских гор, продолжаются тренировки. Нарастающий гул мотора возвещает о приближении скутера. И вот он уже стремительно скользит мимо шлюпок, клинкеров и скифов. Будто гигантское копье прочертило водную гладь. Сам скутер — наконечник копья, а его след на реке — древко.

Приходите к нам!..



— Вот, ребята, доска для плавания. Ее легко сделать самим. Положите на нее руки, а сами делайте движения ногами в воде — вверх-вниз... вверх-вниз..., так, как мы разучили с вами на берегу...



Тане Лагуткиной 8 лет, но, не в пример многим мальчикам, она уже умеет плавать.
— Молодец, Танюшка,— сказал ей чемпион,— только, когда плывешь, руку опускай в воду так...

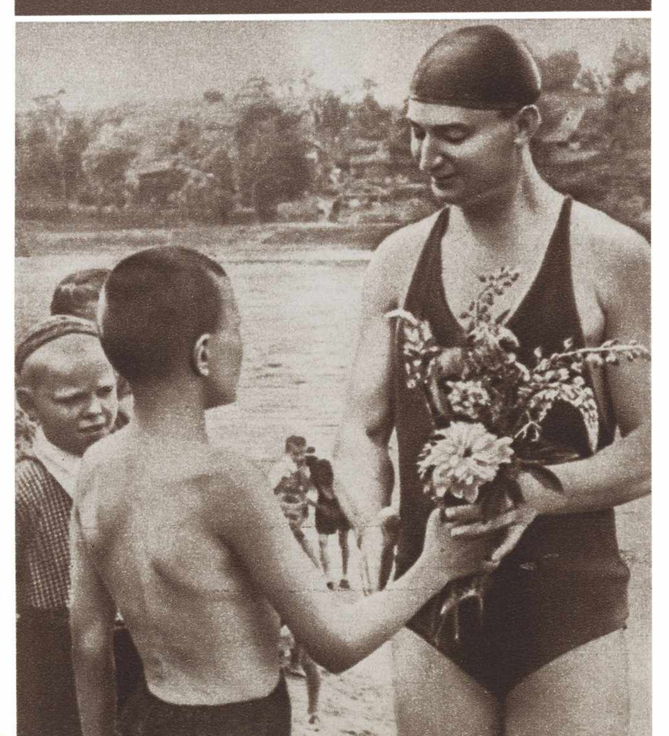


Фото В. Федоровой

Многие ученики 54-й московской школы уехали на лето в лагери, другие проводят каникулы в деревне. Для тех ребят, которые остались в городе, дирекция школы организовала лагерь во дворе домоуправления № 195 по улице Малые Кочки.

На небольшой площадке оборудованы места для физкультуры и для игр, есть сцена, фанерные домики для малышей. Много и любовно потрудились педагог школы (начальник лагеря) Н. Л. Либединская и управляющий домом С. И. Нелюбова, чтобы детям здесь было весело.

Школьники уже несколько раз побывали за городом, в лесу и в поле.

Однажды в гости к пионерам приехал рекордсмен мира и СССР по плаванию Л. К. Мешков. Восторгу ребят не было границ, когда они узнали, что Леонид Карпович даст урок плавания. Шутка ли — их будет учить лучший пловец Советского Союза!

Нечего и говорить, что заниматься под его руководством захотели все.

Занятия проходили на Москве-реке.

Мешков рассказал, как он учился плавать, когда еще сам был пионером, о соревнованиях, в которых ему приходилось участвовать.

Потом начался урок. Ребята старательно выполняли упражнения для ног и рук сначала на берегу, а потом в воде.

После занятий чемпион Советского Союза показал различные способы плавания.

Пионеры отпустили дорогого гостя лишь после того, как он дал обещание вновь побывать у них.

Урок плавания, который провел Л. Мешков в сводной дружине 54-й школы, — только начало большого и важного дела.

В начале июня в «Пионерской правде» было опубликовано письмо ведущих мастеров спорта к юным читателям газеты. Известные всему миру спортсмены взяли на себя обязательство помочь ребятам организовать физкультурную работу летом. Занятия, проведенные Леонидом Мешковым,— пример того, что слова спортсменов не расходятся с делом.

Заслуженный мастер спорта — ленинградец, рекордсмен мира и СССР по тяжелой атлетике — М. Раппопорт руководит физкультурной работой в лагере и сводных дружинах. Киевские спортсмены — заслуженные мастера спорта З. Синицкий и З. Синицкая, мастер спорта Н. Пименова и рекордсмен УССР В. Сидорко — также взяли шефство над юными физкультурниками. В Ташкенте мастер спорта Фарида Хасанова сама пришла на спортплощадку школы № 42 и предложила ребятам свою помощь.

Горячее спасибо скажут им советские ребята!

Всесоюзный комитет по делам физкультуры и спорта одобрил инициативу мастеров спорта.

В. ПРОТОПОПОВ

←

— Дорогой Леонид Карпович, большое вам спасибо! Обязательно приезжайте к нам еще раз,— говорит Шура Перекальский.

— Обязательно приеду,— ответил Леонид Мешков.





Варвара **КАРБОВСКАЯ**

Рисунки Г. Валька

— Тетя, а какой породы ваша собака?

С этого вопроса началось наше знакомство.

Тем, кто говорит, что мальчики (в этом случае даже говорится: мальчишки!) обижают и дразнят животных, я всегда скажу:

— Неправда! Нет у животных лучших друзей и защитников, чем ребята, начиная с самого маленького возраста, когда даже еще непонятно, кто это шествует вам навстречу в красном пальтишке с капюшоном, ковыляя на коротеньких ногах,— он или она. Но маленькие только очарованно улыбаются и произносят: «Бабака!» или «Гав, гав!», но зато те, что постарше, интересуются и породой, и назначением собаки, и ее дрессировкой. На все это нужно отвечать исчерпывающе, толково — и дружба обеспечена.

— Это служебная собака. У нее есть паспорт с фотокарточкой. Если ее натаскивать, она будет отличным охотником по лисам и барсукам. Кличка? «Степа».

Я говорю о наших замоскворецких мальчиках, но уверена, что они у нас все такие: одни очень вежливые, другие грубоватые и немножко озорные, но все без исключения доброжелательные и любознательные.

— Я пойду с вами рядом, ладно? — спросил мой новый знакомый.

— Пожалуйста.

Затем последовал ряд обычных вопросов. Когда все они были исчерпаны, задавать вопросы начала я.

— Сколько тебе лет?

— Одиннадцать.

— В четвертом классе?

— Перехожу в пятый.

Безусловно, это звучало солиднее.

— Как тебя зовут?

— Миша. Михаил Петров.

У Михаила Петрова был русый непослушный вихор на макушке, задорный нос, обсыпанный веснушками, клетчатая рубашка, заправленная в синие штанишки, и обшарпанные на носах башмаки, из которых правый был стоптан на сторону.

— А зачем ты так стоптал свой башмак?

Миша смущенно посмотрел себе на ноги и скривил ступню.

— Это от стеснения. Я когда стесняюсь, всегда набок ногу ставлю.

— Значит, ты очень часто стесняешься?

— Нет, не очень часто. Но уж как скривлю, так потом и иду. Мама за это ругает, а папа говорит, когда я вырасту, исправлюсь.

Разговор опять вернулся к собакам.

— Мой «Степа» был на выставке, — говорю я, — он получил большую серебряную медаль.

Миша глубоко вздыхает, молчит и потом вдруг начинает быстро-быстро рассказывать с увлечением:

— А у нас... вы знаете, мы когда жили в деревне, у нас была овчарка! Овчарища — во! Огромная-преогромная! У нее тоже была медаль, но только... золотая. Ведь им дают и золотые медали, верно?

— Дают, конечно.

— Ну вот... А за что дают?

— За породу. За служебные качества.

— У нашей медаль за служебные. Она волков грызла! Ух ты! Так грызла, прямо шерсть летела! Она с ними в лесу расправлялась, а те южжали, так южжали, за три километра слышно было! Ведь они, овчарки, грызут волков?

— Они любого врага могут загрызть. И имущество охраняют.

— Вот, вот! — обрадовался Миша.— Наш «Тигр» охранял. Его «Тигром» зовут. Весь колхоз охранял. Ничего никогда не пропадало! Порядочек!

— А у тебя кто в колхозе?

— Кто? Дедушка у меня в колхозе.

— Он работает?

— Кто? Дедушка? Ого! Еще как работает-то! Ему даже... орден дали!

— Значит, он передовик сельского хозяйства?

— Ага, передовик. Самый первый передовик! У него все раньше всех поспевает, и рожь и эта самая... пшеница. Все! А теперь они там у себя лес насадили, и он уже растет. Скоро такой лесище будет, ого!

— А братья у тебя есть?

Миша задумывается и смотрит на меня серыми, ясными глазами. Может быть, ему кажется странным, что я ничего не знаю про его братьев?

— Есть у меня братья. Целых два. Один — летчик, герой. А другой — инженер,— и он добавляет почтительно: — Лауреат Сталинской премии. Вот какие у меня братья!

— Да, я вижу, они у тебя прямо замечательные.

— Еще бы! — с гордостью говорит Миша, и лицо его становится вдохновенным. — Мой брат, который летчик, он, знаете как кто? Как Мересьев! Вы в кино картину видели?

— Видела. И книгу про него читала. Это замечательный человек.

— Ага! Такой замечательный! Помните, как он в лесу полз? Там медведь, такой медведище — у-у! А он раненый, но все равно не испугался.

— А твой брат тоже был ранен?

— Брат? Ага! Еще как ранен-то! Но он потом тоже летал. Знаете, сколько он фашистских самолетов сбил? Двадцать пять штук! О как!

— А твой другой брат?

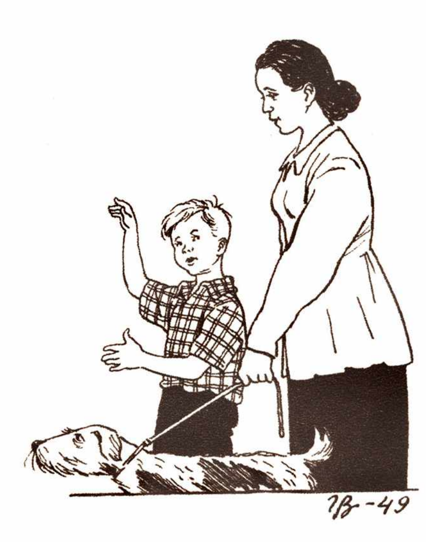
— Другой? Другой у меня инженер. А во время войны он был еще совсем мальчик. Знаете, как кто? Как Олег Кошевой!

— Он тоже был в тылу у врага?

— Был! И он все фашистам назло делал! Они прямо лопались от злости! Он у них склад взорвал!

— Вот он у тебя какой!.. А когда война кончилась, он продолжал учиться и стал инженером?

— Да. Он так учился! Прямо лучше всех. А теперь он дома



строит. Он, знаете, какой дом выстроит? В 52 этажа!

Миша вытягивает свою тонкую руку, тычет пальцем вверх, его веснушчатое лицо так и сияет гордостью.

— Чего-чего только в этом доме не будет! Пять школ! Этот самый... университет! Как школу кончил, так этажом выше поднялся и сразу — в университет! Все! Все как есть будет!

— Так подожди, если он дома строит, он, наверное, архитектор?

— Ну, архитектор,— покладисто соглашается Миша.

— А кто твои папа и мама?

Миша моргает длинными белесыми ресницами и говорит неопределенно:

— Папа и мама? Они у меня тоже хорошие.

— А ты сам как учишься?

Миша кривит ногу — очевидно, начинает стесняться.

— Когда как... Иногда хорошо, иногда плохо...

— Ну вот, уж плохо-то не годится! Раз у тебя такие братья замечательные, ты должен брать с них пример.

— А я и беру! — с живостью говорит Миша. — Я вырасту, тоже буду, как Мересьев или как Олег Кошевой. Непременно! Вот увидите!

На этом мы расстались.

И вот как-то на днях я приехала на дачу к моим родственникам. У них было маленькое семейное торжество, и собирались гости. За стол не садились, ждали незнакомую мне Марью Ивановну с сыном.

Наконец Марья Ивановна приехала, а сыном ее оказался мой знакомый Миша. Увидев меня, он сразу застеснялся и скривил ногу в новенькой скрипучей сандалии.

— Миша, не криви ногу, поздоровайся и иди к своим друзьям,— сказала Марья Ивановна.

Она оказалась очень милой, симпатичной женщиной, по профессии библиотекаршей. Мы разговорились.

— Я знакома с вашим Мишей,— сказала я,— и даже, по его рассказам, знаю всю вашу замечательную семью.

— Ну чем же она замечательная? — сконфуженно и очень похоже на Мишу улыбнулась Марья Ивановна. — Самая обыкновенная семья...

— Да, конечно, у нас много таких семей, и все-таки они замечательные. Начиная с дедушки.

— С дедушки? — удивилась Марья Ивановна. — А в нашем дедушке как раз нет ничего необычного. Он глубокий старичок, живет в колхозе. Уже не работает, хотя в лесонасаждении участие принимал.

— Вот как?.. А... «Тигр» у вас там есть? Мне Миша про него рассказывал.

Марья Ивановна засмеялась.

— Ах, и «Тигра» даже знаете? Да, это своего рода примечательность!

— Охраняет колхозное добро?

— Да, день и ночь сидит в колхозном амбаре и ловит мышей. Работящий кот.

— К... кот?

Мы переглянулись, и Марья Ивановна как-то особенно испытующе поглядела на меня.

— А... а что еще вам Миша рассказывал?

Тут уж и я почувствовала что-то неладное и, чтобы не подводить своего приятеля, сказала беззаботным тоном:

— Много чего рассказывал. О себе. Что он учится когда хорошо, когда плохо.

Марья Ивановна облегченно вздохнула:

— Вот это правда. Способности у него неплохие, но он очень увлекающийся и... большой фантазер. Мечтатель. Кино, книги — это для него вся жизнь.

— Но ведь книги у нас хорошие, картины отличные, это же прекрасно, что он ими увлечен. Ведь это не американская стряпня с убийствами и прочими ужасами. Миша берет себе за образец таких людей, как Мересьев, Олег Кошевой...

— Да, у нас книги помогают воспитывать наших ребят,— согласилась Марья Ивановна,— а то ведь сами-то мы частенько грешим в этом отношении. Балуем,— она улыбнулась. — Да и как не баловать? Вот, например, Миша у меня один...

— Ах... значит, у вас нет больше сыновей?

Нас позвали к столу.

После чая с именинным кренделем и пирогами я разыскала в саду моего приятеля. Он сидел на траве, окруженный ребятишками, и вдохновенно рассказывал:

— В колхозе, где мой дедушка, у нас там река... И на ней выстроена гидроэлектростанция! И когда вечер, везде-везде огни зажигаются! И волки, которые в потемках бродят и замышляют, ни за что близко не подойдут! Не посмеют!

Увидав меня, он застеснялся и заморгал длинными ресницами. Я предложила ребятам пойти в лес.

— Миша, ты куда же? Идем рядышком, поговорим.

— О чем?

— А ты не догадываешься, о чем?

Он по привычке скривил ногу в скрипучей сандалии.

— Зачем же ты мне, милый, все сочинил?

— Про что?

— Да про все. Про своих братьев, про дедушку, про «Тигра», который вовсе кот, а не собака.

Миша помолчал и потом сказал задумчиво:

— В общем-то я вам не особенно наврал.

— Как же так — не особенно?

— А что? Разве я врал про себя? И не думал! И про маму с папой тоже. Сказал, что они у меня хорошие. Разве мама у меня плохая?

— Нет, твоя мама очень хорошая. Но ведь братьев у тебя нет?

Миша глубоко вздохнул и поднял на меня ясные глаза.

— Про себя я правду сказал. Про дедушку... ну что ж, он только старенький, а если бы он был помоложе, конечно, он был бы герой труда! Как все, так и он. Я не виноват, что он старенький.

— Ну, а братья?

— Братьев у меня, правда, нет, — Миша сказал это с сожалением. — А если бы были, что вы думаете? Не были бы героями? Конечно, были бы!

— Но ведь у тебя их нет!

Миша усмехнулся,— вероятно, моей непонятливости,— и произнес очень настойчиво:

— А если бы были? Я же не виноват, что их нет. А что, у нас мало героев? Ого, еще сколько! И я считаю, что они мне, как братья.

— Ну, хорошо, а про «Тигра» зачем? Ведь он кот?

У Миши стало скучное лицо.

— Что ж такого, что кот! Разве я виноват? А он тоже колхозное добро бережет. Только ведь он волков загрызть не может? Не может. Я и подумал, пусть он лучше будет овчаркой. Я все равно себе когда-нибудь овчарку заведу.

— Все это прекрасно, но сочинять все-таки не следует.

— А почему? Я ведь сочиняю не про плохое, а про хорошее. И про то, что везде есть. Что ж такого, что не у меня? А у меня еще будет! И, может быть, еще получше будет.

Я не могла не согласиться.

— Конечно, все будет еще лучше и у тебя и у всех. Но для этого надо хорошо учиться, а не когда хорошо, когда плохо.

— Ладно.

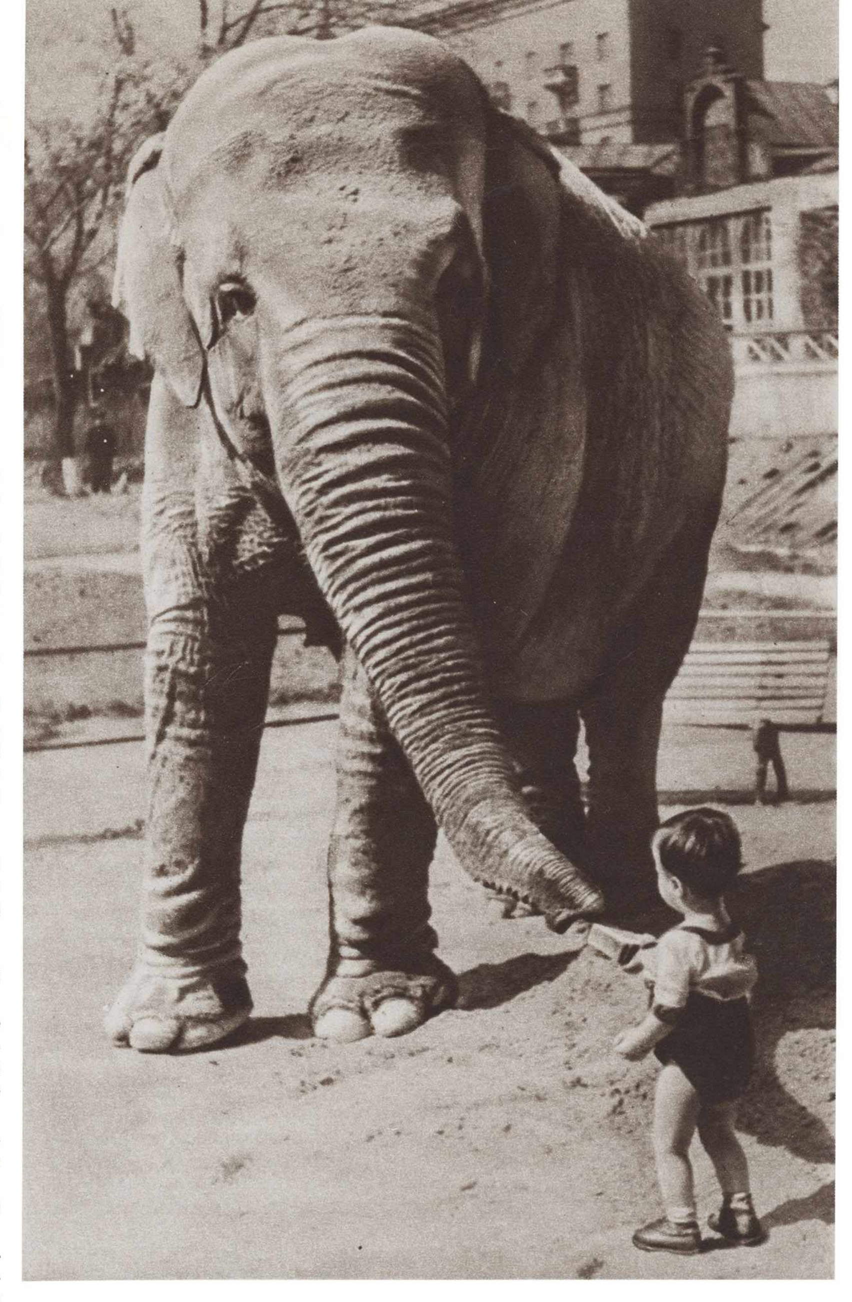
Миша улыбнулся и поглядел на меня веселыми глазами.

— Только вы маме не рассказывайте про моих братьев. Хорошо? Потому что ведь тут ничего особенного нет, я сам когда-нибудь буду, как они.

Внезапно я вспомнила про мишиных растерзанных волков и не могла удержаться от смеха:

— Миша, а ведь волки-то не визжали?

— Ого! — сказал он грозно. — Еще как завизжат! Когда я вырасту, нигде ни одного волка, ни единого врага никакого не останется! Вот увидите!

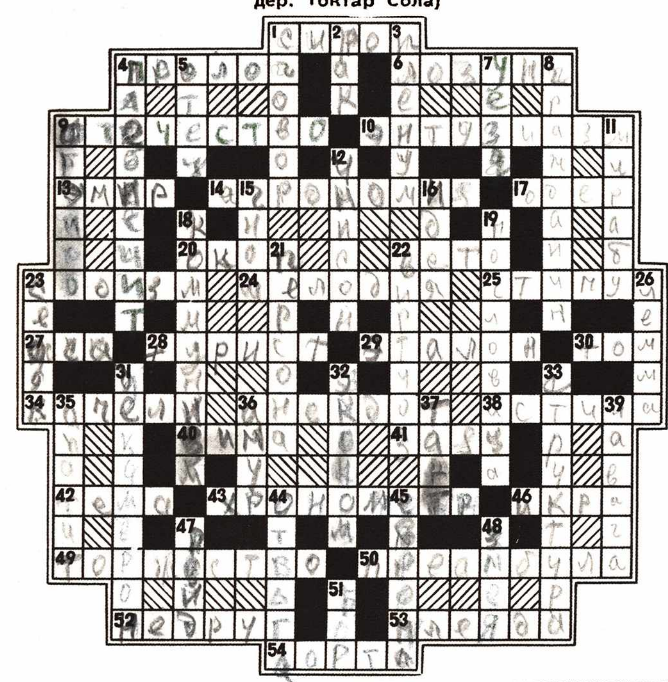


Слониха «Пунчи» и ее друг Толя.

Фото Г. Липскерова

КРОССВОРД

Составил читатель «Огонька» Г. ОНАР (Марийская АССР, дер. Токтар Сола)



По горизонтали:

1. Сладкий сок. 4. Вступительная часть романа. 6. Призыв. 9. Родина. 10. Воодушевление. 13. Наместник в старой Турции. 14. Наука. 17. Река в Европе. 20. Земляное укрытие. 22. Запрещение. 23. Ложное умозаключение. 24. Мотив. 25. Побудительная причина. 27. Насекомое. 28. Путешественник. 29. Образец меры. 30. Часть сочинения. 34. Вид развлечения. 36. Остроумный короткий рассказ. 38. Правда. 40. Время года. 41. Грызун. 42. Главная мысль. 43. Точные часы. 46. Продукт питания. 49. Празднество. 50. Обоснование международного соглашения. 52. Враг. 53. Группа выдающихся деятелей. 54. Главная артерия.

По вертикали:

1. Помолвка. 2. Речное животное. 3. Собрание. 4. Всенародное голосование. 5. Родитель. 7. Часть губернии. 8. Подданный государства. 9. Камень для высекания огня. 11. Птица. 12. Созвучие. 15. Карлик в мифологии. 16. Мысль. 18. Высшая общественная формация. 19. Краткое образное изречение. 21. Особа. 22. Музыкант, в совершенстве владеющий техникой своего искусства. 23. Родственник. 26. Вспомогательная теорема. 31. Произведение Боккаччо. 32. Заведующий хозяйством. 33. Устройство. 35. Минерал. 36. Река в СССР. 37. Чувство меры. 39. Рыба. 44. Мужество. 45. Часть света. 47. Место для стоянки судов. 48. Пресмыкающееся. 51. Лес.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ПОМЕЩЕННЫЙ В № 29

По горизонтали:

2. Лафет. 5. Актриса. 8. Брамс. 11. Перископ. 12. Акустика. 13. Кулик. 14. Травма. 15 Соната. 16. Антенна. 21. Сорока. 23. Спирт. 25. Борнео. 27. Чайковский. 28. Сталинград. 30. Измаил. 32. Диван. 33. Сократ. 36. Барокко. 40. Токсин. 41. Пагода. 43. Кросс. 44. Баранина. 45. Контраст. 46. Надир. 47. Баллада. 48. Каска.

По вертикали:

1. Артиллерия. 2. Лепет. 3. Фарватер. 4. Тесьма. 6. Капкан. 7. Стакан. 8. Бостон. 9. Ализарин. 10. Скала. 17. Испания. 18. Капсюль. 19. Обелиск. 20. «Иоланта». 22. Осока. 23. Скирд. 24. Титан. 26. Рынок. 29. Автомобиль. 31. Маскарад. 34. Резонанс. 35. Пионер. 37. Анкара. 38. Каскад. 39. Ластик. 40 Табун. 42. Астра.

ПОЛЕЗНАЯ КНИГА

Пищепромиздатом выпущена «Книга о вкусной и здоровой пище».

В вводной статье о рациональном питании, о его значении в жизни человека и в сохранении им нормальной работоспособности сообщаются основные сведения о белках, жирах, углеводах, витаминах, минеральных солях. Книга содержит рецепты и способы изготовления закусок, супов, блюд рыбных, мясных, овощных, молочных, мучных изделий, сладких блюд и т. д.

Особые разделы книги посвящены питанию женщин в период беременности и кормления, а также детскому и лечебному питанию.

В «Книге о вкусной и здоровой пище» даны полезные советы о столовой и кухонной посуде, о нагревательных приборах, о хранении свежих овощей и о домашних заготовках (варенье, маринады, засолка, квашение).

В редакционной коллегии книги — профессоры Д. И. Лобанов, Н. Н. Простосердов, О. П. Молчанов, Б. И. Збарский, М. И. Певзнер и другие. Книга одобрена Комитетом питания Академии медицинских наук СССР.

Главный редактор — А. А. СУРКОВ.

Редакционная коллегия: С. К. ГЕРАСИМОВ, М. ИЛЬИН, В. С. КЛИМАШИН, Е. Н. ЛОГИНОВА, М. В. МАРИНА, Б. Н. ПОЛЕВОЙ, Е. М. СКЛЕЗНЕВ, С. И. СОКОЛОВ.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61. Оформление И. Уразова.

А — 05293. Подписано к печати 18/VII—49 г. Изд. 542. 5½ печ. л. Тираж 350 000. Заказ 1570. Рукописи не возвращаются.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, улица «Правды», 24.

Министерство пищевой промышленности СССР ★ Главпарфюмер



ЖИДКИЙ КРЕМ

„Вита"

РЕКОМЕНДУЕТСЯ
ДЛЯ ПИТАНИЯ КОЖИ

Цена
3 руб.

